This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Д·С·МЕРЕЖКОВСКІЙ

ЦАРСТВО

АНТИХРИСТА

ORE—MASKEN—VERLAG

МЕРЕЖКОВСКІЙ / ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

D. Philossofow D. Mereschkowskij Z. Hippius W. Slobin

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ
З. Н. ГИППІУСЪ / Д. В. ФИЛОСОФОВЪ
В. А. ЗЛОБИНЪ

ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ ТЫСЯЧА

DMV

1 9 2 2

DREI MASKEN VERLAG, MÜNCHEN

All rights reserved

Copyright 1921 by Drei Masken Verlag A.-G.
Munich

ТИПОГРАФИЯ ШПАМЕРА Ъ ЛЕЙПЦИГЪ

Printed in Germany.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Нѣкоторыя статьи этой книги написаны около полугода тому назадъ. И протекающее время не только не опровергаетъ моихъ положеній, — оно ихъ подтверждаетъ.

Точка зрѣнія, съ которой въ книгѣ разсматриваются явленіе большевизма и событія Европы, позволяетъ видѣть внутреннюю ихъ логику и предугадывать, въ общихъ чертахъ, ихъ теченіе. Намъ, современникамъ, особенно трудно проникнуть въ главный смыслъ происходящаго; у насъ нѣтъ перспективы, мелкое порою заслоняетъ отъ насъ крупное, случайное и обманное покрываетъ истину. Понять, или хоть приблизиться къ пониманію происходящаго въ его сути, уловить единую линію, можно лишь ставъ на самую глубокую точку зрѣнія — религіозную. Подъ этимъ вѣчнымъ знакомъ и написаны статьи моей книги.

Европа жаждетъ мира и спокойнаго труда. И обманываетъ себя, думая, что можетъ достичь успокоенія, пока Россія задыхается подъ игомъ новыхъ варваровъ. Обманываетъ себя, считая, что можетъ экономически преуспѣвать, пока цѣлый сосѣдній народъ вымираетъ отъ голода, убѣждая себя, что застрахована отъ внутреннихъ потрясеній, хотя у III Интернаціонала есть такая база, какъ Россія. Обманываетъ себя, ибо закрываетъ глаза на религіозную сущность властвующаго въ Россіи Интернаціонала, на главный принципъ его, отъ котораго онъ можетъ отказаться, лишь переставъ существовать.

Рано или поздно Европа это пойметъ. Мы хотѣли бы вѣрить, что пойметъ не слишкомъ поздно.

Въ книгѣ, въ моихъ статьяхъ, я и теперь не могъ бы измѣнить ни одного слова. Есть лишь одна частность, о которой хочу упомянуть. Это моя обманутая вѣра въ Польшу. Я вѣрилъ въ душу, сердце и разумъ братскаго польскаго народа. Я и теперь вѣрю въ его душу, если эта душа — безсмертный польскій мессіанизмъ. Но ослѣпленный разумъ Польши закрылъ ея душу и сердце. Миръ, который она подписала съ большевиками — уничтожилъ или отдалилъ на долгіе годы миръ ея съ Россіей, такой насущно-необходимый обѣимъ сосѣднимъ странамъ. Не видѣть этого можетъ только тотъ, кто не видитъ возможности воскресенья Россіи, или не хочетъ его.

И совсѣмъ не въ условіяхъ рижскаго мира дѣло, не въ томъ, выгодны они или нѣтъ для Россіи». Россіи нѣтъ, и не съ Россіей, а съ ея лютѣйшими врагами Польша заключила миръ, ужъ для нихъ-то во всякомъ случаѣ, выгодный. Съ этой точки зрѣнія безразличны условія мира; существуетъ только одно: фактъ мира.

Я самый убѣжденный сторонникъ безусловной свободы самоопредѣленія народностей. Я совершенно увѣренъ, что если бы Польша отнеслась къ сосѣднему братскому народу сознательно, еслибъ она поняла смыслъ своей августовской побѣды, этого «чуда надъ Вислой», и черезъ двѣ-три недѣли стала бы разговаривать съ Россіей (освобожденной) — эта Россія не стала-бы торговаться съ нею. Русскій народъ давно понялъ, что лучше имѣть малую территорію, чѣмъ никакой. Сейчасъ онъ не имѣетъ никакой: вѣтъ большевистскія.

Повторяю: мы, пережившіе и понявшіе большевизмъ въ Россіи, мы неизмѣнные и твердые сторонники свободной жизни и самостоятельности всѣхъ народностей, даже самыхъ мелкихъ. Всѣхъ, кто этой свободы пожелаетъ и пока будетъ находить возможнымъ и выгоднымъ для себя существовать самостоятельно. Это такъ ясно, и необходимость предоставленія свободы другимъ такъ очевидна для насъ, русскихъ, знающихъ цѣнность свободы, – что мы лишь можемъ удивляться опасному ослѣпленію многихъ въ Европѣ.

Не «территорій», не «границъ» не проститъ Польшѣ будущая Россія; а самого мира съ ея палачами. Не проститъ и Польша Россіи: вѣдь мы труднѣе всего прощаемъ тому, кому мы сдѣлали зло. Не страшна-ли эта грядущая, длительная вражда — пусть даже не война, но вражда, — двухъ народовъ, вражда вопреки разуму, требующему отъ нихъ мира и дружелюбія?

Вѣра въ Польшу, которая диктовала мнѣ многія строки въ этой книгѣ, — превратилась нынѣ въ боль за Польшу. Я слишкомъ люблю ея сердце, — ея исторію, ея великихъ людей, Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, Товянскаго, — всю ея героическую борьбу, проходившую подъ четыреконечнымъ знакомъ — знакомъ Креста. И вотъ, на порогѣ своего возрожденія Польша Кресту измѣнила. Не предстоитъ-ли ей Голгова новая?

Подъ вѣчнымъ знакомъ Креста нынѣ начинается медленное, тяжкое, но крѣпкое возстаніе Россіи изъ пепла. Это уже не вѣра наша — это мы знаемъ, это дѣйствительность. Каковы бы ни были времена и сроки, обѣщаніе не обманетъ. Третья, новая, свободная, святая Россія — идетъ.

Іюнь, 1921 г. *Д. М.*
Парижъ.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

ЦАРСТВО АНТИХРИСТА

Большевизмъ, Европа и Россія

I

«Большевизмъ и Россія», — если такъ ставился вопросъ еще недавно, то теперь уже не такъ. Не «большевизмъ и Россія», а «большевизмъ, Европа и Россія», — вотъ какъ сейчасъ онъ поставленъ всемірно-историческими судьбами, русскими и европейскими.

Между нынѣшней Россіей, большевистскою, и Россіей будущей, освобожденною, Европа, хочетъ того или не хочетъ, будетъ вдвинута. Сколько бы не открещивалась отъ «вмѣшательства», — рано или поздно, вмѣшается, вдвинется.

Какъ интернаціоналенъ, въ существѣ своемъ, въ Интернаціоналѣ, самъ большевизмъ, такъ и борьба съ нимъ должна быть интернаціональною, всемірною. Когда послѣдній русскій національный фронтъ палъ или ушелъ въ глубь Россіи, въ неизбѣжную революцію, — это яснѣе, чѣмъ когда-либо. Національный фронтъ палъ — обнажился фронтъ всемірный.

Этотъ часъ, когда я съ вами говорю, есть часъ всемірности, и это мѣсто, гдѣ я съ вами говорю, — есть мѣсто всемірности: Парижъ — городъ всемірный по преимуществу. Вотъ почему, если когда-либо, то отны-

нѣ, и если гдѣ-либо, то отсюда, борьба съ большевизмомъ должна сдѣлаться всемірной.

Да, между большевизмомъ и Россіей будетъ вдвинута Европа. Это очень трудно понять европейцамъ. Но, какъ имъ ни трудно, — мы, русскіе, должны сдѣлать, чтобы они наконецъ это поняли.

Европейцы этого не поймутъ, пока мы, русскіе, сами не поймемъ, что большевизмъ можетъ быть побѣжденъ только «Третьей Россіей».

Что такое Третья Россія?

Россія первая — царская, рабская; Россія вторая — большевистская, хамская; Россія третья — свободная, народная.

Но, прежде чѣмъ говорить о существѣ Третьей Россіи, должно сказать о ведущихъ къ ней путяхъ.

На этихъ путяхъ все русское изгнаніе, русское «разсѣяніе», уже подобное великому разсѣянію Израиля — diaspora — дѣлится на-двое: на знающихъ и не знающихъ о томъ, что сейчасъ происходитъ въ Россіи.

Не застигнутые полднемъ большевистскаго ужаса въ самой Россіи, успѣвшіе бѣжать, — не знаютъ всего, а не знать объ этомъ всего — ничего не знать. Кто этого самъ не видѣлъ, не испыталъ, не пережилъ, тотъ никогда ничего не узнаетъ.

Между знающими и незнающими — черта, подобная чертѣ смерти: живые — мертвыхъ, мертвые живыхъ не разумѣютъ. «Между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не переходятъ». Мы и вы — тотъ свѣтъ и этотъ.

О томъ свѣтѣ мы вамъ ничего сказать не можемъ. Между нами и вами — стѣна стеклянная. Вы видите, слышите, но не осязаете главнаго. Главное

свойство того, что сейчасъ происходитъ въ Россіи — нѣмота, несказанность, неизреченность ужаса. Люди сострадаютъ страданію малому и среднему; слишкомъ большому сострадать уже не могутъ, потому что не видятъ его: такъ ультрафіолетовыхъ лучей не видитъ глазъ. Вся Россія сейчасъ — въ такихъ лучахъ страданія невидимыхъ.

Кто знаетъ все, что сейчасъ происходитъ въ Россіи, — у того не рана въ душѣ, а вся душа — рана; тотъ человѣкъ съ содранной кожей. «Ничего, обрастешь, забудешь», говорите вы, незнающіе; а мы говоримъ: не хотимъ обрастать, не хотимъ забывать. Будь мы прокляты, если забудемъ!

«Воскреснетъ же когда-нибудь Россія, — подождемъ», говорите вы; а мы говоримъ: никогда не дождется Россіи тотъ, кто ждалъ.

«Лучше большевики, чѣмъ то или это», говорите вы, а мы говоримъ: лучше все, чѣмъ большевики.

Для ихъ сверженія вы готовы жертвовать тѣмъ или этимъ, а мы — всѣмъ. Съ тѣмъ или этимъ вы у нихъ соглашаетесь; а мы — ни съ чѣмъ. Вы — мирящіеся; мы непримиримые.

«Не вмѣшивайтесь въ русскія дѣла», говорите вы, а мы говоримъ: невмѣшательство противъ большевиковъ — вмѣшательство за нихъ.

Невмѣшательство — соглашательство — предательство, русское и всемірное.

Кто предалъ Россію большевикамъ и вотъ уже три года предаетъ? Соглашатели — Ллойдъ-Джоржъ одинъ, и Ллойдъ-Джоржы безчисленные; Керенскій одинъ — и безчисленные Керенскіе. Если Керенскій вернется въ Россію, то какъ встрѣтятъ его? Растерзаютъ? Нѣтъ, онъ самъ разсыплется прахомъ.

Кто торговался о Россіи «единой, недѣлимой» и мертвой, забывъ о Россіи живой и расчлененной, растерванной? Все вы-же, соглашатели, русскіе и всемірные.

Еще оттуда, изъ нашего гроба, погребенные заживо вмѣстѣ съ Россіей, мы торгъ этотъ слышали, во время наступленія Колчака, Деникина, Юденича, — торгъ о Польшѣ, Финляндіи, Эстоніи, Латвіи, и каждое условіе торга вколачивало лишній гвоздь въ нашъ гробъ. Нѣтъ, этого мы вамъ никогда не забудемъ за себя и за всѣхъ, кто остался въ Россіи. Будь мы прокляты, если забудемъ, — говоримъ о себѣ. Говоримъ и о васъ: будьте вы прокляты, уже забывшіе!

Да, соглашатели суть предатели, пусть невинные, честные, благородные, но все же предатели, — вѣдь, главное свойство Керенскихъ и есть сочетаніе благородства съ предательствомъ.

Русскій Парижъ — городъ соглашателей. Но не весь. Если бы весь, то съ нимъ и говорить бы не стоило. Я съ вами говорю, потому что вѣрю, что тамъ, гдѣ есть русскіе люди, есть и люди съ содранной кожей, незарастающей; тамъ, гдѣ есть русскіе люди, есть и помнящіе все, что сейчасъ происходитъ въ Россіи; не соглашатели, не предатели, — враги большевиковъ непримиримые. Я съ вами говорю, потому что вѣрю, что среди васъ непримиримыхъ много, и будетъ все больше; а когда будутъ всѣ, тогда большевизму конецъ, тогда будетъ Третья Россія.

Непримиримость — вотъ въ Россію Третью путь единственный. Кто сошелъ съ него, тотъ въ нее не войдетъ. Не войти въ Россію, не имѣть въ ней части — казнь мирящихся.

Мириться можно со зломъ относительнымъ, съ аб-

солютнымъ — нельзя. А если есть на землѣ воплощеніе Зла Абсолютнаго — Діавола, то это — большевизмъ.

«Вашъ отецъ — діаволъ. Онъ былъ человѣкоубійца отъ начала, лжецъ и отецъ лжи».

Большевики — сыны діавола, лжецы и человѣкоубійцы отъ начала. Лгутъ и убиваютъ, убиваютъ и лгутъ. Покрываютъ ложь убійствомъ, убійство — ложью. Чѣмъ больше лгутъ, тѣмъ больше убиваютъ. Безконечная ложь — человѣкоубійство безконечное.

Отъ начала солгали: «миръ, хлѣбъ, свобода». И вотъ — война, голодъ, рабство. Такое рабство, такой голодъ, такая война, какихъ еще никогда на землѣ не бывало.

Лгутъ о революціи — освобожденіи, а свободу называютъ «буржуазнымъ предразсудкомъ». (Ленинъ.) Но, если надо буржуазію уничтожить, то надо уничтожить и свободу. Это и дѣлаютъ: убиваютъ свободу и покрываютъ убійство ложью. Лгутъ, что убили свободу *на время,* пока не восторжествуетъ равенство. Но нельзя убить свободу на время. Убитая свобода не воскресаетъ, пока живы свободоубійцы. Пока живъ большевизмъ, свобода мертва.

Да, воистину, такого рабства никогда еще на землѣ не бывало. Донынѣ всякое человѣческое насиліе, порабощеніе было только частичнымъ, условнымъ и относительнымъ, именно потому, что было только человѣческимъ. Всякій поработитель зналъ, что дѣлаетъ зло. Большевики этого не знаютъ. Такъ извратили понятія, что зло считаютъ добромъ, добро — зломъ, «по совѣсти» по своей нечеловѣческой, діавольской совѣсти. И впервые на землѣ явилось рабство безграничное, абсолютное, нечеловѣческое, діавольское.

Такъ же лгутъ и о хлѣбѣ. Не хлѣбъ имъ нуженъ,

а голодъ. Не борятся съ голодомъ, а голодомъ держатся: вся власть ихъ зиждется на голодѣ. Давно ужъ поняли, что сытый народъ бунтуетъ, ищетъ свободы; а голодный покоряется и чѣмъ голоднѣе, тѣмъ покорнѣе. Давно уже поняли, что цѣпь голода — изъ всѣхъ цѣпей крѣпчайшая. Всѣ человѣческіе страхи мгновенны и частны, по сравненію со страхомъ голода, общимъ и вѣчнымъ. Огнемъ и желѣзомъ пытаютъ одного человѣка, а человѣческія множества — «массы» — голодомъ. Много смертей человѣческихъ; у каждаго человѣка — своя; но голодная смерть для всѣхъ одна. Когда и мать-земля не родитъ, то человѣкъ — сынъ, проклятый матерью. Проклятье земли тягчайшее.

Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на пирахъ,
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ.

Такъ сейчасъ въ Россіи, такъ будетъ и во всей Европѣ, если пройдетъ по ней большевизмъ. Гдѣ конь этотъ ступитъ копытомъ, тамъ трава не растетъ; гдѣ саранча эта сядетъ, тамъ уже ни былинки, ни колоса. Съѣли Россію — съѣдятъ и Европу. Весь міръ съѣдятъ. Вотъ для чего идутъ съ востока на западъ красныя полчища. Не Троцкій ведетъ ихъ, а полководецъ иной — апокалипсическій всадникъ на черномъ конѣ съ чернымъ знаменемъ — Голодъ. И пулеметнаго огня въ спину не нужно, когда гонитъ людей голодъ: если позади смерть, а впереди хлѣбъ, то люди идутъ впередъ и пройдутъ весь міръ — не остановятся. Вотъ, въ чемъ тайна красныхъ «побѣдъ», этихъ чудесъ діавольскихъ.

Большевики и это давно уже поняли. Какъ побѣдили Россію, такъ побѣдятъ весь міръ голодомъ.

Исполнилось надъ нами слово пророка: «Умерщвляемые мечемъ блаженнѣе умерщвляемыхъ голодомъ. Руки мягкосердечныхъ женъ варятъ дѣтей своихъ, чтобы они были имъ пищею. Кожа наша почернѣла, какъ печь, отъ жгучаго голода».

Погодите, народы Европы, слово это и надъ вами исполнится: если не обратитесь и не покаетесь, будетъ и у васъ небывалое царство голода — царство діавола.

Лгутъ о хлѣбѣ, лгутъ о свободѣ, но больше всего лгутъ о мирѣ.

Мира жаждетъ нынѣ человѣчество, какъ умирающій отъ жажды жаждетъ воды. Но мира нѣтъ, и сейчасъ меньше, чѣмъ когда-либо, можно надѣяться, что будетъ миръ. На востокѣ Европы все еще бушуетъ война; на западѣ буря какъ будто утихла, но страшная мертвая зыбь войны уноситъ полуразбитый корабль Европы въ океанъ безбрежный, къ новой бурѣ, крушенію новому, послѣднему. Какъ умирающій отъ жажды въ пустынѣ, плетется человѣчество къ источнику мира, а большевики забѣгаютъ впередъ и отравляютъ воду въ источникѣ. Уже отравили, осквернили, сдѣлали миръ «похабнымъ» для Россіи и хотятъ сдѣлать то же для всего человѣчества. Много у нихъ грѣховъ; но это — тягчайшій. Вотъ за что имъ камень жерновный на шею, — за оскверненіе мира.

Лгутъ: всѣ войны кончатся, и будетъ миръ всего міра только тогда, когда внѣшняя война международная сдѣлается внутренней войной междуусобной, переродится въ такъ называемую «борьбу классовъ».

Вотъ гдѣ этими сынами діавола, лжеца и человѣкоубійцы изначальнаго, ложь и человѣкоубійство сплетены въ крѣпчайшій узелъ.

Идея «классовой борьбы», какъ основной соціаль-

ной динамики, открыть не могъ: вообще никакихъ идей не открылъ онъ. — Несамобытность одно изъ главныхъ его свойствъ. Идея эта принадлежитъ тому, кого они считаютъ своимъ пророкомъ и учителемъ, Карлу Марксу. (Въ большевизмѣ Марксъ неповиненъ; Марксъ могъ бы въ гробу перевернуться бы, если бы онъ зналъ, что большевики съ нимъ дѣлаютъ). Утвержденіе это, какъ столь многое, слѣдуетъ признать [illegible] право за-[illegible]. Именно, идея классовой борьбы, вплоть до всемірной войны междоусобной, поглощающей всѣ войны международныя, идея классовой борьбы, въ качествѣ единственно желанной и дѣйствительной революціонной динамики, связываетъ большевизмъ съ марксизмомъ, какъ пуповина связываетъ младенца съ утробой матери. Именно по этой идеѣ видно, что недалеко большевистскія яблочки отъ яблони марксистской падаютъ.

Хороша или дурна идея классовой борьбы, благородна или презрѣнна, — мы, живые люди, участники борьбы, палачи или жертвы, кое-что знаемъ о ней, чего Марксъ не зналъ, что и не снилось всѣмъ мудрецамъ соціалъ-демократіи. У нихъ идея эта была только въ умѣ; у насъ — въ крови и въ костяхъ: кровь наша льется, кости трещатъ отъ нея.

Мы знаемъ, что война междоусобная въ неизмѣримо-большей степени есть «война на истребленіе», чѣмъ всѣ войны международныя, и что это война безконечная. Конецъ ея — взаимоистребленіе классовъ — еще менѣе возможенъ, чѣмъ истребленіе одного народа другимъ. Французы могли бы истребить нѣмцевъ, и желтая раса — бѣлую, потому что тутъ врагъ — видитъ врага въ лицо, можетъ отличить его отъ друга. Но какъ отличить буржуя отъ пролетарія? Марксъ думалъ, что это легко. Мы знаемъ, какъ трудно.

Два класса — не только два существа экономическихъ, два тѣла, какъ думалъ Марксъ, но и *два духа*. Классъ на классъ — духъ на духъ. Борьба двухъ началъ духовныхъ — антиномій метафизическихъ — есть борьба безъисходная и безконечная. Тѣло истребить можно; но какъ истребить духъ? Духъ буржуазный таится и въ пролетаріяхъ. И даже эти «буржуи» новые хуже старыхъ. Духъ неуловимъ, неистребимъ. Безконечна война русскихъ чрезвычаекъ съ «буржуйнымъ» духомъ, — какова же будетъ война чрезвычаекъ всемірныхъ?

Да, по русской междуусобной войнѣ можно судить о всемірной. Война междуусобная на международную — братоубійство на человѣкоубійство, огонь на огонь, большій на меньшій. Въ войнѣ международной — жаръ горящаго дерева, въ междуусобной — жаръ желѣза, раскаленнаго до-бѣла. Въ международной войнѣ люди — звѣри; въ междуусобной — діаволы.

Такова тройная ложь большевиковъ — «миръ, хлѣбъ, свобода» — безконечный голодъ, безконечное рабство, безконечная война — тройное царство діавола.

О, я понимаю, какъ страшно о десяткахъ, сотняхъ тысячъ людей сказать не шутя, вѣря въ реальное существованіе діавола: «все это сыны діавола»! Но какъ это ни страшно, я именно такъ говорю. Такъ же говорилъ это Достоевскій въ «Бѣсахъ».

Что такое «бѣсноватость»? Для научнаго знанія — душевная болѣзнь. Могутъ ли ею заболѣвать не только отдѣльные люди, но и цѣлые народы? Мы видимъ, что могутъ. Для знанія религіознаго бѣсноватость — больше, чѣмъ душевная болѣзнь: это — реальная одержимость діаволомъ, предѣльное воплощеніе, реализація Абсолютнаго Зла въ человѣческой личности, не

только въ духѣ, но и въ плоти. Человѣкъ становится воистину діаволомъ. Могутъ ли быть бѣсноватыми не только отдѣльные люди, но и цѣлые народы? Мы видимъ, что могутъ.

Если богочеловѣчество — основной догматъ христіанства, то обратная сторона этого догмата — *бѣсочеловѣчество*. Можно отвергнуть все христіанство вмѣстѣ съ его основнымъ догматомъ; но, принявъ одну половину его, надо принять и другую.

Таковъ ужасающій реализмъ моего утвержденія: большевики — сыны діавола.

Но всѣ ли большевики — сыны діавола? Нѣтъ ли между ними и честныхъ, добрыхъ людей, даже «святыхъ»? Вотъ вѣчный вопросъ соглашателей.

Честныхъ и добрыхъ большевиковъ нѣтъ, а есть *какъ будто* честные и *какъ будто* добрые. Но эти еще хуже простыхъ негодяевъ: чѣмъ лучше, тѣмъ хуже.

Разумѣется, и честный и добрый человѣкъ можетъ сойти съ ума, сдѣлаться звѣремъ, діаволомъ или идіотомъ, юродивымъ, даже какъ будто «святымъ». Но въ сумашествіи уже нѣтъ человѣка, не только честнаго и добраго, но и какого бы то ни было: человѣкъ былъ и, можетъ быть, снова будетъ, когда выздоровѣетъ, но сейчасъ его нѣтъ.

Большевизмъ, какъ душевная болѣзнь, не столько умственная, сколько нравственная — moral insanity, и есть такой именно абсолютный провалъ человѣческой личности, ея исчезновеніе абсолютное. Въ этомъ смыслѣ, истинныхъ большевиковъ, «честныхъ» и «святыхъ», къ счастью немного. Но это — самые страшные.

Единственное метафизическое оправданіе большевистскаго діавола, послѣдній обманъ его, — равенство.

Убиваютъ братство, убиваютъ свободу во имя равенства; да погибнетъ міръ, да будетъ равенство.

Вопросъ о большевистскомъ равенствѣ — сложный и трудный, требующій отвѣта пространнаго. Но мой отвѣтъ будетъ кратокъ. Того, кто слѣпъ, потому что не хочетъ видѣть, не убѣдятъ никакіе отвѣты. Слѣпой, не видящій краснаго цвѣта, не увидитъ и бѣлаго: кто не знаетъ свободы, не узнаетъ и равенства.

Равенство въ рабствѣ, въ смерти, въ безличности, — въ Аракчеевской казармѣ, въ пчелиномъ ульѣ, въ муравейникѣ или въ братской могилѣ, гдѣ трупъ равенъ трупу, такъ что не различишь, — и равенство въ личности, въ жизни, въ свободѣ, въ революціи, — не одно и то же. Какъ соединить революціонную Свободу съ революціоннымъ Равенствомъ, — въ этомъ, конечно, весь вопросъ. Большевики не только не разрѣшили его, но и не поставили; прошли мимо, не подозрѣвая, что тутъ есть вопросъ. Умно и преступно, или идіотски невинно, «свято» утверждаютъ они равенство на свободоубійствѣ и братоубійствѣ. Но, убивая Братство, убивая Свободу, убиваютъ и Равенство., потому что раздѣлить ихъ нельзя: эти три — едино: Свобода, Равенство, Братство — три лика одного Божества — Революціи.

Свобода — мать Равенства. А большевики вырѣзываютъ нерожденнаго младенца, Равенство, изъ чрева матери, Свободы. Большевизмъ — братоубійство, свободоубійство и убійство равенства — проклятая троица.

«Свѣтомъ трижды свѣтящимъ» — das dreimal glühende Licht — Пресвятою Троицей — заклинаетъ и побѣждаетъ діавола Фаустъ. Тѣмъ же свѣтомъ и мы побѣдимъ Краснаго Діавола.

«Свобода, Равенство, Братство» — Пресвятая Трои-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

II

Въ началѣ XX вѣка, океаническій пароходъ Титаникъ потерпѣлъ крушеніе, столкнувшись въ туманѣ съ плавучею льдиною. На пароходѣ совершали увеселительную прогулку американскіе милліардеры со своими семьями. За нѣсколько минутъ до гибели, никто ничего не предвидѣлъ. Всѣ были спокойны и веселы до того мгновенія, когда пронеслось ледяное дыханіе смерти. И, если бы сказали имъ: «вы сейчасъ погибнете», — развѣ бы они повѣрили?

Такъ не вѣритъ намъ Европа, когда мы говоримъ, что русскій пожаръ — не только русскій, но и всемірный. А когда повѣритъ, то бросится тушить пожаръ, но поздно будетъ: не Европа насъ потушитъ, а мы ее зажжемъ. «Мы зажжемъ Европу», — это сказано было въ 1907 году, во время первой русской революціи, въ книгѣ моей «Le Tsar et la Révolution», изданной здѣсь, во Франціи. Тогда никто не повѣрилъ и сейчасъ не вѣритъ никто.

Европа все еще гадаетъ: будетъ или не будетъ всемірная революція? А она уже есть: запахъ ея надо всею Европою, какъ запахъ сѣры передъ изверженіемъ вулкана.

Европа все еще надѣется, что у нея будетъ не то, что въ Россіи: не революція, а эволюція, не срывъ, а спускъ. Все еще Европа не знаетъ, что изъ всѣхъ спусковъ — самый отлогій и медленный — въ адъ.

Мы, русскіе, давно уже поняли, что здѣсь, въ Европѣ, слова безполезны: никого ни въ чемъ никакими словами нельзя убѣдить. Если между русскими, знающими и не знающими, — стѣна стеклянная, то между европейцами и русскими, — тѣмъ болѣе. Европа видитъ, слищитъ насъ, но не осязаетъ главнаго. Ей все еще кажется, что гибель Россіи, ея, Европы, не касается. А когда коснется, — поздно будетъ.

За что гибнетъ Россія? Пусть вопрощающіе вспомнятъ башню Силоамскую: «если не покаетесь, всѣ такъ же погибнете».

Бичъ Божій поднятъ надъ Европою. Хотимъ ли мы или не хотимъ, чтобы онъ опустился? Такова нераскаянность, таково окаянство Европы, что иногда хотимъ.

Европейцы думаютъ, что русскій большевизмъ — болѣзнь для нихъ не опасная: что-то въ родѣ чумы на рогатый скотъ — къ людямъ неприлипчива. Но, если они ошиблись, то жестоко расплатятся.

Мы уже давно не ждемъ отъ Европы жалости. Произошла катастрофа небывалая: тридцать милліоновъ людей погибло въ Россіи. И если погибнутъ всѣ, — не будетъ жалости. И добро бы только у «буржуевъ», — нѣтъ, европейскіе пролетаріи къ русскимъ братьямъ своимъ, гибнущимъ, еще безжалостнѣе.

Мы уже давно не ждемъ стыда отъ Европы. Всѣ знаютъ, что такое большевики. И вотъ, самые гордые изъ европейскихъ народовъ продаютъ имъ честь свою за ничто. И добро бы только «буржуи», — нѣтъ, и пролетаріи, — эти еще безстыднѣе.

Ни стыда, ни жалости; такъ нѣтъ ли хоть страха? Но и страха почти уже нѣтъ. Помните тургеневскаго мальчика, выглянувшаго въ окно, во время кончины міра: «Дяденька, глянь-ка, земля провалилась!» Провалилась Россія, шестая часть планеты Земли, а Европа хочетъ устроиться на самомъ краю провала.

Чѣмъ грозитъ русскій большевизмъ Европѣ, мы предчувствовали смутно еще тамъ, въ Россіи, во время наступленія Колчака, Юденича, Деникина; но только здѣсь, въ Европѣ, только теперь, послѣ паденія Врангеля, мы видимъ это съ неотразимою ясностью.

Когда подъ Варшавою разбиты были красныя полчища, ничего не стоило свергнуть Совѣтскую власть. Внутри Россіи все уже было готово, и достаточно было искры, чтобы произошелъ взрывъ; достаточно было малѣйшаго извнѣ дуновенія, чтобы Совѣтская власть разрушилась, какъ карточный домикъ. Но Европа не двинулась, не шелохнулась. Польша заключила миръ,

Врангель палъ, и большевизмъ, восторжествовавъ, неимовѣрно усилился.

Отчего-же Европа осталась недвижною? Не захотѣла или не смогла двинуться? Страшный вопросъ.

Нашъ страхъ за Европу — страхъ за себя, за свое. «*Моя* Европа», говорилъ Чаадаевъ. «У насъ двѣ родины — наша Русь и Европа», говорилъ Достоевскій.

Европейцы въ Европѣ — англичане, итальянцы, французы, нѣмцы; только русскіе — европейцы всемірные. Геніальною особенностью Пушкина, самаго русскаго изъ русскихъ людей, Достоевскій считаетъ эту способность ко всемірности, «всечеловѣчности», къ чудеснымъ перевоплощеніямъ, вхожденіемъ русской души въ души всѣхъ другихъ народовъ.

Слабость нашего національнаго чувства, нынѣ столь роковая для насъ, можетъ быть, и зависитъ отъ этого чрезмѣрно напряженнаго чувства всемірности. У насъ двѣ родины, наша Русь и Европа; одну мы уже потеряли; что если потеряемъ и другую? Вотъ нашъ страхъ.

Первое и послѣднее слово Европы о большевизмѣ — «невмѣшательство». Россія лежитъ, какъ тяжело больной, безъ сознанія, безъ памяти; сама не можетъ встать. А Европа говоритъ: «не тревожьте больного, не приводите въ чувство, не подымайте, не вмѣшивайтесь въ русскія дѣла».

Это одно изъ двухъ: или бездонное невѣжество, или безстыдная ложь.

Тутъ, въ самомъ понятіи «вмѣшательство», положеніе дѣлъ извращено въ корнѣ. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы Европѣ вмѣшиваться въ русскія дѣла, а о томъ, чтобы Россіи не вмѣщиваться въ дѣла евро-

пейскія. Вѣдь, главная сущность русскаго большевизма и есть воля къ такому вмѣшательству, воля ко «всемірной революціи». Русскій большевизмъ значитъ Интернаціоналъ, а Интернаціоналомъ рѣшаются дѣла не только Россіи, но и всей Европы. Тѣ, кто говорятъ о «невмѣшательствѣ», поддерживаютъ русскій большевизмъ, какъ орудіе Интернаціонала, т. е., поддерживаютъ вмѣшательство Россіи въ дѣла Европы.

Хитрый планъ «невмѣшательства» еще недавно сводился къ тому, чтобы задушить Россію желѣзнымъ кольцомъ блокады, окружить чумной домъ и ждать, пока въ немъ вымрутъ всѣ. Планъ оказался недѣйствительнымъ: желѣзное кольцо прорвано. И вотъ придуманъ другой планъ, еще болѣе хитрый: задушить Россію не желѣзомъ войны, а подушкою мира.

О мирѣ съ большевиками говорить трудно. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, говорить о томъ, что совершенно-непонятно, потому что совершенно-безумно? Признавъ Совѣтскую власть, подписавъ миръ съ большевиками, Европа подписала бы себѣ смертный приговоръ, однимъ ударомъ ножа убила бы себя и Россію.

Для тѣхъ, кто знаетъ, что такое русскій большевизмъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что миръ съ большевиками означаетъ неминуемую міровую катастрофу, нѣчто, въ самомъ дѣлѣ, подобное «кончинѣ міра», апокалипсическому «царству Звѣря».

Міровая война слишкомъ глубоко вдвинула Россію въ Европу, чтобы можно было ихъ раздѣлить. Должно учесть, какъ слѣдуетъ, безмѣрность того, что сейчасъ происходитъ въ Россіи. Въ судьбахъ ея поставлена на карту судьба всего культурнаго человѣчества. Во всякомъ случаѣ, безумно надѣяться, что зазіявшую подъ Россіей бездну можно окружить загородкою,

и что бездна эта не втянетъ въ себя и другіе народы. Мы — первые, но не послѣдніе.

Большевизмъ, дитя міровой войны, такъ-же какъ эта война, — только слѣдствіе глубочайшаго духовнаго кризиса всей европейской культуры. Наша русская бѣда — только часть бѣды всемірной.

Если бы житель иной планеты спросилъ у насъ, что̀ сейчасъ происходитъ съ земнымъ человѣчествомъ, то мы могли бы отвѣтить тремя словами: люди забыли Бога.

О Богѣ съ современными европейцами говорить трудно. Именно здѣсь, въ безбожіи, друзья и враги большевизма сходятся. Въ обоихъ станахъ — одинъ и тотъ же лакей Смердяковъ, твердо знающій, что нѣтъ Бога. Лакей Смердяковъ знаетъ это не только вмѣстѣ съ большевиками, но и съ «буржуями». Изъ всѣхъ буржуйныхъ бездарностей это главная: общая съ большевиками метафизика. Лойдъ Джоржъ бранится съ Ленинымъ, но милые бранятся — только тѣшатся. Буржуй — большевикъ на-изнанку; большевикъ — буржуй на-изнанку. Не потому ли борьба Европы съ большевиками — такая безсильная и безчестная.

Съ современными европейцами трудно говорить о религіи вообще, а о христіанствѣ — особенно. Для нихъ давно уже христіанство — «миѳъ». Но по слову Чаадаева: «Европа, что̀ бы ни говорила и ни дѣлала, все еще тождественна христіанству». Христіанство — начало Европы, и конецъ христіанства — конецъ Европы. Можно бы сказать европейцамъ: для васъ христіанство «миѳъ»? Берегитесь, какъ бы вамъ самимъ не сдѣлаться миѳомъ!

Европа все еще тождественна христіанству, потому

метафизическая основа обоихъ все еще одна: абсолютная мѣра человѣческой личности — Личность Божественная, Абсолютная Личность — Христосъ. Если нѣтъ Христа, то нѣтъ христіанства, нѣтъ и всей христіанской Европы — ни Готики, ни Ренессанса, ни Реформаціи, ни Революціи, ибо все это лишь восходящія ступени человѣческой личности. Провалъ личности — провалъ всѣхъ ступеней, всей европейской христіанской исторіи. Нѣтъ исторіи, нѣтъ прошлаго; тамъ, гдѣ оно было, — пустое мѣсто, «гладкая доска», какъ и поется въ «Интеранціоналѣ».

Du passé faisons table rase.
Сдѣлаемъ гладкую доску изъ прошлаго.

«Глубокій фундаментъ всего теперь происходящаго заключается въ томъ, что въ европейскомъ человѣчествѣ образовались *колоссальныя пустоты* отъ былого христіанства, и въ эти пустоты проваливается все», говоритъ В. В. Розановъ въ предсмертной книгѣ своей, «Апокалипсисъ нашего времени».

Розановъ, конечно, правъ. Отнюдь не политическимъ и не соціальнымъ, а только религіознымъ свѣтомъ можно освѣтить эти «колоссальныя пустоты», понять всю безбрежность того, что сейчасъ происходитъ съ Россіей. Намъ кажется, что съ Россіей происходитъ небывалое; нѣтъ, не только съ Россіей, но и со всѣмъ человѣчествомъ.

Кто стоитъ сейчасъ на вершинѣ христіанскихъ вѣковъ, на верхней ступени культурной лѣстницы? Не рыцарь Готики, не художникъ Ренессанса, не гуманистъ Реформаціи, не гражданинъ Революціи, не «святой мѣщанинъ», создавшій Европу, «землю святыхъ чудесъ», а мѣщанинъ окаянный, окаянный «буржуй»,

почти такой же дикій варваръ, какъ большевики. Міровая война обнажила эту буржуйную дикость и варварство.

Буржуй съ большевиками согласился въ главномъ — въ отрицаніи Христа — Абсолютной Личности, т. е., въ ниспроверженіи того, на чемъ построена вся восходящая лѣстница культурныхъ цѣнностей. И вотъ, взобравшись на верхнюю ступень, онъ вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ шатается вся лѣстница. «Провалишься» — кричатъ большевики; а буржуй все еще храбрится, дѣлаетъ видъ, что крѣпко держится, но про себя уже знаетъ, что весь провалился. Весь буржуй — собственникъ. А что такое собственность? Если не экономическая проэкція метафизическаго понятія личности — «гдѣ я, тамъ и мое», — то грабежъ — и тогда: «грабь награбленное», — буржую на это по существу возразить нечего: онъ провалился весь.

Согласившись съ большевиками въ главномъ, въ метафизикѣ, буржуй и во всемъ остальномъ соглашается. Изъ метафизческаго согласія — политическое «соглашательство» — вплоть до «торговыхъ сношеній съ Совѣтской Россіей», до «признанія Совѣтской власти» и до мира съ большевиками — смертнаго приговора буржуя себѣ самому. Ибо, какъ ни простъ буржуй, — простъ, хотя и животно-хитеръ, — онъ всетаки знаетъ, что большевики въ концѣ концовъ его сожрутъ. Зачѣмъ же онъ самъ лѣзетъ къ нимъ въ пасть? Или хочетъ быть сожраннымъ? Усталъ быть, хочетъ не быть?

Да, послѣдняя тайна у большевиковъ и буржуевъ — одна: воля къ небытію. Христіанство есть воля къ бытію, ко Христу — Абсолютной Личности.» «Я есмь» — основа бытія. Большевизмъ есть воля къ Абсолют-

метафизическая основа обоихъ все еще одна: абсолютная мѣра человѣческой личности — Личность Божественная, Абсолютная Личность — Христосъ. Если нѣтъ Христа, то нѣтъ христіанства, нѣтъ и всей христіанской Европы — ни Готики, ни Ренессанса, ни Реформаціи, ни Революціи, ибо все это лишь восходящія ступени человѣческой личности. Провалъ личности — провалъ всѣхъ ступеней, всей европейской христіанской исторіи. Нѣтъ исторіи, нѣтъ прошлаго; тамъ, гдѣ оно было, — пустое мѣсто, «гладкая доска», какъ и поется въ «Интернаціоналѣ».

Du passé faisons table rase.
Сдѣлаемъ гладкую доску изъ прошлаго.

«Глубокій фундаментъ всего теперь происходящаго заключается въ томъ, что въ европейскомъ человѣчествѣ образовались *колоссальныя пустоты* отъ былого христіанства, и въ эти пустоты проваливается все», говоритъ В. В. Розановъ въ предсмертной книгѣ своей, «Апокалипсисъ нашего времени».

Розановъ, конечно, правъ. Отнюдь не политическимъ и не соціальнымъ, а только религіознымъ свѣтомъ можно освѣтить эти «колоссальныя пустоты», понять всю безбрежность того, что сейчасъ происходитъ съ Россіей. Намъ кажется, что съ Россіей происходитъ небывалое; нѣтъ, не только съ Россіей, но и со всѣмъ человѣчествомъ.

Кто стоитъ сейчасъ на вершинѣ христіанскихъ вѣковъ, на верхней ступени культурной лѣстницы? Не рыцарь Готики, не художникъ Ренессанса, не гуманистъ Реформаціи, не гражданинъ Революціи, не «святой мѣщанинъ», создавшій Европу, «землю святыхъ чудесъ», а мѣщанинъ окаянный, окаянный «буржуй»,

почти такой же дикій варваръ, какъ большевики. Міровая война обнажила эту буржуйную дикость и варварство.

Буржуй съ большевиками согласился въ главномъ — въ отрицаніи Христа — Абсолютной Личности, т. е., въ ниспроверженіи того, на чемъ построена вся восходящая лѣстница культурныхъ цѣнностей. И вотъ, взобравшись на верхнюю ступень, онъ вдругъ почувствовалъ, что подъ нимъ шатается вся лѣстница. «Провалишься» — кричатъ большевики; а буржуй все еще храбрится, дѣлаетъ видъ, что крѣпко держится, но про себя уже знаетъ, что весь провалился. Весь буржуй — собственникъ. А что такое собственность? Если не экономическая проэкція метафизическаго понятія личности — «гдѣ я, тамъ и мое», — то грабежъ — и тогда: «грабь награбленное», — буржую на это по существу возразить нечего: онъ провалился весь.

Согласившись съ большевиками въ главномъ, въ метафизикѣ, буржуй и во всемъ остальномъ соглашается. Изъ метафизическаго согласія — политическое «соглашательство» — вплоть до «торговыхъ сношеній съ Совѣтской Россіей», до «признанія Совѣтской власти» и до мира съ большевиками — смертнаго приговора буржуя себѣ самому. Ибо, какъ ни простъ буржуй, — простъ, хотя и животно-хитеръ, — онъ всетаки знаетъ, что большевики въ концѣ концовъ его сожрутъ. Зачѣмъ же онъ самъ лѣзетъ къ нимъ въ пасть? Или хочетъ быть сожраннымъ? Усталъ быть, хочетъ не быть?

Да, послѣдняя тайна у большевиковъ и буржуевъ — одна: воля къ небытію. Христіанство есть воля къ бытію, ко Христу — Абсолютной Личности.» «Я есмь» — основа бытія. Большевизмъ есть воля къ Абсолют-

ной Безличности, къ небытію. Но не та же ли воля у буржуя? Не послѣднее ли слово европейскаго разума — философія Шопенгауера — буддійская мудрость небытія, безличности? А за нею — конецъ разума — безуміе личности, безуміе Ницше — «Антихриста». И не потому ли вся Европа къ большевизму тянется, что у обоихъ одна и та же воля къ Антихристу?

«Одинъ гадъ съѣстъ другую гадину», говоритъ Иванъ Ѳеодоровичъ Карамазовъ о лакеѣ Смердяковѣ, отцеубійцѣ, и объ отцѣ своемъ Ѳеодорѣ Павловичѣ. Мы всѣ сейчасъ, какъ Иванъ Карамазовъ, — между двумя гадами, буржуйнымъ и большевистскимъ. Намъ нужно сдѣлать выборъ между ними. Но гады тахъ схожи, что почти не различишь. Большевистскій — хочетъ быть краснымъ, буржуйный — бѣлымъ; но оба только пестрые, пятнистые: бѣлый — съ красными, красный — съ бѣлыми пятнами. И сплетаются въ противоестественной похоти, — во «всемірной революціи», или всемірномъ мошенничествѣ, «вандерлиповыхъ концессіяхъ», — тоже не различишь. Сплелись, свились; ласкаются, кусаются. Кто кого пожретъ? Никто. Но изъ двухъ гадовъ будетъ одинъ, — одинъ Звѣрь: онъ то и пожретъ насъ всѣхъ. Какой же это звѣрь? Я могъ бы сказать какой, но вы, все равно, не повѣрите.

Русскіе антисемиты-черносотенцы увѣряютъ, что въ пользу большевиковъ существуетъ всемірный «жидо-массонскій заговоръ». Названіе глупо, но суть дѣла не такъ глупа, какъ это можетъ казаться. Существуетъ не «жидо-массонскій», а болѣе страшный, невидимый, метафизическій, *буржуйно-большевистскій заговоръ* противъ всего христіанскаго человѣчества, противъ Креста за Пентаграмму.

Опомнится ли Европа? Вернется ли для борь-

бы съ большевизмомъ къ христіанскимъ началамъ своимъ? Выкуетъ ли единственное оружіе побѣдоносное для войны съ Пентаграммою — Мечъ-Крестъ? Будетъ ли Европа не окаянно-буржуйною и не большевистскою, а иною, Третьей?

Что̀ можетъ Третья Россія дать Европѣ матеріально, экономически, — это всѣмъ понятно; но духовно, культурно, — что̀ могли бы дать Европѣ русскіе варвары? Не то же ли, что варвары давали всѣмъ культурамъ, всѣмъ людямъ интеллекта — люди интуиціи? Не то же ли, что Риму, не только языческому, но и христіанскому, дали христіанскіе варвары: огонь религіозной воли, раскаляющій до-красна, до-бѣла: чтобы расплавить на Европѣ скорлупу антихристову, окаянно-буржуйную, нуженъ именно такой огонь.

Но если всѣ народы забыли сейчасъ о Богѣ, то русскій народъ не больше-ли всѣхъ? Да, больше всѣхъ, но не такъ какъ всѣ, — иначе.

Достоевскій въ «Дневникѣ Писателя» разсказываетъ о двухъ деревенскихъ парняхъ, заспорившихъ, кто кого дерзостнѣе сдѣлаетъ; одинъ велѣлъ другому причаститься въ церкви, но не проглотить причастіе, а отойти, вынуть тихонько рукой и спрятать. Тотъ такъ и сдѣлалъ; тогда первый повелъ его прямо изъ церкви въ огородъ; взялъ жердь, воткнулъ въ землю, велѣлъ положить причастіе на жердь, принести ружье, зарядить и выстрѣлить. Тотъ поднялъ ружье и прицѣлился, какъ внезапно упалъ въ безчувствіи: «вдругъ передо мною какъ есть крестъ, а на немъ Распятый».

Весь русскій народъ сейчасъ — какъ этотъ парень. Не предстанетъ ли и ему «неимовѣрное видѣніе Распятаго»?

Если большевизмъ — не только политика, но и

религія — религія діавола, то и побѣда надъ большевизмомъ должна быть побѣдой Бога надъ діаволомъ. Это значитъ: существо Третьей Россіи должно быть религіознымъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что хозяиномъ освобожденной отъ большевиковъ Россіи будетъ русскій крестьянинъ, мелкій земельный собственникъ, мелкій буржуй. Но повторитъ ли онъ европейскаго буржуя окаяннаго? Если да, то большевики правы: дни Европы сочтены, кругъ ея замкнутъ въ повтореніяхъ безсмысленныхъ. Но исторія безсмысленно не повторяется. Русскій буржуй, чтобы оправдать свое существованіе, долженъ прибавить къ европейскому что-то новое. Что-же именно?

Европа, что-бы ни говорила и ни дѣлала, все еще тождественна не только христіанству, но и революціи — «величайшему откровенію христіанства послѣ Христа». Измѣнивъ христіанскому началу революціи, утвердивъ свободу противъ Бога, противъ Христа — Абсолютной Личности, Европа провалилась въ буржуйство окаянное, въ капитализмъ, безличную собственность.

И русская революція, принявъ отъ Европы ту-же свободу антихристову, провалилась въ большевизмъ — безличное равенство. Чтобы выйдти изъ этого провала, Россія должна сдѣлать то, чего Европа не сдѣлала, раскрыть не только политическое и соціальное, но и религіозное содержаніе Революціи, утвердить свободу со Христомъ — Абсолютною Личностью. Проблему соціальнаго равенства, задачу, заданную людямъ Богомъ, въ большевизмѣ рѣшаетъ діаволъ «борьбою классовъ», «гражданскою войною», братоубійствомъ, какъ единственной соціальной динамикой. Ту-же проблему Третья Россія должна рѣшить не войною, а миромъ, не

братоубійствомъ, а братствомъ, не раздѣленіемъ, а соединіемъ классовъ, обществъ, государствъ, народовъ въ союзъ всечеловѣческій, въ Интернаціоналъ Бѣлый, революціонно-преображенно-молнійно-бѣлый, — въ Церковь Христову Вселенскую.

Вотъ что долженъ сдѣлать для Европы хозяинъ Третьей Россіи, русскій «буржуй», не окаянный, а святой, русскій крестьянинъ-христіанинъ, ибо русское крестьянство, что̀ бы ни говорило и ни дѣлало, все еще христіанству тождественно.

Но не въ первомъ и второмъ христіанствѣ, не въ православіи и не въ католичествѣ, а только въ Христіанствѣ Третьемъ, въ «Третьемъ Завѣтѣ», предсказанномъ отъ Мицкевича до Ибсена, всѣми пророками святой Европы, «земли святыхъ чудесъ», — только въ Третьемъ Завѣтѣ соединится Третья Россія съ Третьей Европой. И въ этомъ соединеніи вспыхнетъ всемірная революція, которая побѣдитъ буржуйно-большевистскую всемірную реакцію, вспыхнетъ «трижды свѣтящій свѣтъ» — Свобода, Равенство, Братство.

Если будетъ Третья Европа, то недаромъ именно Франція сейчасъ, въ своей непримиримости къ большевикамъ — одна противъ всей Европы. Или нигдѣ, или здѣсь, во Франціи, въ святой землѣ Революціи, «величайшаго откровенія христіанства послѣ Христа», въ землѣ «свѣта трижды свѣтящаго» — Свободы, Равенства, Братства, — здѣсь, во Франціи, начнется Третья Европа, преображенно-революціонно-молнійно-бѣлая. Вотъ почему именно здѣсь, во Франціи, здѣсь, въ Парижѣ, я говорю съ вами о союзѣ Третьей Россіи съ Третьей Европою.

Я говорю не всѣмъ европейцамъ, а только французамъ: не милости мы просимъ у васъ, а требуемъ вѣр-

ности общему дѣлу. Міровая война не кончилась: гражданская война въ Россіи — продолженіе, усиленіе этой войны — ея жарчайшее полымя. На бумагѣ нашъ союзъ съ вами расторгнутъ, но не на дѣлѣ. Мы требуемъ вѣрности святому союзу военному и еще болѣе святому союзу мирному. Мы требуемъ, чтобы вы спасали не насъ, а себя отъ тройного царства Діавола, апокалипсическаго «царства Звѣря».

Это я говорю французамъ, а остальнымъ европейцамъ вотъ что.

Страшна-ли вамъ Россія красная? Нѣтъ, не очень? Ну, такъ погодите, страшнѣе будетъ — бѣлая.

Желѣзо, раскаляемое въ горнѣ, говоритъ огню: «довольно, я уже красно». А огонь отвѣчаетъ: «погоди, будешь бѣлымъ». Горнъ Божій раскалилъ Россію докрасна; раскалитъ и до-бѣла. Россія красная васъ не жжетъ, европейцы; погодите, обожжетъ — бѣлая.

Народамъ иногда прощается глупость, а иногда и подлость; но глупость и подлость вмѣстѣ — никогда. То, что вы съ нами дѣлаете, — подло и глупо вмѣстѣ. Это вамъ никогда не простится. Я знаю, вы скажете: «не мы, а вы сами это сдѣлали». Да, мы, но и вы. Если бы вы большевиковъ не поддерживали, — ихъ бы давно уже не было.

«Дочь Вавилона, опустошительница! Блаженъ, кто воздастъ тебѣ за то, что ты сдѣлала намъ! Блаженъ, кто возьметъ и разобьетъ младенцевъ твоихъ о камень!» Не мы ихъ разобъемъ, а вы сами, — сами себѣ отомстите за то, что съ нами сдѣлали.

Вы захотѣли устроиться такъ, какъ будто нѣтъ Россіи. И вотъ устроились, основались на землетрясеніи, а землетрясеніе, — оттого, что ось земли сдвинута тяжестью Россіи «несуществующей».

Намъ, русскимъ, уже нечего терять и бояться нечего: лучше все, чѣмъ то, что сейчасъ. Если разразится міровая катастрофа, — мы можемъ надѣяться, что выйдемъ изъ нея первые, и, когда вы, европейцы, только начнете болѣть, мы уже исцѣлимся. Во время землетрясеній деревянныя постройки меньше страдаютъ, чѣмъ каменныя: ужасенъ былъ развалъ деревянной Россіи; каковъ же будетъ развалъ Европы каменной!

Но да не будетъ этого. Мы не бѣжали бы изъ Россіи въ Европу, если бы не надѣялись, что это *можетъ* не быть. Горчайшую изъ всѣхъ судебъ человѣческихъ — судьбу изгнанниковъ — мы для того и приняли, чтобы это сказать.

Съ изгнаническимъ посохомъ въ рукахъ, путями горькими до смертной горечи, черезъ безконечныя дали чужбины, мы идемъ къ Отечеству, къ Россіи будущей. Мы говоримъ: Россіи нѣтъ, — да будетъ Россія. На путяхъ изгнанія, каждый шагъ нашъ, каждый стонъ, каждый вздохъ пусть говоритъ: да будетъ Россія!

Вся земля, — какъ женщина въ мукахъ родовъ. По слову пророка: «младенцы дошли до отверстія утробы матерней, а силы нѣтъ родить. Это вездѣ сейчасъ, но въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ-либо.

Все человѣчество подъ ношею крестною. Но на Россіи сейчасъ — самый острый край креста, самый рѣжущій.

Глубина страданія неутоленнаго — глубина чаши ненаполненной. Никогда еще не подымало къ Богу человѣчество такой глубокой чаши. И эта чаша — Россія.

Россія гибнущая, можетъ быть, ближе къ спасенію, чѣмъ народы спасающіеся; распятая — ближе къ воскресенію, чѣмъ распинающіе.

Пусть вѣра наша въ Россію есть вѣра въ чудо. Вѣра творитъ чудеса. Чудо сотворитъ и наша вѣра: Россіи нѣтъ — Россія будетъ.

Она не погибнетъ, — знайте!
Она не погибнетъ, Россія.
Они всколосятся, — вѣрьте!
Поля ея золотыя.
И мы не погибнемъ, — вѣрьте!
Но что намъ наше спасенье?
Россія спасется, — знайте!
И близко ея воскресенье.

З. Н. ГИППІУСЪ

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДНЕВНИКЪ

ИСТОРІЯ МОЕГО ДНЕВНИКА

«Черная книжка» — лишь сотая часть моего «Петербургскаго Дневника», моей записи, которую я вела почти непрерывно, со дня объявленія войны. Я скажу далѣе, какая судьба постигла двѣ толстыя книги этой записи, доведенной до февраля — марта 1919 года. Сейчасъ отмѣчаю лишь то обстоятельство, что ихъ у меня нѣтъ. И я должна сказать о нихъ нѣсколько словъ прежде, чѣмъ дать текстъ записи послѣдней, касающейся второй половины 1919 года. Правда, этотъ послѣдній дневникъ написанъ нѣсколько иначе, отрывочнѣе, короткими отмѣтками, иногда безъ чиселъ. Но все-таки онъ — продолженіе, и безъ фактическихъ ссылокъ на первыя тетради онъ будетъ непонятенъ даже внѣшне.

Наша жизнь, наша среда, моя и Мережковскаго, и наше положеніе, въ общемъ были благопріятны для веденія подобныхъ записей. Коренные жители Петербурга, мы принадлежали къ тому широкому кругу русской «интеллигенціи,» которую, справедливо или нѣтъ, называли «совѣстью и разумомъ» Россіи. Она-же, — и это ужъ конечно справедливо — была единственнымъ «словомъ» и «голосомъ» Россіи, нѣмой, притайно-молчащей — самодержавной. Послѣ неудавшейся революціи 1905 года — неудавшейся потому, что самодер-

жавіе осталось, — интеллигенція если не усилилась, то расширилась. Раздираемая внутренними несогласіями, она, однако, была объединена общимъ политическимъ, очень важнымъ, отрицаніемъ: отрицаніемъ самодержавнаго режима. Русская интеллигенція, — это классъ или кругъ, или слой (всѣ слова не точны), котораго не знаетъ буржуазно-демократическая Европа, какъ не знала она самодержавія. Слой, по сравненію со всей толщей громадной Россіи, очень тонкій; но лишь въ немъ совершалась кое-какая культурная работа. И онъ сыгралъ свою, очень серьезную, историческую роль. Я не буду ее опредѣлять, я не сужу сейчасъ русскую интеллигенцію, я просто о ней разсказываю.

Раздѣленія на профессіональные круги въ Петербургѣ почти не было. Дѣятели самыхъ различныхъ поприщъ, — ученые, адвокаты, врачи, литераторы, поэты, — всѣ они такъ или иначе оказывались причастными политикѣ. Политика, — условія самодержавнаго режима, — была нашимъ первымъ жизненнымъ интересомъ, ибо каждый русскій культурный человѣкъ, съ какой бы стороны онъ ни подходилъ къ жизни, — и хотѣлъ того или не хотѣлъ, — непремѣнно сталкивался съ политическимъ вопросомъ.

Когда, послѣ 1905 года появился призракъ общегосударственной работы, — создалась Дума, — и народились такъ называемые «политическіе дѣятели», — эта спеціализація ничего, въ сущности, не измѣнила. Только усилилась партійность; но самый видный «политическій дѣятель» оставался тѣмъ-же интеллигентомъ, въ томъ же кругу, а колесо его чисто-государственной, политической дѣятельности вертѣлось въ пустотѣ. Прибавился только нѣкоторый самообманъ — а онъ былъ даже вреденъ.

Не всякій интеллигентъ, конечно, принадлежалъ фактически къ той или другой партіи; но всѣ въ нихъ разбирались, и почти каждый сочувствовалъ какой нибудь одной болѣе чѣмъ остальнымъ. Межпартійная борьба не прекращалась; но такъ какъ при данныхъ условіяхъ она принимала довольно отвлеченныя формы, и такъ какъ всѣ партіи сходились на ненависти къ самодержавію, то русскіе круги интеллигенціи, даже не только центральные, были въ постоянномъ соприкосновеніи.

Мы, т. е. я, Мережковскій и Философовъ, а также нѣкоторые друзья наши, склонялись, какъ писатели, къ идейнымъ сторонамъ общественнаго вопроса. Не входя ни въ одну изъ политическихъ партій, мы, однако, имѣли касаніе почти ко всѣмъ. Въ той, которой мы наиболѣе сочувствовали, у насъ было много давнихъ друзей, задолго до войны мы сблизились съ нѣкоторыми эмигрантами (между прочимъ съ Савинковымъ), съ которыми мы поддерживали постоянныя сношенія. Это была партія соціалистовъ-революціонеровъ. Несмотря на плохо разработанную идеологію, партія эта казалась намъ наиболѣе органической, наиболѣе отвѣчающей русскимъ условіямъ. За соц.-революціонерами, какъ народниками, стояло уже свое историческое прошлое. Что касается партіи соціалъ-демократической, — партіи, сравнительно новой въ Россіи, лишь послѣ 1905 года оформившейся у насъ по западнымъ образцамъ и уже расколотой на большевиковъ и меньшевиковъ, то самая основа ея — экономическій матеріализмъ, — была намъ, и нѣкоторой части русской интеллигенціи, особенно чужда (какъ и самому русскому народу, — казалось намъ). Всѣ десять лѣтъ мы вели съ ней послѣдовательную, очень внутреннюю, идейную борьбу.

[illegible] или дѣлали,

[illegible] либералами благодаря

[illegible]

нымъ для моей записи. Важенъ Петербургъ, какъ общій центръ событій. Но въ самомъ Петербургѣ еще былъ частный центръ: революція съ самаго начала сосредоточилась *около Думы*, т. е. около Таврическаго Дворца. Прямыя улицы, ведущія къ нему, были во дни февраля и марта 17 года словно артеріями, по которымъ бѣжала живая кровь къ сердцу — къ широкому Дворцу екатерининскихъ временъ. Онъ задумчиво и гордо круглилъ свой куполъ за сѣтью обнаженныхъ березъ стариннаго парка.

Мы слѣдили за событіями по минутамъ, — мы жили у самой рѣшетки парка въ бельэтажѣ послѣдняго дома одной изъ улицъ, ведущихъ ко дворцу. Всѣ шесть лѣтъ, — шесть вѣковъ — я смотрѣла изъ окна, или съ балкона, то налѣво, какъ закатывается солнце въ туманномъ далекѣ прямой улицы, то направо, какъ опушаются и обнажаются деревья таврическаго сада. Я слѣдила, какъ умиралъ старый дворецъ, на краткое время воскресшій для новой жизни — я видѣла, какъ умиралъ городъ... Да, цѣлый городъ, Петербургъ, созданный Петромъ и воспѣтый Пушкинымъ, милый, строгій и страшный городъ — онъ умиралъ... Послѣдняя запись моя — это уже скорбная запись агоніи.

Но я забѣгаю впередъ. Я лишь хочу сказать, что и это внѣшнее обстоятельство, — случайное наше положеніе вблизи центра событій, — благопріятствовало ясности моихъ записей. Мнѣ кажется, если бы я даже не была писателемъ, еслибъ я даже вовсе не умѣла писать, но видѣла бы, что видѣла, — я бы научилась писать и не могла бы не записывать...

Война всколыхнула петербургскую интеллигенцію, обострила политическіе интересы, обострив въ то-же время борьбу партій внутри. Либералы рѣзко стали за

войну, — и тѣмъ самымъ въ какой-то мѣрѣ за поддержку самодержавнаго правительства. Знаменитый «думскій блокъ» былъ попыткой объединенія лѣвыхъ либераловъ (к-де) съ болѣе правыми — ради войны.

Другая часть интеллигенціи была противъ войны, — болѣе или менѣе; тутъ народилось безчисленное множество оттѣнковъ. Для насъ, не чистыхъ политиковъ, людей не ослѣпленныхъ сложностью внутренныхъ нитей, для насъ, не потерявшихъ еще человѣческаго здраваго смысла, — одно было ясно: война для Россіи, при ея современномъ политическомъ положеніи, не можетъ окончиться естественно; раньше конца ея — будетъ революція. Это предчувствіе, — болѣе, это *знаніе*, раздѣляли съ нами многіе.

«... Будетъ, да, несомнѣнно, — писала я въ 16-мъ году. — Но что будетъ? *Она*, революція настоящая, нужная, вѣрная, или безликое стихійное *Оно*, крахъ, — что будетъ? Если бы всѣ мы съ ясностью видѣли, что грозныя событія близко, при дверяхъ, если бы всѣ мы одинаково понимали, были готовы встрѣтить ихъ... можетъ быть они стали бы не крахомъ, а спасеніемъ нашимъ...» Но грозы этой не видали «реальные политики», тѣ именно, которые во время войны одни что-то дѣлали въ Думѣ, какъ-то все-таки направляли курсъ — либералы. Во всякомъ случаѣ они стояли первыми за правительствомъ; зданіе трещитъ, казалось намъ, — и не должны ли они первые, своими руками, помочь разрушенію того, что обречено разрушиться, чтобы сохранить нужное, чтобы не обвалилось все зданіе и не похоронило насъ подъ обломками?

Но либералы все правѣли, ожесточая крайнія лѣвыя партіи (у нихъ была кое-какая связь съ низами, хотя слабая, кажется) ожесточая даже и не самыя край-

нія. Я помню, какъ однажды Керенскій, говоря со мной по телефону послѣ какой-то очень грубой ошибки думскихъ лидеровъ, на мой горестный вопросъ: «что-же теперь будетъ?» отвѣчалъ: «будетъ то, что начинается съ а...» т. е. анархія. Т. е. крахъ, «*Оно*».

Керенскаго мы знали давно. Онъ бывалъ у насъ и до войны. Во время войны мы кромѣ того встрѣчались съ нимъ и въ безчисленныхъ лѣвыхъ кружкахъ интеллигенціи. Мы любили Керенскаго. Въ немъ было что-то живое, порывистое и —дѣтское. Несмотря на свою истерическую нервность онъ тогда казался намъ дальновиднѣе и трезвѣе многихъ.

Было-бы и трудно, и безполезно, и даже скучно разсказывать здѣсь по памяти о тѣхъ страницахъ моего дневника, которыхъ нѣтъ передо мною. Историческія событія того времени въ общихъ чертахъ извѣстны; мелкихъ подробностей не припомнишь; а центръ тяжести дневника, самый уклонъ его — такого рода, что вздумай я говорить о немъ кратко — ничего бы не вышло. Дѣло въ томъ, что меня, какъ писателя-беллетриста по преимуществу, занимали не одни историческія событія, свидѣтелемъ которыхъ я была; меня занимали главнымъ образомъ *люди въ нихъ*. Занималъ каждый человѣкъ, его образъ, его личность, его роль въ этой громадной трагедіи, его сила, его паденія, — его путь, его жизнь. Да, исторію дѣлаютъ не люди... но и люди тоже, въ какой-то мѣрѣ. Если не видѣть и и не присматриваться къ отдѣльнымъ точкамъ въ стихійномъ потокѣ революціи, можно перестать все понимать. И чѣмъ меньше этихъ точекъ, отдѣльныхъ личностей, — тѣмъ безсмысленнѣе, страшнѣе и *скучнѣе* становится историческое движеніе. Вотъ почему запись моя, продолжаясь, все болѣе измѣня-

лась, пока не превратилась, къ концу 19 года, въ отрывочныя, внѣшнія, чисто фактическія замѣтки. Съ воцареніемъ большевиковъ сталъ исчезать *человѣкъ*, какъ единица. Не только исчезъ онъ съ моего горизонта, изъ моихъ глазъ; онъ вообще началъ уничтожаться, принципіально и фактически. Мало-по-малу исчезла сама революція, ибо изчезла всякая борьба. Гдѣ нѣтъ никакой борьбы, какая революція?

Что осталось — ушло въ подполье. Но въ такое глубокое, такое темное подполье, что уже ни звука оттуда не доносилось на поверхность. На петербургскихъ улицахъ, въ петербургскихъ домахъ въ послѣднее время царила пугающая тишина, молчаніе рабовъ, доведенныхъ въ рабствѣ разъединенности до совершенства.

Самодержавіе; война; первые дни свободы, первые дни свѣтлой, какъ влюбленность, февральской революціи; затѣмъ дни первыхъ опасеній и сомнѣній... Керенскій въ своемъ взлетѣ... Ленинъ, присланный изъ Германіи, встрѣчаемый прожекторами... Іюльское возстаніе... побѣда надъ нимъ, страшная, какъ пораженіе... Опять Керенскій, и люди, которые его окружаютъ. Наконецъ знаменитое К-С-К, т. е. Керенскій, Савинковъ и Корниловъ, вся эта потрясающая драма, которую довелось намъ наблюдать съ внутренней стороны. «Корниловскій бунтъ» записали торопливые историки, простодушно повѣривъ, что дѣйствительно былъ какой-то «корниловскій бунтъ»... И наконецъ послѣдній актъ, молнія выстрѣловъ на черномъ октябрьскомъ небѣ... Мы ихъ видѣли съ нашего балкона, слышали каждый... Это обстрѣлъ Зимняго Дворца, и мы знали, что стрѣляютъ въ людей, мужественно и безпомощно запершихся тамъ, покинутыхъ всѣми, даже «главой» своимъ — Керенскимъ.

Временное правительство — да вѣдь это все тѣ-же *мы*, тѣ-же интеллигенты, люди изъ которыхъ каждый имѣлъ для насъ свое *лицо*... (Я уже не говорю, что были тамъ и люди, съ нами лично связанные.) Вотъ движеніе, вотъ борьба, вотъ исторія.

А потомъ наступилъ конецъ. Послѣдняя точка борьбы — Учредительное Собраніе. Черные зимніе вечера; наши друзья р.-соціалисты, недавніе господа, — теперь приходящіе къ намъ тайкомъ, съ поднятыми воротниками, загримированные... И послѣдній вечеръ — послѣдняя ночь, единственная ночь жизни Учредительнаго Собранія, когда я подымала портьеры и вглядывалась въ бѣлую мглу сада, стараясь различить круглый куполъ Дворца... «Они тамъ... Они все еще сидятъ тамъ... Что — тамъ?»

Лишь утромъ большевики рѣшили, что довольно этой комедіи. Матросъ Желѣзняковъ (онъ знаменитъ тѣмъ, что на митингахъ требовалъ непремѣнно «милліона» головъ буржуазіи) объявилъ, что утомился и закрылъ Собраніе.

Сколько ни было дальше выстрѣловъ, убійствъ; смертей — все равно. Дальше — паденіе, то медленное, то быстрое, агонія революціи, ея смерть.

Жизнь все съуживалась, съуживалась, все стыла, каменѣла, — даже самое время точно каменѣло. Все короче становились мои записи. Что писать? Нѣтъ людей, нѣтъ событій. Новый «бытъ», страшный, небывалый, нечеловѣческій, — но и онъ едва нарождался...

И все таки я пыталась иногда раскрывать мои тетради, пока, къ веснѣ 19 года, это стало фактически невозможно. О существованіи тетрадей поползъ слухъ. О нихъ зналъ Горькій. Я рисковала не только собой и нашимъ домомъ: слишкомъ много *лицъ* было въ

моихъ тетрадяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ еще не погибли, и не всѣ были внѣ предѣловъ досягаемости... А такъ какъ при большевицкомъ режимѣ нѣтъ такого интимнаго уголка, нѣтъ такой частной квартиры, куда бы «власти» въ любое время не могли ворваться (это лежитъ въ самомъ принципѣ этихъ властей) — то мнѣ оставалось одно: зарыть тетради въ землю. Я это и сдѣлала. Добрые люди взяли ихъ и закопали гдѣ-то загородомъ, гдѣ — я не знаю точно.

Такова исторія моей книги, моего «Петербурскаго Дневника» 1914—1919 годовъ.

Проходили — проползали мѣсяцы... Уже давно была у насъ не жизнь, а воистину «житіе» Маленькая черная старая книжка валялась пустая на моемъ писменномъ столѣ. И я полуслучайно — полуневольно начала дѣлать въ ней какія-то отмѣтки. Осторожныя, невинныя, безъ именъ, иногда безъ чиселъ. Вѣдь даже когда не думаешь — все время чувствуешь, — тамъ въ Совдепіи, — что кто-то стоитъ у тебя за спиной и читаетъ черезъ плечо написанное.

А между тѣмъ все таки писать было надо. Не хотѣлось, не умѣлось, но чувствовалось, что хоть два-три слова, двѣ-три подробности — надо закрѣпить *ссйчасъ*. И дѣйствительно: многое теперь, по воспоминанію, я просто не могла бы написать: я ужъ сама въ это почти не вѣрю, оно мнѣ кажется слишкомъ фантастичнымъ. Еслибъ у меня не было этихъ листовъ, черныхъ по бѣлому, еслибъ я въ послѣднюю минуту не рѣшилась на вполнѣ безумный поступокъ — схватить ихъ и спрятать въ чемоданъ, съ которымъ мы бѣжали — мнѣ все казалось бы, что я преувеличиваю, что я лгу.

Но вотъ онѣ, эти строки. Я помню, какъ я ихъ

писала. Я помню, какъ я, изъ осторожности, пріуменьшала, скользила по фактамъ, — а не преувеличивала. Я вспоминаю недописанныя слова, вижу нарочныя буквы. Для меня эти скользящія строки — налиты кровью и живутъ, — ибо я знаю *воздухъ*, въ которомъ онѣ рождались. Увы, какъ мало онѣ значутъ для тѣхъ, кто никогда не дышалъ этимъ густымъ, совсѣмъ особеннымъ по тяжести, воздухомъ!

Я коснусь общей внѣшней обстановки, чтобы пояснить нѣкоторыя мѣста, совсѣмъ непонятныя.

Къ веснѣ 19 года положеніе было такое: въ силу безчисленныхъ (иногда противорѣчивыхъ и спутанныхъ, но всегда угрожающихъ) декретовъ, приблизительно все было «національнзировано», — «большевизировано». Все считалось принадлежащимъ «государству» (большевикамъ). Не говоря о еще оставшихся фабрикахъ и заводахъ, — но и всѣ лавки, всѣ магазины, всѣ предпріятія и учрежденія, всѣ дома, всѣ недвижимости, почти всѣ движимости (крупныя), — все это по идеѣ переходило въ вѣдѣніе и собственность государства. Декреты и направлялись въ сторону воплощенія этой идеи. Нельзя сказать, чтобы воплощеніе шло стройно. Въ концѣ концовъ это просто было желаніе прибрать все къ своимъ рукамъ. И большею частью кончалось разрушеніемъ, уничтоженіемъ того, что объявлялось «національзированнымъ». Захваченные магазины, предпріятія и заводы закрывались; захватъ частной торговли повелъ къ прекращенію вообще всякой торговли, къ закрытію *всѣхъ* магазиновъ и къ страшному развитію торговли нелегальной, спеку-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Совдепіи: есть фактъ, надъ каждымъ фактомъ есть вывѣска, и каждая вывѣска — абсолютная ложь по отношенію къ факту. О томъ, что скрывается подъ вывѣской «Совѣтовъ» («выборнаго начала»), упоминается въ моемъ дневникѣ.

Здѣсь скажу о петербургскихъ домахъ. Эти полупустыя, грязныя руины, — собственность государства, — управляются такъ называемыми «комитетами домовой бѣдноты». Принципъ ясенъ по вывѣскѣ. На дѣлѣ же это вотъ что: власти, въ лицѣ Чрезвычайки, совершенно открыто слѣдятъ за комитетомъ каждаго дома (была даже «недѣля чистки комитетовъ»). По возможности комитетчиками назначаются «свои» люди, которые, при постоянномъ контактѣ съ райннымъ Совдепомъ (мѣстнымъ полицейскимъ участкомъ) могли бы дѣлать и нужные доносы. Требуется, чтобы въ комитетахъ не было «буржуевъ», но такъ какъ дѣйствительная «бѣднота» теперь именно «буржуи», то фактически комитеты состоятъ изъ лицъ, находящихся на большевицкой полицейской службѣ, или спекулянтовъ, т. е. менѣе всего изъ «бѣдноты». Нейтральные жильцы дома, рабочіе или просто обывательскіе низы, обыкновенно въ комитетъ не попадаютъ, да и не стремятся туда.

Бываютъ счастливыя исключенія. Напримѣръ въ домѣ одного писателя — «очень хорошій комитетъ: младшій дворникъ, предсѣдатель, такой добрый. Онъ насъ не притѣсняетъ, онъ понимаетъ, что все это рано или поздно кончится...» А вотъ другой, очень извѣстный мнѣ домъ: вѣчные доносы, вѣчное врываніе въ квартиры, вѣчное преслѣдованіе «буржуазіи» — такой, напримѣръ, какъ три барышни, жившія вмѣстѣ: двѣ учительницы, въ большевицкихъ (другихъ нѣтъ) шко-

лахъ и третья — врачъ, въ большевицкой (другихъ нѣтъ) больницѣ. Эту третью даже нѣсколько разъ арестовывали; то когда вообще всѣхъ врачей арестовывали, то по доносу комитетчика, который рѣшилъ, что у нея какая-то подозрительная фамилія.

Нашъ домъ около Таврическаго Дворца былъ самымъ счастливымъ исключеніемъ изъ общаго правила. И не случайно, а благодаря незабвенному другу нашему, удивительнѣйшему человѣку, І. І.

На немъ я должна остановиться. Онъ постоянно упоминается въ моемъ Дневникѣ. Онъ, — и жена его, — люди, съ которыми мы дѣйствительно вмѣстѣ, почти не разлучаясь физически и душевно, переживали годы петербургской трагедіи. Слишкомъ много нужно бы говорить о немъ, я не буду здѣсь вспоминать страницы моего зарытаго дневника. Скажу лишь кратко, что І. І. рѣдкое соединеніе очень серьезнаго ученаго, извѣстнаго своими творческими работами въ Европѣ, — и дѣятельнаго человѣка жизни, отзывчиваго и гуманнаго. Типичныя черты русскаго интеллигента, — крайняя прямота, стойкость, непримиримость, — выражались у него не словесно, а именно дѣйственно. Онъ жилъ въ нашемъ домѣ, на той-же лѣстницѣ, наверху, и во время войны; но мы не были знакомы. Сочувствуя со дней юности, партіи, намъ далекой — соціалъ-демократической, — онъ сталкивался преимущественно съ людьми, съ которыми мы уже были въ идейной борьбѣ. Правда, у насъ имѣлось нѣкоторая связь черезъ Горькаго: І. І. былъ лично близокъ съ Горькимъ, онъ оказалъ Горькому все свое время неоцѣнимыя услуги; Горькаго же мы знали давно, лѣтъ двадцать; онъ даже бывалъ у насъ во время войны. Но съ Горькимъ мы не сходились никогда, странная чуждость раздѣляла насъ. Даже его

несомнѣнный литературный талантъ, сильный и неровный, которымъ мы порою восхищались, не сближалъ насъ съ нимъ. Впрочемъ, окруженіе Горькаго, постоянная толпа ничтожныхъ и корыстныхъ льстецовъ, которыхъ онъ около себя терпѣлъ, отталкивала отъ него очень многихъ.

Эти льстецы обыкновенно даже не партійные люди; это просто литературные паразиты. Подобный «дворъ» — не рѣдкость у русскаго писателя-самородка, имѣющаго громкій успѣхъ, если писатель притомъ слабохарактеренъ, некультуренъ и наивно-тщеславенъ.

Паразитовъ Горьковскихъ І. І. весьма не любилъ, но по добротѣ своей Горькому ихъ прощалъ; а съ партійными людьми горьковскаго круга велъ давнее знакомство.

И въ дни февральской революціи, когда вокругъ Думы, — вокругъ Таврическаго Дворца, — кипѣли и подымались человѣческія волны, когда въ нашу квартиру втекали, попутно, люди, болѣе близкіе намъ, — наверху, у І. І., собирались другіе, иного толка. Казалось, — въ первые дни, — что смѣшались всѣ толки, что нѣтъ раздѣленія; но оно уже было. И чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалось рѣзче. Во время іюльскаго возстанія, опредѣленно с. д.-большевицкаго, — у І. І. въ квартирѣ скрывались соціалъ-демократы еще не вполнѣ примкнувшіе къ большевизму, но уже чувствующіе, что у нихъ рыльце въ пушку. Извѣстный когда-то лишь своему муравейнику литературно-партійный хлыщъ, — Луначарскій, ставшій съ тѣхъ поръ литературнымъ хлыщемъ «всея Совдепіи», — во время іюльскаго бунта жалобно прятался у І. І. (давняго своего знакомаго) чуть не подъ кроватью. И такъ «дрянно» (по словамъ жены І. І.) трусилъ, такъ дрожалъ за свою

моихъ тетрадяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ еще не погибли, и не всѣ были внѣ предѣловъ досягаемости... А такъ какъ при большевицкомъ режимѣ нѣтъ такого интимнаго уголка, нѣтъ такой частной квартиры, куда бы «власти» въ любое время не могли ворваться (это лежитъ въ самомъ принципѣ этихъ властей) — то мнѣ оставалось одно: зарыть тетради въ землю. Я это и сдѣлала. Добрые люди взяли ихъ и закопали гдѣ-то загородомъ, гдѣ — я не знаю точно.

Такова исторія моей книги, моего «Петербургскаго Дневника» 1914—1919 годовъ.

Проходили — проползали мѣсяцы... Уже давно была у насъ не жизнь, а воистину «житіе» Маленькая черная старая книжка валялась пустая на моемъ письменномъ столѣ. И я полуслучайно — полуневольно начала дѣлать въ ней какія-то отмѣтки. Осторожныя, невинныя, безъ именъ, иногда безъ чиселъ. Вѣдь даже когда не думаешь — все время чувствуешь, — какъ въ Совденіи — что кто-то стоитъ у тебя за спиной и читаетъ черезъ плечо написанное.

А между тѣмъ все таки писать было надо. Не хотѣлось, не умѣлось, но чувствовалось, что хоть нѣсколько словъ, нѣсколько подробностей — надо закрѣпить сейчасъ. И дѣйствительно: многое теперь, по воспоминанію, я просто не могла бы написать: я уже сама въ него почти не вѣрю, оно мнѣ кажется слишкомъ фантастическимъ. Если бы у меня не было этихъ листковъ, черныхъ по бѣлому, если бъ я въ послѣднюю минуту не рѣшилась на крайне безумный поступокъ — схватить ихъ и спрятать въ чемоданъ, съ которымъ мы бѣжали — мнѣ все казалось бы, что я преувеличиваю, что я лгу.

Не могу безъ этихъ строчекъ. Я помню, какъ я ихъ

писала. Я помню, какъ я, изъ осторожности, пріуменьшала, скользила по фактамъ, — а не преувеличивала. Я вспоминаю недописанныя слова, вижу нарочныя буквы. Для меня эти скользящія строки — налиты кровью и живутъ, — ибо я знаю *воздухъ*, въ которомъ онѣ рождались. Увы, какъ мало онѣ значутъ для тѣхъ, кто никогда не дышалъ этимъ густымъ, совсѣмъ особеннымъ по тяжести, воздухомъ!

Я коснусь общей внѣшней обстановки, чтобы пояснить нѣкоторыя мѣста, совсѣмъ непонятныя.

Къ веснѣ 19 года положеніе было такое: въ силу безчисленныхъ (иногда противорѣчивыхъ и спутанныхъ, но всегда угрожающихъ) декретовъ, приблизительно все было «національзировано», — «большевизировано». Все считалось принадлежащимъ «государству» (большевикамъ). Не говоря о еще оставшихся фабрикахъ и заводахъ, — но и всѣ лавки, всѣ магазины, всѣ предпріятія и учрежденія, всѣ дома, всѣ недвижимости, почти всѣ движимости (крупныя), — все это по идеѣ переходило въ вѣдѣніе и собственность государства. Декреты и направлялись въ сторону воплощенія этой идеи. Нельзя сказать, чтобы воплощеніе шло стройно. Въ концѣ концовъ это просто было желаніе прибрать все къ своимъ рукамъ. И большею частью кончалось разрушеніемъ, уничтоженіемъ того, что объявлялось «національзированнымъ». Захваченные магазины, предпріятія и заводы закрывались; захватъ частной торговли повелъ къ прекращенію вообще всякой торговли, къ закрытію *всѣхъ* магазиновъ и къ страшному развитію торговли нелегальной, спеку-

лятивной, воровской. На нее большевикамъ поневолѣ приходилось смотрѣть сквозь пальцы, и лишь періодически громить, ловить и хватать покупающихъ-продающихъ на улицахъ, въ частныхъ помѣщеніяхъ, на рынкахъ; рынки, единственный источникъ питанія рѣшительно для всѣхъ (даже для большинства коммунистовъ) — тоже были нелегальщиной. Террористическіе налеты на рынки, со стрѣльбой и смертоубійствомъ, кончались просто разграбленіемъ продовольствія въ пользу отряда, который совершалъ налетъ. Продовольствія прежде всего, но такъ какъ нѣтъ вещи, которой нельзя встрѣтить на рынкѣ, — то забиралось и остальное, — старые онучи, ручки отъ дверей, драные штаны, бронзовые подсвѣчники, древнее бархатное евангеліе, выкраденное изъ какого нибудь книгохранилища, дамскія рубашки, обивка мебели... Мебель тоже считалась собственностью государства, а такъ какъ подъ полой дивана тащить нельзя, то люди сдирали обивку и наровили сбыть ее хоть за полфунта солоненаго хлѣба... Надо было видѣть, какъ съ визгами, воплями и стонами кидались торгующіе врасплохъ, при слухѣ, что близки красноармейцы! Всякій хваталъ свою рухлядь, а часто, въ суматохѣ и чужую; бѣжали, толкались, лѣзли въ пустые подвалы, въ разбитыя окна... Туда же спѣшили и покупатели, — вѣдь покупать въ Совдепіи не менѣе преступно, чѣмъ продавать, — хотя самъ Зиновьевъ отлично знаетъ, что безъ этого преступленія Совдепія кончилась-бы, за неимѣніемъ подданныхъ, дней черезъ 10.

Мы называли нашу «республику» не Р. С. Ф. С. Р. а между прочимъ — «Р. Т. П.» — республикой торгово-продажной. Такъ оно фактически и было.

Надо отмѣтить главную характерную черту въ

Совдепіи: есть фактъ, надъ каждымъ фактомъ есть вывѣска, и каждая вывѣска — абсолютная ложь по отношенію къ факту. О томъ, что скрывается подъ вывѣской «Совѣтовъ» («выборнаго начала»), упоминается въ моемъ дневникѣ.

Здѣсь скажу о петербургскихъ домахъ. Эти полупустыя, грязныя руины, — собственность государства, — управляются такъ называемыми «комитетами домовой бѣдноты». Принципъ ясенъ по вывѣскѣ. На дѣлѣ же это вотъ что: власти, въ лицѣ Чрезвычайки, совершенно открыто слѣдятъ за комитетомъ каждаго дома (была даже «недѣля чистки комитетовъ»). По возможности комитетчиками назначаются «свои» люди, которые, при постоянномъ контактѣ съ райннымъ Совдепомъ (мѣстнымъ полицейскимъ участкомъ) могли бы дѣлать и нужные доносы. Требуется, чтобы въ комитетахъ не было «буржуевъ», но такъ какъ дѣйствительная «бѣднота» теперь именно «буржуи», то фактически комитеты состоятъ изъ лицъ, находящихся на большевицкой полицейской службѣ, или спекулянтовъ, т. е. менѣе всего изъ «бѣдноты». Нейтральные жильцы дома, рабочіе или просто обывательскіе низы, обыкновенно въ комитетъ не попадаютъ, да и не стремятся туда.

Бываютъ счастливыя исключенія. Напримѣръ въ домѣ одного писателя — «очень хорошій комитетъ: младшій дворникъ, предсѣдатель, такой добрый. Онъ насъ не притѣсняетъ, онъ понимаетъ, что все это рано или поздно кончится...» А вотъ другой, очень извѣстный мнѣ домъ: вѣчные доносы, вѣчное врываніе въ квартиры, вѣчное преслѣдованіе «буржуазіи» — такой, напримѣръ, какъ три барышни, жившія вмѣстѣ: двѣ учительницы, въ большевицкихъ (другихъ нѣтъ) шко-

лахъ и третья — врачъ, въ большевицкой (другихъ нѣтъ) больницѣ. Эту третью даже нѣсколько разъ арестовывали; то когда вообще всѣхъ врачей арестовывали, то по доносу комитетчика, который рѣшилъ, что у нея какая-то подозрительная фамилія.

Нашъ домъ около Таврическаго Дворца былъ самымъ счастливымъ исключеніемъ изъ общаго правила. И не случайно, а благодаря незабвенному другу нашему, удивительнѣйшему человѣку, І. І.

На немъ я должна остановиться. Онъ постоянно упоминается въ моемъ Дневникѣ. Онъ, — и жена его, — люди, съ которыми мы дѣйствительно вмѣстѣ, почти не разлучаясь физически и душевно, переживали годы петербургской трагедіи. Слишкомъ много нужно бы говорить о немъ, я не буду здѣсь вспоминать страницы моего зарытаго дневника. Скажу лишь кратко, что І. І. рѣдкое соединеніе очень серьезнаго ученаго, извѣстнаго своими творческими работами въ Европѣ, — и дѣятельнаго человѣка жизни, отзывчиваго и гуманнаго. Типичныя черты русскаго интеллигента, — крайняя прямота, стойкость, непримиримость, — выражались у него не словесно, а именно дѣйственно. Онъ жилъ въ нашемъ домѣ, на той-же лѣстницѣ, наверху, и во время войны; но мы не были знакомы. Сочувствуя со дней юности, партіи, намъ далекой — соціалъ-демократической, — онъ сталкивался преимущественно съ людьми, съ которыми мы уже были въ идейной борьбѣ. Правда, у насъ имѣлось нѣкоторая связь черезъ Горькаго: І. І. былъ лично близокъ съ Горькимъ, онъ оказалъ Горькому все свое время неоцѣнимыя услуги; Горькаго же мы знали давно, лѣтъ двадцать; онъ даже бывалъ у насъ во время войны. Но съ Горькимъ мы не сходились никогда, странная чуждость раздѣляла насъ. Даже его

несомнѣнный литературный талантъ, сильный и неровный, которымъ мы порою восхищались, не сближалъ насъ съ нимъ. Впрочемъ, окруженіе Горькаго, постоянная толпа ничтожныхъ и корыстныхъ льстецовъ, которыхъ онъ около себя терпѣлъ, отталкивала отъ него очень многихъ.

Эти льстецы обыкновенно даже не партійные люди; это просто литературные паразиты. Подобный «дворъ» — не рѣдкость у русскаго писателя-самородка, имѣющаго громкій успѣхъ, если писатель притомъ слабохарактеренъ, некультуренъ и наивно-тщеславенъ.

Паразитовъ Горьковскихъ І. І. весьма не любилъ, но по добротѣ своей Горькому ихъ прощалъ; а съ партійными людьми горьковскаго круга велъ давнее знакомство.

И въ дни февральской революціи, когда вокругъ Думы, — вокругъ Таврическаго Дворца, — кипѣли и подымались человѣческія волны, когда въ нашу квартиру втекали, попутно, люди, болѣе близкіе намъ, — наверху, у І. І., собирались другіе, иного толка. Казалось, — въ первые дни, — что смѣшались всѣ толки, что нѣтъ раздѣленія; но оно уже было. И чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлалось рѣзче. Во время іюльскаго возстанія, опредѣленно с. д.-большевицкаго, — у І. І. въ квартирѣ скрывались соціалъ-демократы еще не вполнѣ примкнувшіе къ большевизму, но уже чувствующіе, что у нихъ рыльце въ пушку. Извѣстный когда-то лишь своему муравейнику литературно-партійный хлыщъ, — Луначарскій, ставшій съ тѣхъ поръ литературнымъ хлыщемъ «всея Совдепіи», — во время іюльскаго бунта жалобно прятался у І. І. (давняго своего знакомаго) чуть не подъ кроватью. И такъ «дрянно» (по словамъ жены І. І.) трусилъ, такъ дрожалъ за свою

особу, гадая, куда-бы ему удрать, что внушилъ отвращеніе даже снисходительнымъ его укрывателямъ.

Вскорѣ послѣ этого возстанія, когда линія с.-д.-большевиковъ ярко опредѣлилась, когда всѣ честные люди изъ не потерявшихъ разумъ ее совершенно поняли, — мы встрѣтились съ І. І. и его женой. Встрѣтились и сразу сошлись крѣпко и близко.

Надвигалась буря. Ледъ гудѣлъ и трещалъ. Дѣйствительно, скоро онъ сломался на куски, разъединяя прежде близкихъ, — и люди понеслись — куда? — на отдѣльныхъ льдинахъ. Мы очутились на одной и той-же льдинѣ съ І. І. — Когда по мѣсяцамъ нельзя было физически встрѣтиться, даже перекликнуться, съ давними, милыми друзьями, ибо нельзя было преодолѣть черныхъ пространствъ страшнаго города, — какимъ счастьемъ и помощью былъ стукъ въ дверь и шаги человѣка, сбѣжавшаго къ намъ внизъ по внутренней лѣстницѣ, — человѣка, то же самое понимающаго, такъ-же чувствующаго, о томъ-же ревнующаго, тѣмъ-же страдающаго, чѣмъ страдали мы!

Дѣятельная, творческая природа І. І. не позволяла ему глядѣть на совершающееся сложа руки. Онъ вѣчно бѣгалъ, вѣчно за кого-то хлопоталъ, кому-то помогалъ, кого-то спасалъ. Онъ дѣлалъ дѣла и крупныя, и мелкія, ни отъ чего не отказывался, лишь бы кому нибудь, чему нибудь помочь. При всей своей непримиримости и кипучей ненависти къ большевикамъ, при очень ясномъ взглядѣ на нихъ — онъ не впадалъ въ уныніе; онъ до конца, — до дня нашей разлуки, — такимъ и остался: жарко вѣрующимъ въ Россію, вѣрующимъ въ ея непремѣнное и скорое освобожденіе. Зная все, что мы переносили, какія темныя глубины мы проходили, — я знаю, какая нужна сила духа и сила жизни, чтобы не

потерять вѣру, чтобы устоять на ногахъ, — остаться *человѣкомъ*. Съ нѣжной благодарностью обращается мысль моя къ I. I. Онъ помогъ намъ — онъ и его жена, — болѣе, чѣмъ сами они объ этомъ думаютъ.

Не могу не прибавить, что сильнѣе чувства благодарности по отношенію къ этимъ людямъ, а также къ другимъ, тамъ оставшимся, тамъ нечеловѣчески страдающимъ и погибающимъ, къ милліонамъ людей съ душой живой — сильнѣе всѣхъ чувствъ во мнѣ говоритъ пламенное чувство долга. Я никогда не знала ранѣе, что оно можетъ быть *пламеннымъ*. Мы — здѣсь; наши тѣла уже не въ глубокой, темной ямѣ, называемой Петербургомъ; — но не ради нашего избавленія избавлены мы, нѣтъ у насъ чувства избавленія — и не можетъ его быть, пока звучать въ ушахъ эти голоса оттуда, — de profundis. Каждая минута, когда мы не стремимся приблизить хоть на линію, на полмиллиметра освобожденіе сидящихъ въ ямѣ — нашъ собственный провалъ; если есть эта минута — не оправдано избавленіе наше, и да погибнемъ мы здѣсь, какъ погибли-бы тамъ. Все равно, сколько у каждаго силъ. Сколько бы ни было, онъ обязанъ положить ихъ на дѣло погибающихъ — всѣ.

И это я говорю не только себѣ, не только намъ: говорю всякому русскому въ Европѣ, даже всякому вообще *человѣку*, если только онъ знаетъ или можетъ какъ нибудь понять, что сейчасъ дѣлается въ Россіи.

Я вѣрю, что людямъ, достойнымъ называться людьми, доступно и даже свойственно именно *пламенное* чувство долга...

Возвращаюсь, послѣ этого невольнаго отступленія, къ фактамъ.

І. І. съ самаго начала, когда назначенія въ домовые комитеты не были такъ строги, пошелъ въ этотъ комитетъ — «спасать квартиры отъ разграбленія, жильцовъ отъ униженія». Сначала онъ былъ тамъ предсѣдателемъ, но затѣмъ его не утвердили — предсѣдателемъ сталъ хитрый мужикъ, смекающій, что не вѣкъ эта «ерунда» будетъ длиться, и что ссориться ему съ «господами» не расчетъ. Онъ охотно уступалъ І. І. Къ тому же болѣе думалъ, какъ бы «спекульнуть» безъ риска, и былъ малограмотенъ. Остальная «бѣднота», состоявшая уже окончательно изъ спекулирующихъ, воровъ, — (одинъ шоффферъ, хапнулъ на 8 милліоновъ, попался и чуть не былъ разстрѣлянъ), тайныхъ полицейскихъ («чрезвычайныхъ»), дезертировъ и т. д., благодаря тому-же малограмотству и отсутствію интереса ко всему, кромѣ наживы — эта «бѣднота» тоже не особенно возставала противъ энергичнаго І. І.

Надо все-таки видѣть, что за колоссальная чепуха — домовый комитетъ! Противная, утомляющая работа, обходы неисполнимыхъ декретовъ, извороты, чтобы отдалить ограбленія, разговоры съ тупыми посланцами изъ полиціи... А вѣчные обыски! Какъ сейчасъ вижу длинную худую фигуру І. І. безъ воротника, въ старенькомъ пальто, въ 4 часа ночи среди подозрительныхъ, подслѣповатыхъ людей съ винтовками и кучи бабъ — новыхъ сыщиковъ и сыщицъ. Это І. І. въ качествѣ уполномоченнаго отъ «Комитета» сопровождаетъ обыски уже въ двадцатую квартиру.

Шепчетъ мнѣ: «я ихъ къ вамъ нарочно напослѣдяхъ... Они уже устали»...

Но самъ онъ, кажется, больше всѣхъ усталъ, хотя крѣпится.

Какъ извѣстно, все населеніе Петербурга взято «на учетъ». Всякій, такъ или иначе, обязанъ служить «государству», — занимать мѣсто если не въ арміи, то въ какомъ нибудь правительственномъ учрежденіи. Да вѣдь человѣкъ иначе и заработка никакого не можетъ имѣть. И почти вся оставшаяся интеллигенція очутилась въ большевицкихъ чиновникахъ. Платятъ за это ровно столько, чтобы умирать съ голоду медленно, а не быстро. Къ веснѣ 19 года почти всѣ наши знакомые измѣнились до неузнаваемости, точно другой человѣкъ сталъ. Опухшимъ — ихъ было очень много — рекомендовалось ѣсть картофель съ кожурой, — но къ веснѣ картофель вообще исчезъ, исчезло даже наше лакомство — лепешки изъ картофельныхъ шкурокъ. Тогда царила вобла, — и кажется я до смертнаго часа не забуду ея пронзительный, тошный запахъ, подымавшій голову изъ каждой тарелки супа, изъ каждой котомки прохожаго.

Новые чиновники, загнанные на службу голодомъ и плеткой, — русскіе интеллигентные люди, — не измѣнились, конечно, не стали большевиками. Водораздѣлъ между «склонившимися» и «сдавшимися», между служащими «за страхъ» и другими, «за совѣсть» — всегда былъ очень ясенъ. Сдавшіеся, передавшіеся, насчитываются единицами; они усердствуютъ, якшаются съ комиссарами, говорятъ высокія слова о «народномъ гнѣвѣ», но менѣе ловкіе все таки голодаютъ (я все говорю о «чиновникахъ», а не объ откровенныхъ спекулянтахъ). Есть еще «приспособившіеся»; это просто люди обывательскаго типа; они тянутъ лямку, думая только о ѣдѣ; не прочь извернуться, гдѣ могутъ, не прочь и

ругнуть, за угломъ, «совѣтскую» власть. Но къ чести русской интеллигенціи надо сказать, что громадная ея часть, подавляющее большинство, состоитъ именно изъ «склонившихся», изъ тѣхъ, что съ великимъ страданіемъ, со стиснутыми зубами несутъ чугунный крестъ жизни. Эти виноваты лишь въ томъ, что они не герои, т. е. даже герои, но не активные. Они нейдутъ активно на немедленную смерть, свою и близкихъ; но нести чугунный крестъ — тоже своего рода геройство, хотя и нассивное.

Къ нимъ надо причислить и почти *всѣхъ* офицеровъ красной арміи, — бывшихъ офицеровъ арміи русской. Вѣдь когда офицеровъ мобилизуютъ (такія мобилизаціи объявлялись чуть не каждый мѣсяцъ) — ихъ сразу арестовываютъ; и не только самого офицера, но его жену, его дѣтей, его мать, отца, сестеръ, братьевъ, даже двоюродныхъ дядей и тетекъ. Выдерживаютъ офицера въ тюрьмѣ нѣкоторое время непремѣнно *вмѣстѣ* съ родственниками, чтобы понятно было, въ чемъ дѣло, и если увидятъ, что офицеръ изъ «пассивныхъ» героевъ — выпускаютъ всѣхъ; офицера — въ армію, родныхъ подъ неусыпный надзоръ. Горе, если прилетитъ отъ армейскаго комиссара доносъ на этого «военспеца» (какъ они называются). Ѣдутъ дяди и тетки, — не говоря о женѣ съ дѣтьми, — куда-то на принудительныя работы, а то и запираются въ прежній казематъ.

Среди офицеровъ, впрочемъ, не мало оказалось героевъ и активныхъ. Этихъ разстрѣливали почти буквально на глазахъ женъ. Въ моихъ листкахъ приведены факты; они происходили на глазахъ близкаго мнѣ человѣка, женщины-врача, арестованной... за то, что у нея подозрительная фамилія.

Я веду вотъ къ чему. Я хочу въ грубыхъ чертахъ опредѣлить, какъ раздѣляется сейчасъ все населеніе Россіи вообще по отношенію къ «совѣтской» власти. Послѣдніе годы много дали намъ; много видѣли мы со всѣхъ сторонъ, и я думаю, что не очень ошибусь въ моей сводкѣ. Дѣлаю ее по главнымъ линіямъ и совершенно объективно. Она относится къ второй половинѣ 19 года; врядъ-ли могло въ ней потомъ что либо измѣниться кореннымъ образомъ[1]).

1. Собственно народъ, низы, крестьяне, въ деревняхъ и въ красной арміи, главная русская толща въ подавляющемъ большинствѣ — нейтралы. По природѣ русскій крестьянинъ — ярый частный собственникъ, по воспитанію (вѣка длилось это воспитаніе!) — рабъ. Онъ хитеръ — но послушенъ, внѣшне, всякой силѣ, если почувствуетъ, что это дѣйствительно грубая сила. Онъ будетъ молчать и ждать безъ конца, наровя за уголкомъ устроиться по своему, но лишь за уголкомъ, у себя въ уголкѣ. Онъ еще весьма узко понимаетъ и пространство и время. Ему довольно безразличенъ «коммунизмъ», пока не коснулся его самого, пока это вообще какое-то «начальство». Если при этомъ начальствѣ можно забрать землю, разогнать помѣщиковъ и поспекулировать въ городѣ — тѣмъ лучше. Но едва коммунистическія лапы тянутся къ деревнѣ, — мужикъ ершится. Упрямство у него такое же безконечное, какъ и терпѣніе. Землю, захваченное добро онъ считаетъ своими, никакія рѣчи никакихъ «товарищей» не разубѣдятъ его. Онъ не хочетъ работать «на чужихъ

[1]) Въ 21 г. констатирую правильность моихъ тогдашнихъ положеній. Именно изъ нихъ естественно должна была развиться та, уже поголовная ненависть къ большевикамъ, которая нынѣ охватываетъ все населеніе Россіи, безъ различія классовъ.

ребятъ»; и когда большевики стали посылать отряды, чтобы реквизировать «излишки» — эти излишки исчезли, а гдѣ не были припрятаны — тамъ мужики встрѣтили реквизиторовъ съ винтовками и даже съ пулеметами. Вскорѣ мужикъ сообразилъ, что спокойнѣе вырабатывать хлѣба лишь столько, сколько надо для себя, его ужъ и защищать. И половина полей просто начала пустовать. Нахватанныя керенки все зарываются да зарываются въ кубышки; и вотъ, мужикъ начинаетъ хмуриться: да скоро ли время, чтобы свободно попользоваться накопленнымъ богатствомъ? Онъ ни минуты не сомнѣвается, что «они» (большевики) кончатся; но когда? Пора бы... И «коммунистъ» — уже ругательное слово въ деревнѣ.

Воевать мужикъ такъ-же не хочетъ, какъ не хотѣлъ при царѣ; и такъ-же покоряется принудительному набору, какъ покорялся при царѣ. Кромѣ того въ деревнѣ, особенно зимой, и дѣлать нечего, и хлѣбъ на счету; въ красной-же арміи — обѣщаютъ паекъ, одѣвку, обувку; да и веселѣе тамъ молодому парню, уже привыкшему лодырничать. На фронтъ — не всѣхъ-же на фронтъ! Посланные на фронтъ покоряются, пока надъ ними зоркія очи комиссаровъ; но бѣгутъ кучами при малѣйшей возможности. Паникѣ поддаются съ легкостью удивляющей, и тогда бѣгутъ слѣпо, не взирая ни на что. Веснами, едва пригрѣетъ солнышко и можно въ деревню, — бѣгутъ неудержимо и безъ паники: просто текутъ назадъ, прячась по лѣсамъ, органически превращаясь въ «зеленыхъ».

Большевики отлично все это знаютъ. Прекрасно понимаютъ своихъ подданныхъ, свою армію, — учитываютъ все. Но они такъ-же прекрасно учитываютъ, что ихъ враги, — европейцы ли, собственные ли бѣлые

генералы, — ничего не понимаютъ и ничего не знаютъ. На этой слѣпотѣ, я полагаю, они и строятъ всѣ свои главныя надежды.

2. Рабочіе? Пролетаріатъ? Но собственно пролетаріата въ Россіи почти не было и раньше, говорить же о немъ сейчасъ, когда девять десятыхъ фабрикъ закрылись — просто смѣшно. Россійскіе рабочіе тѣ же крестьяне, и съ закрытіемъ заводовъ они расплылись — въ деревню, въ красную армію. За оставшимися въ городахъ, на работающихъ фабрикахъ, большевики слѣдятъ особенно зорко, обращаются съ ними и осторожно — и безпощадно. Періодически повторяются вспышки террора именно рабочаго. И это понятно, ибо громадное большинство оставшихся рабочихъ уже не нейтрально, оно враждебно большевикамъ. Большевикамъ не по себѣ отъ этой, глухой пока, враждебности, и они ведутъ себя тутъ очень нервно: то заискиваютъ, то неистовствуютъ. На офиціальныхъ митингахъ все бродятъ какія-то искры, и порою достаточно одному взглянуть изподлобья проворчать: «надоѣло ужъ все это . . .» чтобы заволновалось собраніе, чтобы занадрывались одни ораторы, чтобы побѣжали другіе, чернымъ ходомъ, къ своимъ автомобилямъ. Слишкомъ понятна эта неудержимо ростущая враждебность къ большевикамъ въ средней массѣ рабочихъ: безпросвѣтный голодъ, несмотря на увеличеніе ставокъ («чего на эти ленинки купишь? Тыща тоже называется! Куча . . .» слѣдуетъ непечатное слово), беззаконіе, расхищеніе, царящія на фабрикахъ, разрушеніе производительнаго дѣла въ корнѣ и наконецъ неслыханное количество безработныхъ — все это слишкомъ достаточныя причины рабочаго озлобленія. Пассивнаго, какъ у большинства русскихъ людей, и осо-

бенно безсильнаго, потому что «власти» особенно заботятся о разъединеніи рабочихъ. Запрещены всякія организаціи, всякія сходки, сборища, митинги, кромѣ офиціально назначаемыхъ. Сколько юркихъ сыщиковъ, шныряетъ по фабрикамъ! Русскіе рабочіе очутились въ такихъ ежовыхъ рукавицахъ, какіе имъ не снились при царѣ. Вывѣска, — увѣренія, что ихъ-же рукавицы, «рабочее»-же правительство! на нихъ болѣе не дѣйствуютъ и никого не обманываютъ.

3. Городское обывательское населеніе, полуинтеллигенты, интеллигенты, чиновники, а также верхи и полу-верхи красной арміи, ея командный составъ — объ этомъ слоѣ уже было упомянуто. Взятый en gros — онъ въ подавляющемъ большинствѣ непримиримъ по отношенію къ «совѣтской власти». Нейтраловъ сравнительно немного, да и нейтралами они могутъ быть названы лишь въ той мѣрѣ, въ какой было названо нейтральнымъ крестьянство. Подъ тончайшей пленкой тупого равнодушія или мгновенной беззаботности — и у нихъ, у нейтраловъ, лежитъ самая опредѣленная враждебность къ данной власти, — трусливая ненависть или презрѣніе. Съ какимъ злорадствомъ накидывается обывательщина, верхняя и нижняя, на всякую неудачу большевиковъ, съ какой жадностью ловитъ слухи о ихъ близкомъ паденіи! Не разъ и не два мнѣ собственными ушами приходилось слышать, какъ ждутъ освободителей: «хоть самъ чортъ, хоть дьяволъ, — только-бы пришли! И чего они тамъ, союзники эти самые! Часокъ только и пострѣлятъ съ моря, и готово дѣло! Ужъ мы бы тутъ здѣшней нашей сволочи удрать не дали, — нѣтъ! Ужъ мы бы съ ней тогда сами расправились!» Но этого «часочка стрѣльбы» настоящей не было, и разочарованные жи-

тели Петербурга послѣ взрыва надежды молчаливо-злобными взглядами провожаютъ всякій автомобиль. (Автомобиль — это, значитъ, ѣдутъ большевики. Автомобилей другихъ нѣтъ.)

Вотъ моя сводка. И не моя вовсе: ее, такую, дѣлаютъ всѣ въ Россіи, всѣ знаютъ, что въ грубыхъ и общихъ чертахъ отношеніе русскаго населенія къ большевицкой власти именно таково. Я ничего не сказала о чистыхъ спекулянтахъ. Но это не слой и не классъ. Спекулянты, сколько бы ихъ ни было, все таки отдѣльныя личности, и принадлежатъ ко всѣмъ слоямъ и классамъ. Они, конечно, рады, что подвернулись такія роскошныя условія — власть большевиковъ, — для легкой наживы. Но, въ цѣломъ, и на армію спекулянтовъ большевики не могутъ разсчитывать, какъ на твердую опору. Происходитъ та-же, приблизительно, исторія, какъ съ крестьянами. Кучи спекулянтовъ уже стонутъ: да когда-же? Долго-ли? Когда-же попользоваться награбленнымъ? А жить все дороже, грабить надо шире, значитъ и рисковать больше... Разсчетливый спекулянтъ съ такимъ же нетерпѣливымъ ожиданіемъ считаетъ дни, какъ иной чиновникъ.

Да, вотъ фактъ, вотъ правда о Россіи въ немногихъ словахъ: *Россіей сейчасъ распоряжается ничтожная кучка людей, къ которой вся остальная часть населенія, въ громадномъ большинствѣ, относится отрицательно и даже враждебно.* Получается истинная картина чужеземнаго завоеванія. Латышскіе, башкирскіе и китайскіе полки (самые надежные) дорисовываютъ эту картину. Изъ латышей и монголовъ составлена личная охрана большевиковъ. Китайцы разстрѣливаютъ арестованныхъ, — захваченныхъ. (Чуть не написала «осужденныхъ», но осужденныхъ нѣтъ, ибо

бенно безсильнаго, потому что «власти» особенно заботятся о разъединеніи рабочихъ. Запрещены всякія организаціи, всякія сходки, сборища, митинги, кромѣ офиціально назначаемыхъ. Сколько юркихъ сыщиковъ, шныряетъ по фабрикамъ! Русскіе рабочіе очутились въ такихъ ежовыхъ рукавицахъ, какіе имъ не снились при царѣ. Вывѣска, — увѣренія, что ихъ-же рукавицы, «рабочее»-же правительство! на нихъ болѣе не дѣйствуютъ и никого не обманываютъ.

3. Городское обывательское населеніе, полуинтеллигенты, интеллигенты, чиновники, а также верхи и полу-верхи красной арміи, ея командный составъ — объ этомъ слоѣ уже было упомянуто. Взятый en gros — онъ въ подавляющемъ большинствѣ непримиримъ по отношенію къ «совѣтской власти». Нейтраловъ сравнительно немного, да и нейтралами они могутъ быть названы лишь въ той мѣрѣ, въ какой было названо нейтральнымъ крестьянство. Подъ тончайшей пленкой тупого равнодушія или мгновенной беззаботности — и у нихъ, у нейтраловъ, лежитъ самая опредѣленная враждебность къ данной власти, — трусливая ненависть или презрѣніе. Съ какимъ злорадствомъ накидывается обывательщина, верхняя и нижняя, на всякую неудачу большевиковъ, съ какой жадностью ловитъ слухи о ихъ близкомъ паденіи! Не разъ и не два мнѣ собственными ушами приходилось слышать, какъ ждутъ освободителей: «хоть самъ чортъ, хоть дьяволъ, — только-бы пришли! И чего они тамъ, союзники эти самые! Часокъ только и пострѣлять съ моря, и готово дѣло! Ужъ мы бы тутъ здѣшней нашей сволочи удрать не дали, — нѣтъ! Ужъ мы бы съ ней тогда сами расправились!» Но этого «часочка стрѣльбы» настоящей не было, и разочарованные жи-

тели Петербурга послѣ взрыва надежды молчаливо-злобными взглядами провожаютъ всякій автомобиль. (Автомобиль — это, значитъ, ѣдутъ большевики. Автомобилей другихъ нѣтъ.)

Вотъ моя сводка. И не моя вовсе: ее, такую, дѣлаютъ всѣ въ Россіи, всѣ знаютъ, что въ грубыхъ и общихъ чертахъ отношеніе русскаго населенія къ большевицкой власти именно таково. Я ничего не сказала о чистыхъ спекулянтахъ. Но это не слой и не классъ. Спекулянты, сколько бы ихъ ни было, все таки отдѣльныя личности, и принадлежатъ ко всѣмъ слоямъ и классамъ. Они, конечно, рады, что подвернулись такія роскошныя условія — властъ большевиковъ, — для легкой наживы. Но, въ цѣломъ, и на армію спекулянтовъ большевики не могутъ разсчитывать, какъ на твердую опору. Происходитъ та-же, приблизительно, исторія, какъ съ крестьянами. Кучи спекулянтовъ уже стонутъ: да когда-же? Долго-ли? Когда-же попользоваться награбленнымъ? А жить все дороже, грабить надо шире, значитъ и рисковать больше... Разсчетливый спекулянтъ съ такимъ же нетерпѣливымъ ожиданіемъ считаетъ дни, какъ иной чиновникъ.

Да, вотъ фактъ, вотъ правда о Россіи въ немногихъ словахъ: *Россіей сейчасъ распоряжается ничтожная кучка людей, къ которой вся остальная часть населенія, въ громадномъ большинствѣ, относится отрицательно и даже враждебно.* Получается истинная картина чужеземнаго завоеванія. Латышскіе, башкирскіе и китайскіе полки (самые надежные) дорисовываютъ эту картину. Изъ латышей и монголовъ составлена личная охрана большевиковъ. Китайцы разстрѣливаютъ арестованныхъ, — захваченныхъ. (Чуть не написала «осужденныхъ», но осужденныхъ нѣтъ, ибо

нѣтъ суда надъ захваченными. Ихъ просто *такъ* разстрѣливаютъ.) Китайскіе же полки, или башкирскіе идутъ въ тылу посланныхъ въ наступленіе красноармейцевъ, чтобы когда они побѣгутъ (а они побѣгутъ!), встрѣтить ихъ пулеметнымъ огнемъ и заставить повернуть.

Чѣмъ не монгольское иго?

Я знаю вопросъ, который самъ собой возникаетъ послѣ моихъ утвержденій. Вотъ онъ: если все это правда, если это дѣйствительно власть кучки, безпримѣрное насиліе меньшинства надъ такимъ большинствомъ, какъ *почти все* населеніе огромной страны, — почему нѣтъ внутренняго переворота? Почему хозяйничанье большевиковъ длится, вотъ уже три года? Какъ это возможно?

Это не только возможно — это даже не удивительно, для того, кто знаетъ Россію, русскій народъ, его исторію, — и въ то же время знаетъ большевиковъ. Россія — страна всѣхъ возможностей, сказалъ кто-то. И страна всѣхъ невозможностей, прибавлю я. О причинахъ такой, на первый взглядъ, неестественной нелѣпости — длящагося владычества кучки партійныхъ людей, недавно подпольныхъ, надъ огромнымъ народомъ вопреки его волѣ — объ этомъ я говорю много въ моемъ дневникѣ. Почти весь онъ, пожалуй, объ этомъ. Здѣсь подчеркну только еще разъ: мы знаемъ, что это имено такъ и должно было быть; но мы знаемъ еще, — и это страшно важно! что малѣйшій внѣшній толчекъ, малѣйшій камешекъ, упавшій на черную недвижность сегодняшней Россіи — произведетъ оглушительный взрывъ. Ибо это чернота не болота, но чернота порохового погреба.

Никакихъ тутъ нѣтъ сомнѣній у большевиковъ.

Никакихъ нѣтъ и не было сомнѣній у насъ, всѣхъ остальныхъ русскихъ людей. Отсюда понятно, что переживали мы въ маѣ 19 года, мы — и они, большевики. Они впрочемъ, трусы, а у страха глаза велики; при одномъ лишь томъ фактѣ, что наступаетъ лѣто, дѣлается возможнымъ ударъ на Петербургъ, и всѣ въ городѣ ждутъ удара — большевики засуетились, заволновались. А когда началось наступленіе съ Ямбурга — паника ихъ стала неписуема. Мы были гораздо скептичнѣе. Мы совершенно не знали, кто наступаетъ, съ какими силами, а главное, — есть-ли тамъ, на Западѣ, какая нибудь согласованность, есть-ли единая воля у идущихъ — воля дойти во что бы то ни стало. Для внѣшняго толчка, самого легкаго, но вполнѣ достаточнаго, чтобы опрокинуть центральную власть, это единство воли необходимо. Паника большевиковъ, цѣну которой мы знали, не доказывала еще, что общій ударъ на Петербургъ предрѣшенъ. Напряженіе въ городѣ, однако, все возрастало и ширилось.

Нельзя передать словами краску, запахъ, воздухъ въ такіе дни и минуты ожиданія. Уже потому нельзя, что дни эти особенно тихи, молчаливы, никакихъ словъ никто не говоритъ. Да и зачѣмъ слова? Надо ждать и слушать; надо угадать, захватить мгновеніе... не переворота, а то послѣднее мгновеніе, когда можно сказать «пора!», когда можно встать дѣйственно, за «тѣхъ» — противъ «этихъ».

Цѣлые коллективы, по вывѣскѣ большевицкіе, въ неусыпномъ напряженіи ждали такой минуты. (Меня поймутъ, мнѣ простятъ, конечно, мою бездоказательность и неопредѣленность: я пишу это въ 20-мъ году, во время длящагося царства большевиковъ.) Красноармейцы, посылаемые на фронтъ, были проще и раз-

говорчивѣе: «мы до перваго кордона. А тамъ сейчасъ — на ту сторону.» Помню ихъ весело и глупо улыбающіяся лица.

Событія на Красной Горкѣ, — (почти у самаго Кронштадта) неизвѣстны въ подробностяхъ; но по всѣмъ вѣроятіямъ это была ошибка, обманъ момента; слишкомъ измученные ожиданіемъ люди сказали себѣ «пора!» — а было вовсе не пора. Да настоящаго момента для внутренняго возстанія тогда и совсѣмъ не было, — (какъ не было его и послѣ, осенью, во время наступленія Юденича). Не было, видимъ мы теперь, единой воли у идущихъ, не было ея еще ни разу... Будетъ ли когда нибудь?

Майская эпопея скатилась, какъ волна, оставивъ послѣ себя полосы опустошенія; насъ только сдавили, задушили новыми распоряженіями и декретами, новыми запрещеніями и ограниченіями, — новые замки повѣсили на двери тюремныя. Да цѣны сразу удовились, такъ что волей неволей приходилось думать о послѣдней рубашкѣ — когда, сегодня или завтра снимать ее, чтобъ послать на рынокъ.

Но думалось и объ этомъ какъ то тупо. Не уныніе, а именно тупость начинала все больше овладѣвать всѣми. Собственно наша внѣшняя жизнь измѣнялась такъ медленно и незамѣтно, что на первый взглядъ, вотъ тогда весной 19 года, все было какъ бы то-же: та-же квартира, сохраненная заботами І. І., въ кухнѣ та-же старенькая няня моя, та-же преданная имъ служанка, деревенская дѣвушка, съ отвращеніемъ и покорностью гдядящая на «этихъ коммунистовъ». Правда, пустѣли полки съ книгами, унесли піанино, постепенно срывались занавѣсы съ оконъ и дверей, а въ кухнѣ бѣдная моя, едва-живая старушка тщетно суетилась

надъ полупустыми горшками и бранилась съ таинственными личностями, на ухо обѣщающими картофель по сту рублей фунтъ. Кухня — была у насъ самое оживленное мѣсто въ квартирѣ. Кого-кого тамъ не приходилось мнѣ видѣть! Кухонные митинги порою давали намъ очень живую информацію.

Все пустѣющая рабочая комната, балконъ, съ котораго, поверхъ зеленыхъ шапокъ Таврическаго сада, можно видѣть главы страшнаго Смольнаго, блѣднозолотыя въ бѣлую майскую ночь, — о, какое странное томленіе, какая — словно предсмертная — тоска!

Тетрадей моихъ уже давно не было. Давно уже онѣ покоились въ могилѣ. Но вотъ тогда-то, въ началѣ іюня, я и нашла черную книжку, гдѣ стала дѣлать не частыя, краткія отмѣтки.

Я ихъ печатаю здѣсь, какъ онѣ есть, въ рѣдкихъ случаяхъ прибавляя нѣсколько поясняющихъ словъ. Я не называю почти ни одного имени — причины понятны, о нихъ уже сказано выше.

ЧЕРНАЯ КНИЖКА

1919, Іюнь
С.П.Б.

«. . . Не забывай моихъ послѣднихъ дней . . .»

«. . О, эти наши дни послѣдніе,
Остатки неподвижныхъ дней.
И только небо въ полночь мѣднѣе,
Да зори голыя длиннѣй . . .»

Іюнь . . . Все хорошо. Все какъ быть должно. Инвалиды (грязный домъ напротивъ насъ, тоже угловой, съ желѣзными балконами) заводятъ свою музыку разно: то съ самаго утра, то попозже. Но, заведя, уже не прекращаютъ. Что нибудь да зудитъ: или гармоника, или дудка, или грамофонъ. Иногда грамофонъ и гармоника вмѣстѣ. Въ разныхъ этажахъ. Кто не дудитъ — лежитъ брюхомъ на подоконникѣ, разнастанный, смотритъ или плюетъ на тротуаръ.

Послѣ 11 ч. вечера, когда уже запрещено ходить по улицамъ (т. е. послѣ 9, — вѣдь у насъ «революціонное» время, на три часа впередъ), музыка не кончается, но валявшіеся на подоконникахъ сходятъ на подъѣздъ, усаживаются. Вокругъ толпятся такъ называемыя «барышни», въ бѣлыхъ туфляхъ, — «Катьки мои толстоморденькія», о которыхъ А. Блокъ написалъ:

«Съ юнкеремъ гулять ходила,
Съ солдатьемъ теперь пошла.»

Визги. Хохотки.

Инвалиды, (и почему они — инвалиды? всѣ они

цѣлы, никто не раненъ, и госпиталя тутъ нѣтъ) — «инвалиды» здоровые, крѣпкіе мужчины. Праздникъ и будни у нихъ одинаковы. Они ничѣмъ не заняты. Слышно, будто спекулируютъ, но лишь по знакомству. Намъ ни одной картофелины не продали.

А грамофонъ ихъ звенитъ, звенитъ въ ушахъ, даже ночью, свѣтлой, какъ день, — когда уже спятъ инвалиды, замолкъ грамофонъ.

*

Утрами, по зеленой уличной травѣ, извиваются змѣями пріютскія дѣти, — «пролетарскія» дѣти, — это ихъ ведутъ въ Таврическій садъ. Они — то въ красныхъ, то въ желтыхъ шапченкахъ, похожихъ на дурацкіе колпаки. Мордочки землистаго цвѣта, сами босые. На нашей улицѣ, когда-то очень аристократической, очень много было красивыхъ особняковъ. Они всѣ давно реквизированы, наиболѣе разрушенные — покинуты, отданы «подъ дѣтей». Пріюты доканчиваютъ эти особняки. Мимо нѣкоторыхъ уже пройти нельзя, такая грязь и вонь. Стекла выбиты. На подоконникахъ лежатъ дѣти, — совершенно такъ, какъ инвалиды лежатъ, — мальчишки и дѣвчонки, большіе и малые, и какъ инвалиды глазѣютъ или плюютъ на улицу. Самые маленькіе играютъ соромъ на разломленныхъ плитахъ тротуара, подъ деревьями, или бѣгаютъ по уличной травѣ, шлепая голыми пятками. Ставятъ дѣтей въ пары и ведутъ въ Таврическій лишь по утрамъ. Остальное время дня они свободны. И праздны, опять совершенно такъ-же, какъ инвалиды.

Есть, впрочемъ, и много отличій между дѣтьми и инвалидами. Хотя бы это одно: у дѣтей лица желтыя — у инвалидовъ красныя.

*

Вчера 28-го іюня дежурила у воротъ. Здѣсь у воротъ, со времени [illegible] установлено [illegible] дежурство [illegible] днемъ и ночью. Дежурятъ всѣ [illegible] по очереди по три часа каждый. Для чего это нужно, стоять на пустынной [illegible] улицѣ — не знаетъ никто. Но стоятъ. [illegible]

[illegible]

[illegible]

Женщины съ [illegible] лицами, съ корзинками и посудинами въ ослабѣвшихъ рукахъ [illegible] изъ общественной столовой — останавливались на углахъ, шушукались, озирались. Напра-

но, голубушки. У надежды глаза такъ-же велики, какъ и у страха.

*

Рынки опять разогнали и запечатали. Изъ казны дается на день 1/8 хлѣба. Муку ржаную обѣщали намъ принести тайкомъ — 200 р. фунтъ.

Катя спросила у меня 300 рублей, — отдать за починку туфель.

*

Если ночью горитъ электричество — значитъ въ этомъ районѣ обыски. У насъ уже было два. Оцѣпляютъ домъ и ходятъ цѣлую ночь, толпясь, по квартирамъ. Въ первый разъ обыскомъ завѣдывалъ какой-то «товарищъ Савинъ», подслѣповатый, одѣтый какъ рабочій. Сопровождающій обыскъ І. І. (ужасно онъ похожъ, безъ воротничка, на большую, худую, печальную птицу) — шепнулъ «товарищу», что тутъ, молъ, писатели, какое у нихъ оружіе. Савинъ слегка ковырнулъ мои бумаги и спросилъ: участвую-ли я *теперь* въ періодическихъ изданіяхъ? На мой отрицательный отвѣтъ ничего, однако, не сказалъ. Куча бабъ въ платкахъ (новыя сыщицы — коммунистки) интересовалась больше содержаніемъ моихъ шкаповъ. Шептались. Въ то время мы только что начинали продажу, и бабы явно были недовольны, что шкапъ не пустъ. Однако, обошлось. І. І. ходилъ по пятамъ каждой бабы.

На второмъ обыскѣ женщинъ не было. За то дѣти. Мальчикъ лѣтъ 9 на видъ, шустрый и любопытный, усердно рылся въ комодахъ и въ письменомъ столѣ Дм. Серг. Но въ комодахъ съ особеннымъ вкусомъ. Этотъ навѣрно «коммунистъ». При какомъ еще строѣ, кромѣ коммунистическаго, удалось бы юному государственному дѣятелю полазить по чужимъ ящикамъ?

А тутъ — открытый разбой.

— Вѣдь подумайте, здѣсь они дѣтей развращаютъ. Дѣтей! Вѣдь я на этого мальчонку безъ стыда и жалости смотрѣть не могъ! — говоритъ убитый Г. Г. въ негодованіи на другой день.

*

Яркое солнце. Звѣрская жара. [illegible]. На каменной [illegible] лежитъ [illegible] въ [illegible]. [illegible] безжизненно, какъ-то вся [illegible]. Вдругъ тихо, мучительно, протянула руку. Не за кускомъ [illegible] — [illegible]. [illegible] теперь въ [illegible] [illegible] за [illegible]? На [illegible].

[illegible] еще часъ. [illegible]. И [illegible]. [illegible] — [illegible] не [illegible]. Не [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] — и [illegible] еще [illegible].

[illegible] можно [illegible] — [illegible] [illegible].

*

Утро. Тишина. Если кто нибудь не возвращается домой — значитъ, его арестовали.

Такъ арестовали мужа нашей квартирной хозяйки, древняго-древняго старика. Онъ не былъ да и не могъ быть связанъ съ [illegible] — онъ просто шелъ по *Гороховой*. И домой не пришелъ. Несчастная старуха весь [illegible] ходила [illegible]. А когда, наконецъ, узнала, что онъ сидитъ, и собралась послать ему ѣду (заключенные кормятся только тѣмъ, что имъ присылаютъ съ воли) — то оказалось, что старикъ уже умеръ. Отъ воспаленія легкихъ или отъ голода.

Такъ же не вернулся домой другой старикъ, знако-

мый З. Этотъ зашелъ случайно въ Швейцарское посольство, а тамъ засада.

Еще не умеръ, сидитъ до сихъ поръ. Любопытно, что онъ давно на большевицкой-же службѣ, въ какомъ-то учрежденіи, которое его отъ Гороховой требуетъ, онъ нуженъ... но Гороховая не отдаетъ.

*

Опять неудавшаяся гроза, какое лѣто странное. Но посвѣжѣло.

А въ общемъ ничего не измѣняется. Пыталась цѣлый день продавать старые башмаки. Не даютъ полторы тысячи, — малы. Отдала задешево. Ѣсть-то надо.

*

Еще одного надо записать въ синодикъ. Передался большевикамъ — А. Ф. Кони! Извѣстный всему Петербургу сенаторъ Кони, писатель и лекторъ, хромой, 75-лѣтній старецъ. За пролетку и крупу рѣшилъ «служить пролетаріату». Написалъ объ этомъ «самому» Луначарскому. Тотъ бросился читать письмо всюду: «товарищи, А. Ф. Кони — нашъ! Вотъ его письмо». Уже объявлены какія то лекціи Кони — красноармейцамъ.

Самое жалкое — это что онъ, кажется, не очень и нуждался. Дима[1]) не такъ давно былъ у него. Зачѣмъ же это-на старости лѣтъ? Крупы будетъ больше, будутъ за нимъ на лекціи пролетку посылать, — но вѣдь стыдно!

Съ Москвой, жаль, почти нѣтъ сообщенія. А то достать-бы книжку Брюсова «Почему я сталъ коммунистомъ». Онъ теперь, говорятъ, важная шишка у большевиковъ. Общій цензоръ. (Издавна злоупотребляетъ наркотиками.)

[1]) Д. В. Философовъ.

Валерій Брюсовъ — одинъ изъ нашихъ «большихъ талантовъ». Поэтъ «конца вѣка», — ихъ когда-то называли «декадентами». Мы съ нимъ были всю жизнь очень хороши, хотя дружить такъ, какъ я дружила съ Блокомъ и А. Бѣлымъ, съ нимъ было трудно. Не больно-ли, что какъ разъ эти двое послѣднихъ, лучшіе, кажется, изъ поэтовъ и личные мои, долголѣтніе, друзья — чуть не первыми перешли къ большевикамъ? Впрочемъ, — какой большевикъ — Блокъ! Онъ и вертится гдѣ-то около, въ лѣвыхъ эс-ерахъ. Онъ и А. Бѣлый — это просто «потерянныя дѣти», ничего не понимающіе, а-политичные отнынѣ и довѣка. Блокъ и самъ какъ-то соглашался, что онъ «потерянное дитя», не больше.

Но бываютъ времена, когда нельзя быть безотвѣтственнымъ, когда всякій обязанъ быть человѣкомъ. И я «взорвала мосты» между нами, какъ это ни больно. Пусть у Блока, да и у Бѣлаго, — «душа невинна: я не прощу имъ никогда».

Брюсовъ другого типа. Онъ не «потерянное дитя», хотя такъ-же безотвѣтственъ. Но о разрывѣ съ Брюсовымъ я и не жалѣю. Я жалѣю его самого.

Всетаки самый замѣчательный русскій поэтъ и писатель, — Сологубъ, — остался «человѣкомъ». Не пошелъ къ большевикамъ. И не пойдетъ. Не весело ему за то живется.

*

Молодой поэтъ Натанъ В., изъ кружка Горькаго, но очень возставшій здѣсь противъ большевиковъ, — въ Кіевѣ очутился на посту Луначарскаго. Интеллигенты стали подъ его покровительство.

*

Шла дама по Таврическому саду. На одной ногѣ туфля, на другой лапоть.

*

Деревянные дома приказано снести на дрова. О, разрушать живо, разрушать мастера! Разломаютъ и растаскаютъ.

Таскаютъ и торцы. Сегодня сама видѣла, какъ мальчишка съ невиннымъ видомъ разбиралъ мостовую. Подъ торцами доски. Ихъ еще не трогаютъ. Впрочемъ, нѣтъ, выворачиваютъ и доски, ибо кромѣ «плѣшинъ» — вынутыхъ торцевъ, — кое гдѣ на улицахъ есть и бездонныя черныя ямы.

*

N. былъ арестованъ въ Павловскѣ на музыкѣ, во время облавы. Допрашивалъ самъ Петерсъ, нашъ «безпощадный» (латышъ). Не вѣрилъ, что N. студентъ. Оттого, вѣрно и выпустилъ. На студентовъ особенное гоненіе. Съ весны ихъ начали прибирать къ рукамъ. Яростно мобилизуютъ. Но все-таки кое-кто выкручивается. Университетъ вообще разрушенъ, но остатки студентовъ все-таки нежелательный элементъ. Это, хотя и — увы, пассивная, — но все-таки оппозиція. Большевики-же не терпятъ вблизи никакой, даже пассивной, даже глухой и нѣмой. И если только могутъ, что только могутъ — уничтожаютъ. Непремѣнно уничтожатъ студентовъ, — останутся только профессора. Студенты все-таки имъ, большевикамъ, кажутся *коллективной* оппозиціей, а профессора разъединены, каждый — отдѣльная оппозиція, и они ихъ преслѣдуютъ отдѣльно.

Сегодня еще прибавили. 1/8 фунта хлѣба на два дня. Какое объяденіе!

[illegible]

*

[illegible]

*

[illegible]

*

[illegible]

*

[illegible]

Объ этомъ І. І. разсказывалъ съ волненіемъ, съ дрожью въ голосѣ. Не оттого, что разстрѣляютъ брата (его, вѣроятно, не разстрѣляютъ), не оттого, что Горькій забылъ, что̀ сдѣлалъ для него І. І., — а потому, что І. І. *видитъ* теперь Горькаго, настоящій обликъ человѣка, котораго онъ любилъ... и любитъ, можетъ-быть, до сихъ поръ.

Меня-же Горькій и не ранитъ (я никогда его не любила) и не удивляетъ (я всегда видѣла его довольно ясно). Это человѣкъ прежде всего не только не культурный, но *неспособный* къ культурѣ внутренно. А кромѣ того — у него совершенно бабья душа. Онъ можетъ быть и добръ — и золъ. Онъ все можетъ и ни за что не отвѣчаетъ. Онъ какой-то безсознательный. Сейчасъ онъ приноситъ много вреда, играетъ роль крайне отрицательную, — но все это, въ концѣ концовъ, женская пассивность, — «путь Магдалининъ». Но Магдалина, которая никогда не раскается, ибо не пойметъ своихъ грѣховъ.

Не завидую я его котлетамъ. Наша затхлая каша и водянистый супъ, на которомъ мы сидимъ мѣсяцами (равно какъ и І. І.) — право, пища болѣе здоровая.

Старика І., знакомаго З. (я о немъ писала) не выпустили, но отправили въ Москву, на работы, въ лагерь. Обвиненій никакихъ. На работы нужно ходить за 35 верстъ.

*

Что-то все дѣлается, дѣлается, мы чуемъ, а что — не знаемъ.

Границы плотно заперты. Въ «Правдѣ» и въ «Извѣстіяхъ» — абсолютная чепуха. А это наши двѣ *единственныя* газеты, два полулистика грязной бумаги, — офиціозы. (Въ «коммунистическомъ государ-

странѣ пресса допускается, вѣдь, только *казенная*. Книгоиздательство тоже только одно, государственное, казенное. Впрочемъ, оно никакихъ книгъ и не издаетъ. Издаетъ пока лишь брошюры коммунистическія. Книги соотвѣтственныя еще не написаны, всѣ старыя «контръ-революціонны»; можно подождать, кстати и бумаги мало. Ленинки печатать и то не хватаетъ.)

Что пишется въ офиціозахъ — понять нельзя. Мы и не понимаемъ.

И никто. Думаю, сами большевики мало понимаютъ, мало знаютъ. Живутъ со дня на день. Зеленая армія ширится.

Дизентерія, дизентерія... И холера тоже. Въ Европѣ пять лѣтъ войны. *Наша* война кончится не можетъ, поэтому я уже и мира не понимаю.

*

Надо продавать все до нитки. Но не умѣю, плохо идетъ продажа.

*

Дмитрій С.*) сидитъ до истощенія, цѣлыми днями, корректируя глупые, малограмотные переводы глупыхъ романовъ для «Всемірной Литературы». Это такое учрежденіе, созданное покровительствомъ Горькаго и [illegible] его паразитовъ — Тихонова, для подкармливанія, будто бы, интеллигентовъ. Переводы эти не печатаются, да и незачѣмъ ихъ печатать. Платятъ 300 рублей съ громаднаго листа рукописи за счетъ переводчика, а за корректуру — 100 рублей.

Дмитрій сидитъ надъ этими корректурами день и [illegible]. Надъ какимъ-то французскимъ романомъ, переведеннымъ голодной барышней, [illegible]

*) Д. С. Мережковскій.

Интересно, на что въ Совдепіи пригодились писатели. Да и то, въ сущности, не пригодились. Это такъ, благотворительность, копѣечка, поданная Горькимъ Мережковскому.

На копѣечку эту (за 14 ночей я получила около тысячи ленинокъ, полдня жизни) — не раскутишься. Выгоднѣе продать старые штаны.

*

Ощущеніе *лжи* вокругъ — ощущеніе чисто-физическое. Я этого раньше не знала. Какъ будто съ дыханіемъ въ ротъ вливается какая-то холодная и липкая струя. Я чувствую не только ея липкость, но и особый запахъ, ни съ чѣмъ не сравнимый.

*

Сегодня опять всю ночь горѣло электричество — обыски. Вѣрно для принудительныхъ работъ.

*

Яркій день. Годовщина (пять лѣтъ!) войны. Съ тѣхъ поръ почти не живу. О, какъ я ненавидѣла ее всегда, этотъ европейскій позоръ, эту безсмысленную петлю, которую человѣчество накинуло на себя! Я ужъ не говорю о Россіи. Я не говорю и о побѣжденныхъ. Но съ перваго мгновенія я знала, что эта война грозитъ неисчислимыми бѣдствіями, *всей* Европѣ, и побѣдителямъ и побѣжденнымъ. Помню, какъ я упрямо до тупости возставала на войну, шла противъ если не всѣхъ — то многихъ, иногда противъ самыхъ близкихъ людей (не противъ Д. С.[1]), онъ былъ со мной). Общественно — мы звука не могли издать не военнаго, благодаря царской цензурѣ. На мой докладъ въ Религіозно-Философскомъ О-вѣ, самый осторожный, напа-

[1]) Мережковскій.

дали втеченіи двухъ засѣданій. Я до сихъ поръ утверждаю, что здравый смыслъ — хотя бы только здравый смыслъ, — былъ на моей сторонѣ. А послѣ мнѣ приходилось выслушивать такіе вопросы: «вотъ, вы всегда были противъ войны, значитъ вы за большевиковъ?» За большевиковъ! Какъ будто мы ихъ не знали, какъ будто мы не знали до великой революціи, что большевики — перманентная война, безысходная война? Большевицкая власть въ Россіи — порожденіе, дѣтище войны. И пока она будетъ — будетъ война. Гражданская? Какъ бы не такъ. Просто себѣ война, только двойная еще, и внѣшняя и внутренняя. И послѣдняя въ самой омерзительной формѣ, въ формѣ террора, т. е. убійства вооруженными — безоружныхъ и беззащитныхъ. Но довольно объ этомъ, довольно. Я слышу выстрѣлы. Оставляю перо, иду на открытый балконъ.

Посерединѣ улицы медленно собираются люди. Дѣти, женщины... даже [illegible] [illegible]. — И [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] — и [illegible]. [illegible]

[illegible]

[illegible]

ваться, какъ мы вымираемъ? Да вѣдь съ этой высоты все равно не видно.

Балконъ меня не удовлетворяетъ. Втихомолку, накинувъ платокъ, бѣгу съ Катей-горничной по черному ходу внизъ и подхожу къ жидкой кучкѣ посреди улицы.

Совсѣмъ ничего не вижу въ небѣ (бинокль дома остался) а люди гробово молчатъ. Я жду. Вотъ, слышу, желтая баба шепчетъ сосѣдкѣ: — И чего они — летаютъ-летаютъ... Союзники тоже... Хоть бы бумажку сбросили, когда придутъ, или что...

Тихо говорила баба, но ближній «инвалидъ» слышалъ. Онъ, впрочемъ, невиненъ.

— Чего бумажку, булку бы сбросили, вотъ это дѣло.

Баба вдругъ разъярилась:

— Булки захотѣлъ, толстомордый. Хоть бы бомбу шваркнули, и за то бы спасибо. Разорвало бы окаянныхъ, да и намъ ужъ одинъ конецъ, легче-бы.

Сказавъ это, — баба крупными шагами, бодрясь, пошла прочь. Но я знаю, — струсила. Хоть не видать никого «такого» около, а все-же... Съ улицы легче всего попасть на Гороховую, а тамъ въ спискахъ потеряешься, и каюкъ. Это и бабамъ хорошо извѣстно.

Пальба затихла, кучка стала расходиться. Вернулась и я домой.

Да, зачѣмъ эти праздные налеты?

Вчера то же было, говорятъ, въ Кронштадтѣ. То же самое.

Зачѣмъ это?

*

Дни — какъ день одинъ, громадный, только мигающій — ночью. Текучее неподвижное время. Лупорожій Д—въ съ нашего двора, праздный рыжій дѣтина изъ шофферовъ (не совсѣмъ праздный, широко спекулируетъ, кажется) — купилъ наше піанино за 7 т. деникъ, самоваръ новый за тысячу и за 7 т. мой парижскій мѣхъ — женѣ.

Приходятъ, кромѣ того, всякіе евреи и еврейки, типъ одинъ, обычный, — типъ нашего Гржебина: тотъ-же аферизмъ, нажива на чужой петлѣ. Гржебинъ даже любопытный индивидуумъ. Прирожденный паразитъ и мародеръ интеллигентской среды. Вѣчно онъ околачивался около всякихъ литературныхъ предпріятій, издательствъ, — въ нѣкоторыхъ даже присасывался — но въ общемъ удачи не имѣлъ. Иногда промахивался: въ книгоиздательствѣ «Шиповникъ» разъ получилъ гонораръ за художника Сомова, и когда это открылось, — слезно умолялъ не предавать дѣло огласкѣ. До войны бѣдствовалъ, случалось — занималъ по 3 рубля; во время войны уже нѣсколько оперился, завелъ свой журнальчикъ, самый патріотическій и военный — «Отечество».

Съ перваго момента революціи онъ, какъ клещъ, впился въ Горькаго. Не отставалъ отъ него ни на шагъ. [illegible]

[illegible]

мя, достаетъ ему по случаю разные «предметы искусства», — вѣдь Горькій жадно скупаетъ всякія вазы и эмали у презрѣнныхъ «буржуевъ», умирающихъ съ голоду. (У старика Е., интеллигентаго либерала, больного, самъ пріѣхалъ смотрѣть остатки китайскаго фарфора. И какъ торговался!) Квартира Горькаго имѣетъ видъ музея — или лавки старьевщика, пожалуй: вѣдь горька участь Горькаго тутъ, мало онъ понимаетъ въ «предметахъ искусства», не смотря на всю охоту смертную. Часами сидитъ, перетираетъ эмали, любуется пріобрѣтеннымъ... и вѣрно думаетъ, бѣдняжка, что это страшно «культурно».

Въ послѣднее время сталъ скупать и порнографическіе альбомы. Но и въ нихъ ничего не понимаетъ. Мнѣ говорилъ одинъ антикваръ — библіотекарь, съ невинной досадой: «заплатилъ Горькій за одинъ альбомъ такой 10 тысячъ, а онъ и пяти не стоитъ».

Кромѣ альбомовъ и эмалей, Зиновій Гржебинъ поставляетъ Горькому и царскія сторублевки. І. І. случайно натолкнулся на Гржебина въ передней Горькаго съ цѣлымъ узломъ такихъ сторублевокъ, завязанныхъ въ платокъ.

Но присосавшись къ Горькому, Зиновій дѣлаетъ попутно и свои главныя дѣла: какіе-то громадные, темные обороты съ финляндской бумагой, съ финляндской валютой, и даже съ какими-то «масленками»; Богъ ужъ ихъ знаетъ, что это за «масленки». Должно быть — вкусныя дѣла, ибо онъ живетъ въ нашемъ домѣ, въ громадной квартирѣ бывшаго домовладѣльца, покупаетъ сразу пудъ телятины (50 тысячъ), имѣетъ свою пролетку и лошадь (даже не знаю, сколько, — тысячъ 30 въ день?).

Къ писателямъ Гржебинъ теперь относится по

меценатски. То-есть держитъ себя меценатомъ. У него есть какъ бы свое (полулегальное, подъ крыломъ Горькаго) издательство. Онъ скупаетъ всѣхъ писателей съ именами, — скупаетъ «впрокъ», — вѣдь теперь нельзя издавать. На случай переворота — вся русская литература въ его рукахъ, по договорамъ, на многія лѣта, и какъ выгодно пріобрѣтенная! Буквально, *буквально* за нѣсколько кусковъ хлѣба.

Ни одинъ издатель при мнѣ и со мной такъ безстыдно не торговался, какъ Гржебинъ. А ужъ кажется, перевидали мы издателей на своемъ вѣку.

Стыдно сказать, *за сколько* онъ покупалъ меня и Мережковскаго. Стыдно не намъ, конечно. Люди съ петлей на шеѣ уже такихъ вещей не стыдятся.

Однако, что я — столько о Гржебинѣ! Это сегодня день такой, все разные коммиссіонеры. Мебельщикъ (еврей тоже) развязно предлагалъ Д. С—чу продать ему «всю его личную библіотеку и рукописи». У Злобиныхъ онъ уже купилъ гостиную — за 12 рублей (тысячъ). Армянка — бриллiантщица поздно вечеромъ принесла мнѣ 6 тысячъ за мою брошку (большой бриллiантъ) Шестьсотъ взяла себѣ. Показывала — въ сумочкѣ у нее великолѣпное бриллiантовое колье чье-то — 400 тысячъ. Получитъ за комиссію 40 т. сразу.

Это все крупные аферисты, гады, которыми кишитъ наша гнилая «соціалистическая» заводь. Мелочь же порой даже симпатична, — вродѣ чухонки, бывшей кухарки разстрѣляннаго министра Щегловитова. Эти все таки очень рискуютъ, когда тащутъ наши вещи на рынокъ. На рынкахъ облавы, разгоны, стрѣльба, избіенія.

Сегодня избивали на Мальцевскомъ. Убили 12-ти лѣтнюю дѣвочку. (Сами даже, говорятъ, смутились.)

Чѣмъ объяснить эти облавы? Развѣ любовью къ искусству, главнымъ образомъ. Черезъ часъ послѣ избіеній тѣ-же люди на тѣхъ-же мѣстахъ снова торгуютъ тѣмъ-же. Да и какъ иначе? Кто бы остался въ живыхъ, еслибъ не торговали они — вопреки избіеніямъ?

*

Надо понять, что мы не знаемъ даже того, что дѣлается *буквально* въ ста шагахъ отъ насъ (въ Таврическомъ Дворцѣ, напримѣръ). Тогда будетъ понятно, что мы не можемъ составить себѣ представленія о совершающемся въ нѣсколькихъ верстахъ, не говоря уже о югѣ или Европѣ.

Вотъ характерная иллюстрація.

На недавней конференціи «матросовъ и красноармейцевъ» нашъ петербургскій диктаторъ, Зиновьевъ — (Радомысльскій) пережилъ весьма непріятную, весьма щекотливую минуту. Казалось бы, собраніе надежное, профильтрованное (другихъ не собираютъ). Въ «Правдѣ», для освѣдомленія вѣрноподданныхъ, въ отчетѣ объ этой конференціи, было напечатано (цитирую дословно) что «т. Зиновьевъ объявилъ о прибытіи великаго писателя Горькаго, великаго противника войны, теперь великаго поборника совѣтской власти». И Горькій сказалъ рѣчь... «воюйте, а то придетъ Колчакъ и оторветъ вамъ голову. Евреевъ-же мало въ арміи, потому что ихъ вообще мало». Послѣ этого «былъ покрытъ длительными овваціями».

Мы, конечно, не поняли, почему это ни съ того ни съ сего у Горькаго выскочили «евреи въ арміи». Но мы привыкли къ отсутствію всякой логики и всякаго смысла въ официальной нашей прессѣ.

Оказывается, на дѣлѣ было вотъ что. Намъ по-

счастливилось узнать правду, помимо «Правды», отъ очевидцевъ, пристутствовавшихъ на собраніи (именъ, конечно, не назову). Надежное собраніе возмутилось. «Коммунисты» вдругъ точно взбѣсились: полѣзли на Зиновьева съ криками: «долой войну! долой коммунистовъ!» И даже — не страшно ли? — «долой жидовъ!» Кое гдѣ стали сжиматься кулаки. Зиновьевъ, окруженный, струсилъ. Хотѣлъ удрать заднимъ ходомъ, — и не могъ. Предусмотрительная личная секретарша Зиновьева, — Костина, — бросилась отыскивать Горькаго, вспомнивъ, что онъ прежде всего, «поборникъ евреевъ». Ѣздила на Зиновьевскомъ автомобилѣ по всему городу, даже въ нашъ домъ заглядывала, — а вдругъ Горькій, случаемъ, у І. І.? Гдѣ-то отыскала наконецъ, привезла — спасать Зиновьева, спасать большевиковъ.

Горькій говоритъ мало, глухо, отрывисто, — будто лаетъ. Горькій дѣйствительно, по словамъ присутствовавшихъ, пролаялъ что-то о евреяхъ, о томъ, что если евреевъ-солдатъ меньше, то вѣдь, евреевъ въ Россіи вообще численно меньше, чѣмъ русскихъ. Насчетъ Колчака, «отрыва головы» и совѣта воевать — очевидцы не говорили, можетъ быть не дослышали.

Краснорѣчіе Горькаго врядъ-ли могло имѣть рѣшающее вліяніе, но «вѣрная и преданная» часть сборища постаралась использовать выходъ «великаго писателя, поборника» и т. д. какъ диверсію отвлекающую. Послѣ нея «конференцію» быстро закончили и закрыли.

Вскорѣ послѣ напечатаннаго отчета І. І. былъ у Горькаго (все изъ-за брата). Въ упоръ спросилъ его, правда-ли, что Горькій большевиковъ спасалъ? Правда-ли, что требовалъ продолженія войны? Неужели, какъ выразился І. І., — «Горькій и этимъ теперь *опаскуженъ*?»

На это Горькій пролаялъ мрачно, что ни слова не говорилъ о войнѣ, а только о евреяхъ. Будто-бы въ Москву даже ѣздилъ, чтобъ «протестовать» противъ напечатаннаго о немъ, да вотъ «ничего сдѣлать не можетъ».

Какой, подумаешь, несчастный, обиженный.

Говоритъ еще, что въ Москвѣ — «воръ на ворѣ, негодяй на негодяѣ...» (а здѣсь? Кого онъ спасалъ?)

Еслибъ можно было еще кѣмъ нибудь возмущаться, то Горькимъ первымъ. Но возмущеніе и ненависть — перегорѣли. Да *люди* и стали выше ненависти. Сожалительное презрѣніе, иногда брезгливость. Больше ничего

*

Оплакавъ Венгрію, большевики заскучали. Троцкій-Бронштейнъ, главнокомандующій арміей «всея Россіи» требуетъ, однако, чтобы къ зимѣ эта армія уничтожила всѣхъ «бѣлыхъ», которые еще занимаютъ часть Россіи. «Тогда мы поговоримъ съ Европой».

Работы много — вѣдь ужъ августъ, даже по старому стилю.

Коситъ дизентерія.

Т. лежитъ третью недѣлю. Страшная, желтая, худая. Лекарствъ нѣтъ.

*

Соли нѣтъ.

*

Почти насильно записываютъ въ партію коммунистовъ. Открыто устрашаютъ: «... а если кто...» Дураки боятся.

Петерса убрали въ Кіевъ. Положеніе Кіева острое.

рошо устроилось, несмотря на недостатокъ мяса: ...дце и печень человѣческихъ труповъ пропускаютъ ...резъ мясорубку, — и выдѣлываютъ пептоны, питательную среду, бульонъ... для культуры бациллъ, ...примѣръ.

Докторъ этотъ крайне изумился, когда І. І. внезапно завопилъ, что не переноситъ такого «глума» надъ человѣческимъ тѣломъ и убѣжалъ, схвативъ фуражку.

Надо помнить, что сейчасъ въ СПБ-гѣ при абсолютномъ отсутствіи однѣхъ вещей и скудости другихъ, есть нѣчто въ изобиліи: трупы. Оставимъ разстрѣленныхъ. Но и смертность въ городѣ, по скромной большевицкой статистикѣ, (петитомъ) — 65%, при 12% рожденій. Т. е. умираетъ *половина* населенія. (Не забудемъ, что это *большевицкая*, официальная статистика.)

*

І. І. заболѣлъ. И сестра его, — дизентеріей. «Перспективъ» — для насъ — никакихъ, кромѣ зимы безъ свѣта и огня. Кіевъ, какъ будто, еще разъ взяли, кто — неизвѣстно. Не то Деникинъ, не то поляки, не то «банды». Можетъ-быть и всѣ они вмѣстѣ.

Очень все неинтересно. Ни страха, ни надежды. Одна тяжелая, свинцовая, скука.

*

Петерсъ, уѣзжая въ Кіевъ (мы знаемъ, что Кіевъ взяли по тому, что Петерсъ ужъ въ Москвѣ: удралъ значитъ) рѣшилъ возвратить намъ телефоны. Причинъ возвращать ихъ такъ-же мало, какъ мало было отнимать. Но и за то спасибо.

Всѣ теперь, всѣ безъ исключенія, — носители слуховъ. Носятъ ихъ соотвѣтственно своей психологіи: оптимисты — оптимистическіе, пессимисты — пессимистическіе. Такъ что каждый день есть всякіе слухи, и обыкновенно другъ друга уничтожающіе. Фактовъ же нѣтъ почти никакихъ. Газета — нашъ обрывокъ газеты — если факты имѣетъ, то не сообщаетъ, тоже несетъ слухи, лишь опредѣленно подтасованные. Изрѣдка прорвется кусокъ такихъ, вродѣ связи угрожающей Антанты, идущей на насъ съ еще окровавленной отъ Венгріи мордой... или вродѣ внезапно возникшаго Тамбово-Козловскаго (?) фронта.

Несомнѣнный фактъ, что сегодня ночью (съ 17 на 18 августа) гдѣ-то стрѣляли изъ тяжелыхъ орудій. Но Кронштадтъ ли стрѣлялъ, въ него ли стрѣляли — мы не знаемъ (слухи).

Должно быть особенно серьезнаго ничего не происходитъ, — не слышно усиленнаго ерзанья большевицкихъ автомобилей. Это у насъ одинъ изъ важныхъ признаковъ: какъ начинается тарахтѣнье автомобилей, — завозились большевики, забезпокоились, — ну, значитъ, что-то есть новенькое, пахнетъ надеждой. Впрочемъ мы привыкли, что они изъ-за всякаго пустяка впадаютъ въ панику и начинаютъ возиться, дребезжа своими расхлябанными, вонючими автомобилями. Всѣ автомобили расхлябанные, полуразрушенные. У одного, кажется, Зиновьева — хорошій. Любопытно видѣть, какъ «слѣдуетъ» по стогнамъ града «начальникъ Сѣверной Коммуны». Человѣкъ онъ жирный, бѣлотѣлый, курчавый. На фотографіяхъ, въ газетѣ, выходитъ необыкновенно похожимъ на пышную, старую тетку. Зимой и лѣтомъ онъ безъ шапки... Когда ѣдетъ въ своемъ автомобилѣ, — открытомъ, —

то возвышается на колѣняхъ у двухъ красноармейцевъ. Это его личная охрана. Онъ безъ нея — никуда, онъ трусъ первой руки. Впрочемъ, они всѣ трусы. Троцкій держится за семью замками, а когда идетъ, то охранники его буквально тѣснятъ въ кольцѣ, давятъ кольцомъ.

*

Фунтъ чаю стоитъ 1200 р. Мы его давно уже не пьемъ. Сушимъ ломтики морковки, или свеклы, — что̀ есть. И завариваемъ. Ничего. Хорошо бы листьевъ, да какія-то грязныя деревья въ Таврическомъ саду, и Богъ ихъ знаетъ, можетъ неподходящія.

*

Въ гречневой крупѣ (достаемъ иногда, 300 р. фунтъ), въ кашѣ размазнѣ — гвозди. Небольшіе, но ихъ очень много. При варкѣ няня вчера вынула 12. Изо рта мы ихъ продолжаемъ вынимать. Я только сейчасъ, вечеромъ, въ трехъ ложкахъ нашла 2, тоже изо рта ужъ вынула. Вѣрно для тяжести прибавляютъ.

Но для чего въ хлѣбъ прибавляютъ толченое стекло — не могу угадать. Такой хлѣбъ прислали Злобинымъ изъ Москвы, — ихъ знакомые, съ оказіей.

*

Читаю разсказъ Лѣскова «Юдоль». Это о голодѣ въ 1840-мъ году, въ средней Россіи. Наше положеніе очень напоминаетъ положеніе крѣпостныхъ въ имѣніи Орловской губерніи. Такъ-же должны были они умирать на мѣстѣ, лишенные правъ, лишенные и права отлучки. Разница: ихъ «Юдоль» длилась всего 10 мѣсяцевъ. И еще: дворовымъ крѣпостнымъ выдавали помѣщики на день не $^1/_8$ хлѣба, а цѣлыхъ 3 фунта. Три фунта хлѣба! Даже какъ-то не вѣрится.

Сыпной тифъ, дизентерія — продолжаются. Холодные дни, дожди. Сегодня было холодное солнце.

*

Всѣ эти Деникинскіе Саратовы, Тамбовы и Воронежи, о которыхъ намъ говорятъ то слухи, то, заглушенно намекая, большевицкія газеты, оставляютъ нашу эпидерму безчувственной. Намъ нужны «ощущенія», а не «представленія».

Но и помимо этого, — когда я пытаюсь разсуждать — я тоже не дѣлаю радужныхъ выводовъ. Не вижу я ни успѣха «бѣлыхъ генераловъ», если они одни, ни цѣлесообразности движенія съ юга.

Вдругъ — насчетъ мнѣнія моего въ «бѣлыхъ генералахъ» не говорю, это слишкомъ далеко всѣхъ. Большевики твердо и ясно знаютъ, что безъ Петербурга центральная власть хотя она и въ Москвѣ не будетъ удержана. Большевики недаромъ всей силой, почти открыто, держатся за Петербургъ. Они такъ и говорятъ, даже въ Москвѣ: «пока есть у насъ нашъ красный Петроградъ — мы есть и мы непобѣдимы».

Да, по реальнымъ обстоятельствамъ такъ. Петербургъ — большевицкій талисманъ. И большевицкая голова.

Кромѣ того, «бѣлые генералы» наши... Воронежъ — [illegible] [illegible]. Если и думаютъ многіе, какъ я [illegible] [illegible] [illegible], то же таки теперь [illegible].

*

Продала старыя портьеры. И платья. И [illegible]-ный [illegible]. 2 тысячи. Полтора дня жизни.

*

Большевики и сами знаютъ, что будутъ свалены, такъ или иначе, — но когда? Въ этомъ весь вопросъ. Для Россіи, — и для Европы, — это вопросъ громадной важности. Я подчеркиваю, для Европы. Быть можетъ, для Европы вопросъ времени паденія большевиковъ даже важнѣе, чѣмъ для Россіи. Какъ это ясно.

Принудительная война, которую ведетъ наша кучка захватчиковъ, еще тѣмъ противнѣе обыкновенной, что представляетъ изъ себя «дурную безконечность», и развращаетъ данное поколѣніе въ корнѣ, — создаетъ изъ мужика «вѣчнаго» армейца, празднаго авантюриста. Кто не воюетъ, или пока не воюетъ — торгуетъ (и воруетъ, конечно). Не работаетъ никто. Воистину «Торгово-продажная» республика, — защищаемая одурѣлыми солдатами — рабами.

Если большевики падутъ лишь «въ концѣ концовъ» — то, пожалуй, подъ свалившимися окажется «пустое мѣсто». Поздравимъ тогда Европу. Впрочемъ, будетъ ли тогда кого поздравлять, — «въ концѣ то концовъ?»

*

Матросье кронштадтское ворчитъ, стонетъ, — надоѣло. «Давно-бы мы сдались, да некому. Никто нейдетъ, никто не беретъ.»

*

Что бы ни было далѣе — мы не забудемъ этого «союзникамъ». Англичанамъ, — ибо французы безъ нихъ врядъ-ли что могутъ.

Да что — мы? Имъ не забудетъ этого и жизнь сама.

*

Вчера видѣла на улицѣ, какъ маленькая, 4-хъ лѣтняя дѣвочка колотила ручонками упавшую съ разрушеннаго дома старую вывѣску. Вмѣсто дома среди досокъ, балокъ и кирпича — возвышалась только изразцовая печка. А на валявшейся вывѣскѣ были превкусно нарисованы яблоки, варенье, сахаръ и — булки. Цѣлая гора булокъ.

Я наклонялась надъ дѣвочкой.

— За что же ты бьешь такія славныя вещи?

— Въ руки не дается! Въ руки не дается! съ плачемъ повторяла дѣвочка, продолжая колотить и топтать босыми ножками заколдованное варенье.

*

Чрезвычайку обновили. Старыхъ разстрѣляли, кое — кого. Но воры и шантажисты — всѣ.

*

Отмѣчаю, (конецъ августа по нов. стилю) что, несмотря на отсутствіе *фактовъ*, и даже касающихся сѣвера *слуховъ*, — общее настроеніе въ городѣ повышенное, атмосфера просвѣтленная. Верхи и низы одинаково, хотя безотчетно, вдругъ стали утверждаться на ощущеніи, что скоро, къ октябрю-ноябрю, все будетъ кончено.

Можетъ быть, отчасти дѣйствуютъ и слишкомъ настойчивыя большевицкія увѣренія, что «*напрасны* новыя угрозы», «*тщетны* рѣшенія англичанъ кончить съ Петербургомъ теперь-же», «*напрасны* надежды Юденича на новое соглашеніе съ Эстляндіей» и. т. д.

Агонизирующій Петербургъ, читая эти выкрики радуется; ага, значитъ есть «новыя угрозы». Есть «рѣшенія англичанъ». Есть рѣчь о «соглашеніи Юденича съ Эстляндіей».

Я прямо чувствую наростаніе безпочвенныхъ, казалось бы, надеждъ.

Рядомъ большевики пишутъ о своемъ наступленіи на Псковъ. Возможно, отберутъ его; но и это врядъ-ли измѣнитъ настроеніе дня.

Наша Кассандра, — Д. С. — пребываетъ въ тѣхъ-же мрачныхъ тонахъ. Я... не говорю ничего. Но констатировать общее состояніе атмосферы считаю долгомъ.

Живемъ буквально на то, что продаемъ, изо-дня въ день. Все дорожаетъ въ гомерической прогрессіи, ибо рынки громятъ систематически. И, кажется, уже не столько принудительно, сколько утилитарно: нечѣмъ красноармейцевъ кормить. Обывательское продовольствіе жадно забирается.

N.[1]) съ женой поѣхалъ недавно въ К., на Волгу, гдѣ у него была своя дачка. Скоро вернулся. Заполняющіе домикъ «коммунары» удѣлили хозяевамъ двѣ коморки наверху. Незавидное было житье.

N. говоритъ, что на Волгѣ — непрерывныя крестьянскія возстанія. Карательные отряды поджигаютъ деревни, разстрѣливаютъ крестьянъ по 600 человѣкъ заразъ.

*

Южные «слухи» упорны относительно Кіева: онъ, будто-бы, взятъ Петлюрой — въ соединеніи съ поляками и Деникинымъ.

(Вотъ что я замѣтила относительно природы «слуха» вообще. Во всякомъ слухѣ есть смѣшеніе даннаго съ должнымъ. Бываютъ слухи очень невѣрные, — съ громаднымъ преобладаніемъ должнаго надъ дан-

[1]) Замѣчательный и очень извѣстный писатель.

нымъ; — не вѣрны они, значитъ, фактически, и тѣмъ не менѣе очень поучительны. Для умѣющаго учиться, конечно. Вотъ и теперь, Кіевъ. Можетъ быть, его должно-бы взять соединеніе Петлюры, поляковъ и Деникина. А какъ даннаго — такого соединенія и не существуетъ, можетъ быть, если Кіевъ и взять.)

Большевики признались, что Кіевъ окруженъ съ 3-хъ сторонъ. Только сегодня, (26-го августа) признались, что «противникъ (какой? кто?) занялъ Одессу». (Одесса взята около мѣсяца тому назадъ.)

Ахъ, да что эти южныя «взятія». И мы, — Россія, и большевики, — наши завоеватели, въ этомъ пунктѣ единомысленны: занятіе южныхъ городовъ «бѣлыми» нисколько не колеблетъ центральную власть и само по себѣ не твердо, не окончательно. Не удивлюсь, если тотъ-же Кіевъ сто разъ еще будетъ взятъ обратно.

*

Хамье отъѣвшееся, глубоко а-политичное и безпринципное (съ однимъ непотрясаемымъ принципомъ — частной собственности) спѣшитъ «до переворота» реализовать нахваченные пуды грязной бумаги «ленинокъ», — скупая все, что можетъ. У насъ. Въ каждомъ случаѣ учитывая, конечно, степень нужды, прижимая наиболѣе голодныхъ. Помѣщаютъ свои ленинки, какъ въ банкъ, въ бриллианты, мѣха, мебель, книги, фарфоръ, — во что угодно. Это очень разсудительно.

Лупорожаго А-ва съ нашего двора, ражаго дѣтину изъ шоферовъ, который для жены купилъ мой парижскій мѣхъ, — сцапали. Спекульнулъ со спиртомъ на $2^1/_2$ милліона. Ловко.

А чѣмъ лучше Гржебинъ? Только, вотъ, не попался, и ему покровительствуетъ Горькій. Но жена

Горькаго, (вторая, — настоящая его жена гдѣ-то въ Москвѣ), бывшая актриса, теперь комиссарша всѣхъ россійскихъ театровъ, уже сколотила себѣ деньжатъ... это ни для кого не тайна. Очень любопытный типъ эта дама — коммунистка. Каботинка до мозга костей, истеричка, довольно красивая, хотя sur le retour, — она занималась прежде чѣмъ угодно, только не политикой. При началѣ власти большевиковъ самъ Горькій держался какъ-то невыяснено, не опредѣленно.

Помню, какъ въ ноябрѣ 17 года я сама лично кричала Горькому (въ послѣдній разъ, кажется, видѣла его тогда): «... а ваша-то собственная совѣсть что вамъ говоритъ? Ваша внутренняя человѣческая совѣсть?» а онъ, на просьбы хлопотать передъ большевиками о сидящихъ въ крѣпости министрахъ, только лаялъ глухо: «я съ этими мерзавцами... и говорить... не могу».

Пока для Горькаго большевики, при случаѣ, были «мерзавцами» — выжидала и Марія Федоровна. Но это длилось недолго. И теперь — о, теперь она «коммунистка» душой и тѣломъ. Въ роль комиссарши, — министра всѣхъ театрально-художественныхъ дѣлъ, — она «вошла», какъ прежде входила въ роль на сценѣ, въ другихъ пьесахъ. Иногда художественная мѣра измѣняетъ ей, и она сбивается на роль уже не министерши, а какъ будто императрицы (ей Богу, настоящая «Марія Феодоровна» восклицалъ кто-то въ эстетическомъ восхищеніи). У нея два автомобиля, она ежедневно пріѣзжаетъ въ свое министерство, въ захваченный особнякъ на Литейномъ, — «къ пріему».

Пріема ждутъ часами и артисты, и писатели, и художники. Она не торопится. Одинъ разъ, когда художникъ съ большимъ именемъ, Д-скій, послѣ долгаго

ожиданія удостоился, наконецъ, впуска въ министерскій кабинетъ, онъ засталъ комиссаршу очень занятой ... съ сапожникомъ. Она никакъ не могла растолковать этому противному сапожнику, какой ей хочется каблучекъ. И съ чисто-королевской, милой очаровательностью вскрикнула, увидѣвъ Д-скаго: — «Ахъ, вотъ и художникъ. Ну, нарисуйте же мнѣ каблучекъ къ моимъ ботинкамъ!»

Не знаю ужъ, воспользовался-ли Д-скій «случаемъ» и попалъ, или нѣтъ «въ милость». Человѣкъ «придворной складки» конечно воспользовался бы.

Теперь, вотъ въ эти дни, у всѣхъ почему-то на устахъ одно слово: «переворотъ». У людей «того» лагеря, не нашего — тоже. И спѣшатъ что-то «успѣть до переворота». Спекулянты — реализовать ленинки, причастные къ «властямъ» — какъ то «заручиться» (это ходячій терминъ).

Спѣшитъ и Марія Феодоровна А-ва. На дняхъ А-скій, зайдя по дѣлу къ Горькому, засталъ у М. Ф. совсѣмъ неожиданный «салонъ»: человѣкъ 15 самой бѣлогвардейской породы, — П, К, и т. д. Говорятъ о переворотѣ и комиссарша уже играетъ на этой сценѣ совсѣмъ другую роль: роль «урожденной Желябужской». Вотъ и «заручилась» на случай переворота. Какъ не защитятъ ея гости — «своего поля ягоду», урожденную Желябужскую?

Недаромъ, однако, были слухи, что прямолинейный Петерсъ, нашъ «безпощадный», въ ражѣ коммунистической «чистки», мѣтилъ арестовать всю компанію: и комиссаршу, и Горькаго, и Гржебина, и Тихонова... Да широко махнулъ. Въ Кіевъ услали.

Кіевъ, если не взятъ, то, кажется, будетъ взятъ. Понять, вообще, ничего нельзя. Псковъ большевики

тогда-же взяли, — торжествовали довольно. Однако Зиновьевъ опять объявляетъ — мы, молъ, наканунѣ циническаго выступленія англичанъ...

Вы такъ боитесь, товарищъ Зиновьевъ? Не слишкомъ ли большіе глаза у вашего страха? У моей надежды они гораздо меньше.

*

Атмосфера увѣренности въ переворотѣ, которую я недавно отмѣтила, ея температура (говорю о чисто кожномъ ощущеніи) за послѣдніе дни, и какъ будто тоже безъ всякихъ причинъ — сильно понизилась. Какая это странная вещь!

Разбираясь, откуда она могла взяться, я вотъ какое предполагаю объясненіе: вѣроятно былъ, опять ставился, вопросъ о вмѣшательствѣ. Реально такъ или иначе снова поднимался. И это передалось черезъ воздухъ. Только это могло родить такую всеобщую надежду, ибо: всѣ мы здѣсь, сверху до низу, до послѣдняго мальчишки, знаемъ (и большевики тоже), что сейчасъ одно лишь такъ называемое «вмѣшательство» можетъ быть толчкомъ, измѣняющимъ наше положеніе.

Вмѣшательство. «Вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи». Мы хохочемъ до слезъ, — истерическихъ, трагическихъ, правда, — когда читаемъ эту фразу въ большевицкихъ газетахъ. И большевики хохочутъ — надъ Европой — когда пишутъ эти слова. Знаютъ, какихъ она словъ боится. Они и не скрываютъ, что разсчитываютъ на старость, глухоту, слѣпоту Европы, на страхъ ея передъ традиціонными словами.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ «вмѣшательствомъ» въ какія «внутреннія дѣла» какой «Россіи», была бы стрѣльба нѣсколькихъ англійскихъ крейсеровъ по

Кронштадту? Матросы, скучающіе, что «никто ихъ не беретъ», сдались бы мгновенно, а петербургскіе большевики убѣжали бы еще раньше. (У нихъ автомобили всегда на готовѣ.) Но конечно все это лишь въ томъ случаѣ, если бы несомнѣнно было, что стрѣляютъ «англичане», «союзники». (Такъ знаютъ всѣ, что самый легкій толчекъ «оттуда» — дѣло рѣшающее.)

О, эта пресловутая «интервенція!» Хоть бы раньше, чѣмъ произносить это слово, европейцы полюбопытствовали взглянуть, что происходитъ съ Россіей. А происходитъ, приблизительно, то, что было послѣ битвы при Калкѣ: татаре положили на русскихъ доски, сѣли на доски — и пируютъ. Не ясно ли, что свободнымъ, не связаннымъ еще, — надо (и легко) столкнуть татаръ съ досокъ? И отнюдь, отнюдь не изъ «состраданія» — а въ собственныхъ интересахъ, самыхъ насущныхъ. Ибо эти новые татаре такого сорта, что чѣмъ дольше они пируютъ, тѣмъ грознѣе опасность для сосѣдей попасть подъ тѣ-же доски.

Но видно и сосѣдей нашихъ, и Антанту, Богъ наказалъ — разумъ отнялъ. Даже просто здравый смыслъ. До сихъ поръ они называютъ этотъ необходимый, и такой нетрудный, внѣшній толчекъ, жестъ самосохраненія, — «вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Россіи».

Когда разсѣется это марево? Не слишкомъ-ли поздно?

*

Вотъ мое соображеніе, сегодняшнее (2-го августа), нѣкій мой прогнозъ: если втеченіи ближайшихъ недѣль не произойдетъ рѣзко-положительныхъ фактовъ, указующихъ на вмѣшательство — дѣло можно считать конченнымъ. Т. е. это будетъ уже фактъ

невмѣшательства. Какъ выльется большевицкая зима? Трудно вообразить себѣ наше внутреннее положеніе — оставимъ эту сторону. Съ внѣшней-же думаю: къ январю или раньше возможно соглашеніе большевиковъ съ сосѣдями («торговыя сношенія»). Съ Финляндіей, со Швеціей и, можетъ быть (да, да!) съ самой Антантой (снятіе блокады). Я ничего не знаю, но вѣроятія большія...

Учесть послѣдствія этого невозможно, однако въ общихъ чертахъ они для насъ, отсюда, очень ясны. Первый результатъ — усиленіе и укрѣпленіе красной арміи. Вѣдь все, что получатъ большевики изъ Европы (причемъ глупой Европѣ они ничего не дадутъ — у нихъ нѣтъ ничего), — все это пойдетъ комиссарамъ и красной арміи. Ни одна кроха не достанется населенію (да на что большевикамъ — населеніе?) Пожалуй, красноармейцы будутъ спекулировать на излишкахъ, — только.

Слабое мѣсто большевиковъ — возможность голодныхъ бунтовъ въ арміи. Это будетъ устранено...

Пусть совершается несчастіе: мнѣ не жаль Англіи; чтожъ, если она сама будетъ вооружать и кормить противника?

Европа получитъ по дѣламъ своимъ.

*

Ленинъ живетъ въ Кремлѣ, въ «Кавалерскомъ Домѣ» (бывшемъ прислужьемъ) въ двухъ комнатахъ; рядомъ, въ такихъ-же, — Бончъ[1]). Между ними проломили дверь, т. е. просто дыру, какая еще тамъ дверь. И кто удостаивается дѣловой аудіэнціи у Бонча — ви-

[1]) Бончъ-Бруевичъ, старый партійный большевикъ, другъ Ленина. Занимался когда-то изслѣдованіемъ сектанства.

дитъ и Ленина. Только что разсказывалъ такой удостоившійся послѣ долгихъ церемоній: сидитъ Ленинъ съ компрессомъ на горлѣ, кислый; оттого ли что горло болитъ, или отъ дѣлъ непріятныхъ — неизвѣстно.

Главный Совденъ московскій — въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, но пріемная въ швейцарской. Тамъ стоитъ, на голомъ столѣ, бутылка, въ бутылкѣ свѣчка.

Въ Москвѣ зимой не будетъ «ни одного полѣна, даже для Ленина», увѣрялъ насъ одинъ здѣшній «приспособившійся» еврей (не большевикъ) завѣдующій у нихъ топливомъ.

Кстати, онъ же разсказалъ, что, живя въ близи Петропавловской крѣпости, слышитъ по ночамъ безконечные разстрѣлы. — «Мнѣ кажется иногда, что я схожу съума. И думаю: нѣтъ, ужъ лучше ужасный конецъ, чѣмъ безконечный ужасъ».

Одинаково разстрѣливаютъ и женщинъ.

*

Электричество — 4 часа въ сутки, отъ 8—12 (т. е. 5—9 час. вечера). Ночи темныя-темныя.

Вчера (14 ст. ст.) была нѣжная осенняя погода. Въ саду пахло землей и тихой прудовой водой. Сегодня — дождь.

*

Ожидаются новые обыски. Вещевые, для арміи. Обѣщаютъ брать все, до занавѣсей и мебельной обивки включительно.

*

Сегодня (30 авг. нов. стиля) — теплый, влажный день. Съ утра часовъ до 2—3 — далекая канонада. Опять, вѣрно, вялыя англійскія шалости. Vu et connu!

Въ московской газетѣ довольно паническая статья «Теперь или никогда». Опять объ «окровавленной мордѣ» Антанты, собирающейся будто-бы, лѣзть на Петербургъ. Новыхъ фактовъ — никакихъ. Букетъ старыхъ.

Здѣшняя наша «Правда» — прорвалась правдой (это случается). Дѣлаю вырѣзку съ помѣткой числа и года (30 августа 19 г. СПБ.) и кладу въ дневникъ. Пусть лежитъ на память.

Вотъ эта вырѣзка дословно, съ орѳографіей.

Рабочая масса к большевизму относится несочувственно и когда приезжает оратор или созывается общее собрание, т. т. рабочие прячутся поуглам и всячески отлынивают. Такое отношение очень прискорбно. Пора одуматься.

ЧЕРЕХОВИЧ.

ОТДЕЛ НЕДВИЖИМЫХ ИМУЩЕСТВ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОГО РАЙОНА.

Настроение «пахнетъ белогвардейским духом». Из 150 служащих всего только 7 человек в коллективе (2 Коммуниста, 3 Кандидата и 2 сочувствующих) Все старания привлекать публику в нашу партию безрезультатны.

14-я Государств. типография ПЕТРОГРАД.

Весьма характерный «прорывъ». Достанется за него завтра кому слѣдуетъ. Бѣдный «Череховичъ» неизвѣстный. Угораздило его на такія откровенности пуститься.

Положимъ, это всѣ знаютъ, но писать объ этомъ въ большевицкой газетѣ — не порядокъ. Вѣдь это-же правда, — а не «Правда».

*

Опять гдѣ-то стрѣляютъ, цѣлыми днями. Должно быть сами-же большевики куда нибудь палятъ зря, съ испугу. Въ газетѣ статья «*Совершимъ Чудо!*» т. е. «дадимъ отпоръ Антантѣ».

Прибылъ «самъ» Троцкій-Броншейнъ. Много бытовыхъ подробностей о грабежахъ, грязи и воровствѣ — но нѣтъ силъ записывать.

Въ общемъ, несмотря на періодическую глухую орудійную стрѣльбу, — все то же, и видъ города все тотъ же: по улицамъ, заросшимъ травой, въ ямахъ, идутъ испитые люди съ котомками и саквояжами, а иногда, клубясь вонючимъ синимъ дымомъ, протарахтитъ большевицкій автомобиль.

*

Нѣтъ, видно ясны большевицкія небеса. Марія Федоровна (каботника, «жена» Горькаго) — не только перестала «заручаться», но даже внезапно сдѣлалась уже не однимъ министромъ «всѣхъ театровъ», но также и министромъ «торговли и промышленности». Объявила сегодня объ этомъ запросто, І. І.-чу Положимъ, не хлопотно: «промышленности» никакой нѣтъ, а торгуютъ всѣ, чѣмъ ни попадя, и министру надо лишь этихъ всѣхъ «разгонять» (или хоть «дѣлать видъ»).

*

Будто-бы арестовали ввидѣ заложниковъ Станиславскаго и Немировича[1]). Маловѣроятно, хотя Лилина (жена Станиславскаго) и Качаловъ — играютъ въ Харьковѣ и, говорятъ, очень радостно встрѣтили Деникина. Были слухи, что Станиславскій бываетъ въ

[1]) Директоръ извѣстнаго Художественнаго Театра въ Москвѣ.

Кремлѣ, какъ придворный увеселитель новаго самодержца — Ленина, однако и этому я не очень вѣрю. Мы такъ мало знаемъ о Москвѣ.

*

Изъ Москвы пріѣхалъ нашъ «единственный» — Х. Очень забавно разсказывалъ обо всемъ. (Станиславскаго выпустили.) Но вотъ прелесть — это нашъ интернаціональный хлыщъ — Луначарскій. Живетъ онъ въ сіяніи славы и роскоши, эдакимъ неразвѣнчаннымъ Хлестаковымъ. Занимаетъ, благодаря физическому устраненію конкурентовъ, мѣсто единственнаго и перваго «писателя земли русской». Недаромъ «Фауста» написалъ. Гете написалъ нѣмецкаго, стараго, а Лу. начарскій — русскаго, новаго, и ужъ, конечно, лучшаго, ибо «рабочаго».

Офиціальное положеніе Луначарскаго дозволяетъ ему циркулярами призывать къ себѣ уцѣлѣвшихъ критиковъ, которымъ онъ жадно и долго читаетъ свои поэмы. Притомъ безбоязненно: знаетъ, что они бѣдняги, словечка противъ не скажутъ — только и могутъ, что хвалить. Не очень-то накритикуешь, явившись на литературное чтеніе по приказу начальства. Будь газеты, Луначарскій, вѣрно, заказывалъ бы и статьи о себѣ.

До этого не доходили и писатели самые высокопоставленные, вродѣ великаго князя К. Р. (Константина Романова), уважая все-таки законъ внутренній — литературной свободы. Но для Луначарскаго нѣтъ и этихъ законовъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: онъ усталъ быть «в н ѣ» литературы. Большевицкіе штыки позволяютъ ему если не *быть*, то *казаться* въ самомъ сердцѣ русской литературы. И онъ упуститъ такой случай?

Устроилъ себѣ, въ званіи литературнаго (всероссійскаго) комиссара, и «Дворецъ Искусствъ». Новую свою «ципочку», красивую Р., поставилъ... комиссаромъ надъ всѣми цирками. Придумалъ это потому, что она вообще малограмотна, а любитъ только лошадей. (Старыя жены министровъ большевицкихъ чаще всего — отставлены. Даны имъ, разлчныя мѣста, чтобъ заняты были, а министры берутъ себѣ «ципочекъ», которымъ уже даютъ мѣста поближе и поважнѣе.)

У Луначарскаго, въ бытность его въ Петербургѣ, уже была мѣстная «ципочка», какая-то актриска изъ кафе-шантана. И вдругъ (разсказываетъ Х.) — является, теперь, въ Москву — съ ребеночкомъ. Но министръ искусствъ не потерялся, тотчасъ откупился, ассигновавъ ей изъ народныхъ суммъ полтора милліона, (по царски, знай нашихъ!) — «на дѣтскій театръ».

*

Сегодня, 2 сентября нов. ст. во вторникъ, записываю *прогнозъ* Дмитрія[1]), его «пророчества» притомъ съ его согласія, — такъ онъ въ нихъ увѣренъ.

Никакого наступленія ни со стороны англичанъ, ни съ другихъ сторонъ, Финляндіи, Эстляндіи и т. п. — *не будетъ*,

ни въ ближайшіе, ни въ дальнѣйшіе дни. Гдѣ нибудь, кто нибудь, возможно, еще пострѣляетъ — но и только.

Опредѣленнаго примиренія съ большевиками у Европы тоже *не будетъ*. Все останется приблизительно въ такомъ-же положеніи, какъ сейчасъ. Выдержитъ ли Европа строгую блокаду — неизвѣстно; будетъ, однако, еще пытаться.

---

[1]) Д. С. Мережьовскаго.

Деникинъ обязательно провалится.

Затѣмъ Дмитрій дальше пророчествуетъ, уже о будущемъ годѣ, послѣ этой зимы, впродолженіи которой большевики сильно укрѣпятся... но я пока этого не записываю, лучше потомъ.

Дмитрій почему-то объявилъ, что «вотъ этотъ вторникъ былъ рѣшающимъ». (Ужъ не Троцкій ли загипнотизировалъ его своими «красными башкирами?»)

Эти «пророчества» — въ сущности то, что мы всѣ знаемъ, но не хотимъ знать, не должны и не можемъ говорить *даже себѣ*... если не хотимъ сейчасъ-же умереть. Физически нельзя продолжать эту жизнь безъ постоянной надежды. Въ насъ говоритъ праведный инстинктъ жизни, когда мы стараемся не терять надежду.

На Деникина, впрочемъ, никто почти не надѣется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успѣхи, на всѣ эти Харьковы, Орлы, на Мамонтова и т. д. *Слишкомъ* мы здѣсь зрячи, слишкомъ все знаемъ *изнутри*, чтобы не видѣть, что ни къ чему, кромѣ ухудшенія нашего положенія, не поведутъ наши «бѣлые генералы», старые русскіе «остатки», — даже если они будутъ *честно* и *опредѣленно* поддержаны Европой. А что у Европы нѣтъ прямой честности, — мы видимъ.

*

Опять пачками аресты. Опять тѣ-же, — Изгоевъ, Вѣра Гл. и пр., самые безмысленные. Плюсъ еще всякіе англичане. Стрѣльбы нѣтъ.

*

Арестовали двухъ дѣтей, 7 и 8 лѣтъ. Мать отправили на работы, отца неизвѣстно куда, а ихъ, дѣтей, въ Гатчинскій арестный пріютъ. Эта такая дѣт-

ская тюрьма, со всѣми тюремными прелестями, «совѣткія дѣти *не для иностранцевъ*», какъ мы говоримъ. Да, ужъ въ этотъ пріютъ «европейскую делегацію» не пустятъ (какъ, впрочемъ, и ни въ какой другой пріютъ, для этого есть одинъ или два «образцовыхъ», т. е. чисто-декораціонныхъ).

Тетка арестованныхъ дѣтей (ее еще не арестовали) всюду ѣздитъ, хлопочетъ объ освобожденіи, — напрасно. Была въ Гатчинѣ, видѣла ихъ тамъ. Плачетъ: голодныя, говоритъ, оборванныя, во вшахъ.

Любопытная это, вообще, штука, — «красныя дѣти». Большевики во всю рѣшили ихъ для себя «использовать». Ни на что не налѣпили столь пышной вывѣски, какъ на несчастныхъ совдепскихъ дѣтей. Нѣтъ такихъ громкихъ словъ, какихъ не произносили бы большевики тутъ, выхваляя себя. Мы-то знаемъ имъ цѣну, и только тихо удивляемся, что есть въ «Европахъ» дураки, которые имъ вѣрятъ.

Безплатное питаніе. Это матери, едва стоящія на ногахъ, должны водить дѣтей въ «общественныя столовыя», гдѣ даютъ ребенку тарелку воды, часто недокипяченой, съ одиноко плавающимъ листомъ чего-то. Это посылаемые въ школы «жмыхи», изъ за которыхъ дѣти дерутся, какъ звѣреныши.

Всеобщее безплатное обученіе. Пріюты. Школы. — Много бы могла я тутъ разсказать, ибо имѣю *ежедневную, самую детальную,* информацію *изнутри.* Но я органичусь выводомъ: это цѣлое поколѣніе русское, погибшее, духовно и тѣлесно. Счастье для тѣхъ, кто не выживетъ...

Кстати, недавно Горькій «лаялъ» въ интимномъ кругу, что «чортъ знаетъ, что въ школахъ дѣлается...» И дѣйствительно, средняя школа, преобразованная въ

одну «нормальную» совѣтскую школу, т. е. заведеніе для обоихъ половъ, сдѣлалась страннымъ заведеніемъ... Женскія гимназіи, институты, соединили съ кадетскими корпусами, туда-же подбавили 14—15 лѣтнихъ мальцовъ прямо съ улицы, всего повидавшихъ... Въ гимназіяхъ, по словамъ Горькаго тоже, есть уже беременныя дѣвочки 4-го класса... Въ «этомъ» краснымъ дѣтямъ дается полная «свобода». Но въ остальномъ требуется самое строгое «коммунистическое» воспитаніе. Уже съ девяти лѣтъ мальчика выпускаютъ говорить на митингахъ, учатъ «агитаціи» и защитѣ совѣтской власти». (Очевидно, болѣе способныхъ подготавливаютъ и къ дѣйствію въ Чрезвычайкѣ. Берутъ на обыски — это «практическія занятія.)

Но довольно, довольно. Объ этомъ будетъ время вспомнить...

*

Какъ это англичане терпятъ? Даже на нихъ не похоже. Они какъ будто потеряли всякое понятіе національной чести. Вотъ: большевики забрали англійское посольство, вещи присвоили, сидитъ тамъ Горькій ввидѣ оцѣнщика — старьевщика, записываетъ «пріобрѣтенное».

*

И все таки англичанамъ вѣрятъ. Сегодня упорные слухи, что англичане взяли Толбухинскій маякъ и тралятъ мины.

Какъ бы не такъ!

*

Кіевъ взятъ почти навѣрно, — по большевицкимъ же газетамъ. Но какое это имѣетъ значеніе?

Третій обыскъ, съ Божьей помощью. Я уже писала, что если не гаснетъ вечеромъ электричество — значитъ обыски, въ этомъ районѣ. Въ первую ночь, на 5-е сентября, была, очевидно, проба. На 6-е, вечеромъ, у насъ сидѣлъ І. І. Около 12 часовъ — шумъ со двора. Пришли. І. І. скорѣе убѣжалъ туда.

Всю ночь ходили по квартирамъ, всю ночь съ ними І. І. (Поразительно, въ эту ночь *почти всѣ* дома громаднаго района были обысканы. Въ одну ночь. По всей нашей улицѣ, безконечно длинной, — часовые.)

Я сидѣла до 4-хъ часовъ ночи. Потомъ такъ устала, что легла, чортъ съ ними, встану. На минуту уснула — явились.

Войдя въ свою рабочую комнату, увидѣла субъекта, пыхающаго махоркой и роящагося въ ящикахъ съ моими рукописями. Засунуть пакеты назадъ не можетъ. Рветъ.

— Дайте, я вамъ помогу, говорю я. — И лучше я сама вамъ все покажу. А то вы у меня все спутаете.

Махнулъ рукой:

— Тутъ все бумаги...

Съ ними, на этотъ разъ, «барышня» въ бѣлой шляпкѣ, негритянскаго типа. Она какъ-то стѣснялась. И когда Дмитрій сказалъ: «открыть вамъ этотъ ящикъ? Видите, это мои черновики...» барышня сыщица потянула сыщика-рабочаго за рукавъ: «не надо...»

— Да вы чего ищете? Спрашиваю.

Новый жандармъ заученнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Денегъ. Анти-совѣтской литературы. Оружія.

Вещей они пока не забирали. Говорятъ, теперь будетъ другая серія.

Странное чувство *стыда*, такое жгучее, — не за себя, а за этихъ несчастныхъ новыхъ сыщиковъ съ

махоркой, съ исканіемъ «денегъ», безпомощныхъ въ своей подлости и презрительно жалкихъ.

*

А рядомъ всякія бурныя романическія исторіи (у сытыхъ): Т. изгналъ свою жену изъ «Всемірной Литературы» (а также изъ своей квартиры). Она перекочевала къ Горькому, который усыпалъ ее бриллінтами (? за что купила, за то и продаю, за точность не ручаюсь). И теперь лизуны, вродѣ X. Y. Z. не знаютъ, чью пятку лизать: Т—ва, отставной жены, или Маріи Федоровны.

*

Аресты и обыски.

*

Сегодня 8 сентября. Положеніе то-же, что было и недѣлю тому назадъ, — если не хуже: слухи о «мирныхъ переговорахъ» съ Эстляндіей и Финляндіей. (Что это еще за новое, неслыханное, умопомѣшательство? Какъ будто большевики могутъ съ кѣмъ нибудь «договориться» и договоръ *исполнять?)*

Съ 10-го сентября я считаю дѣло конченнымъ — въ смыслѣ большевицкой зимы. Она дѣлается фактомъ. Не представима она до такой степени, что самые трезвые люди все таки еще цѣпляются за какія-то надежды.

Но зима эта — фактъ.

*

Всеобщая погоня за дровами, пайками, прошенія о невселеніи въ квартиры, изверотъ съ фунтомъ керосина и т. д. Блокъ, говорятъ (лично я съ нимъ не сообщаюсь) даже боленъ отъ страха, что къ нему въ кабинетъ вселятъ красноармейцевъ. Жаль, если не вселятъ. Ему бы слѣдовало ихъ цѣлыхъ «12». Вѣдь это-же, по

его поэмѣ, 12 апостоловъ, и впереди нихъ, «въ вѣнкѣ изъ розъ идетъ Христосъ».

Х. вывернулся. Получилъ вагонъ дровъ и устраиваетъ съ Горькимъ «Домъ искусствъ».

Вотъ два писателя (первоклассные изъ непримиримыхъ) въ пріемной комиссаріата нар. просвѣщенія. Комиссаръ К. — любезенъ. Обѣщаетъ: «мы вамъ дадимъ дрова; кладбищенскія; мы березы съ могилъ вырубаемъ — хорошія березы». (А возможно что и кресты, кстати, вырубятъ. Дерево даже суше, а на что же кресты?)

Къ І. І. тоже «вселяютъ». Ему надо защитить свой рентгеновскій кабинетъ. Бросился онъ въ новую «комиссію по веселенію». Разсказываетъ: — «Видалъ, кажется, Совдепы всякіе, но такихъ архаровцевъ не видалъ. Рыжіе, всклокоченные, предсѣдателъ съ неизвѣстнымъ акцентомъ, у одного на носу волчанка, баба въ награбленной одеждѣ... «Мы — шестерка», а всѣхъ 12 сидятъ. Самого Кокко (начальникъ по вселенію, національность таинственна) — нѣту. «Что? Кабинетъ? Какой кабинетъ? Какой ученый? Что-то не слыхали. Книги пишете? А въ «Правдѣ» не пишете? Вѣрно съ буржуями возитесь. Нечего, нечего. Вотъ мы вамъ пришлемъ товарищей изслѣдовать, какой такой рентгенъ, какой такой ученый».

Бѣдный І. І. кубаремъ оттуда выкатился. Ждетъ теперь «товарщей» — изслѣдователей.

*

Пусть убиваютъ насъ, губятъ Россію (и себя, въ конечномъ счетѣ) невѣжественные, непонимающіе европейцы, вродѣ англичанъ. Но какъ могутъ распоряжаться нами откормленные русскіе эмигранты, разные «представители» пустыхъ мѣстъ, несуществующіе «деле-

гаціи» и т. д.? Когда къ намъ глухо доносятся голоса зарубежниковъ, когда здѣшніе наши палачи злорадно подхватываютъ эмигрантскія свары и заявленія — съ одной стороны всякихъ большевиствующихъ тупицъ о невмѣшательствѣ, съ другой — безумныя «непризнанія независимости Финляндіи» (??) какихъ-то самоявленныхъ русскихъ парижскихъ «пословъ» — старорежимниковъ — мы здѣсь скрежещемъ зубами, сжимаемъ кулаки. О, еслибъ не тряпка во рту, какъ мы крикнули бы имъ: «что вы дѣлаете, идіоты? Кто вамъ далъ право распоряжаться нами и Россіей? Россіи нѣтъ сейчасъ, а поскольку есть она, мы Россія, мы, а не вы. Какъ вы смѣете отъ лица неизвѣстной вамъ, забытой Россіи, для васъ ужъ навѣрно несуществующей — что-то «признавать», чего-то «непризнавать», распоряжаться нашей судьбой, нашей жизнью, сами сидя въ безопасности?»

Впрочемъ, всѣ они были-бы только смѣшны и глупы, еслибы глупость не смѣшивалась съ кровью. Кровавая глупость. Ладно, въ свое время за нее отвѣтятъ.

Отдѣльные русскіе голоса за рубежомъ, трезвые, — слабы и не имѣютъ значенія. Трезвы только *недавно* бѣжавшіе. Они еще чувствуютъ Россію, реальное ея положеніе. А для тѣхъ — точно ничего не случилось. Не понимаютъ, между прочимъ, что и всѣ ихъ *партіи* — уже фикція, туманъ прошлаго, что ничего этого уже нѣтъ *безвозвратно*.

А здѣсь... Эстляндія 15-го начинаетъ «мирные переговоры», сегодня Чичеринъ предлагаетъ ихъ всѣмъ окраинамъ, съ Финляндіей во главѣ, конечно. Англія и «шалости» прекратила.

Не ясно-ли, что послѣ этого...

*

Сегодня понедѣльникъ 15 (2) сентября. Жду, что въ вечерней газетѣ будетъ очередной кликъ объ очередныхъ побѣдахъ и сострашенной Финляндіи, склоняющейся къ самоубійству (мирнымъ переговорамъ). Бѣда сидѣть съ большевиками — согласіе на самоубійство или на разложеніе нажива.

*

24 (11) сентября. — Вчера объявленіе о 67-и разстрѣлянныхъ въ Москвѣ (профессора, общественные дѣятели, женщины). Сегодня о 29 — здѣсь. О мирныхъ переговорахъ съ Эстляндіей прерванныхъ, но готовящихся, будто-бы, возобновиться — ничего не знаемъ, не понимаемъ, не можемъ — и нельзя — ничего себѣ представить. Деникинъ взялъ, послѣ Кіева, Курскъ. Троцкій грозитъ о побѣдахъ. Ощущеніе тьмы и ямы. Тихаго умопомѣшательства.

*

Масло подбирается уже къ 1000 р. за фунтъ. Остальное соотвѣтственно. У насъ нѣтъ *болѣе* ничего. Да и нигдѣ ничего. І. І. уже «продался» тоже Гржебину — писать брошюры. Недавно такая *была* картина: у меня сидѣла торговка, скупающая за гроши нашу одежду. І. І. прислалъ сверху, съ *сестрой*, свои туфли старыя, галстуки, еще что-то, чуть не пиджакъ послѣдній. А въ это же время къ нему, І. І., пріѣхалъ Горькій (пользоваться рентгеномъ І. І.). Вызвалъ кстати фактора своего, Гржебина (онъ въ нашемъ домѣ живетъ). Тотъ прибѣжалъ. Принесъ какихъ-то китайскихъ божковъ и акварельный альбомъ, — досталъ по порученію. Горькій купилъ за 10 тысячъ. Эта сдѣлка наверху, въ квартирѣ І. І. была уданѣе нижней: вещи І. І, которыя онъ послалъ продавать — погибли у торговки вмѣстѣ съ

моими. Торговка, вѣдь, беретъ безъ денегъ. А когда черезъ нѣсколько дней І. І. послалъ сестру къ ней за деньгами — тамъ оказалась засада, торговки нѣтъ, вещей нѣтъ, чуть и сестру не арестовали.

Опять выключили телефоны. Черезъ 2 дня пробую — снова звонятъ. Постановили закрыть всѣ заводы. Аптеки пусты. Ни одного лекарства.

(Какой шумъ у меня въ головѣ. Странное состояніе. Физическое или нравственное — не могу понять. Петръ Верховенскій у Достоевскаго — какъ вѣрно о «равенствѣ въ рабствѣ». И смерть. Да именно — механика смерти.)

*

Говорятъ (въ ихней газетѣ), что умеръ Леонидъ Андреевъ, у себя въ Финляндіи. Онъ не испыталъ нашего. Но онъ понималъ правду. За это ему вѣчное уваженіе.

Х. и Горькій остались. Процвѣтаютъ.

*

Въ литературную столовую пришла барышня. Спрашиваетъ у завѣдующей: не здѣсь-ли Дейчъ? (старикъ, плехановецъ). Та говоритъ: его еще нѣту. Барышня проситъ указать его, когда придетъ; мнѣ, молъ, его очень нужно. И ждетъ. Когда старецъ приплелся (онъ едва ходитъ) — завѣдующая указываетъ: вотъ онъ. Барышня къ нему — ордеръ: вы арестованы. Всѣ растерялись. Старикъ проситъ, чтобы ему хоть пообѣдать дали. Барышня любезно соглашается...

Изгоевъ и Потресовъ сидятъ на Шпалерной, въ одной камерѣ.

Изъ объясненій въ газетѣ, *за что* разстрѣляны: «... Чеховской, б. дворянинъ, полякъ, былъ противъ

коммунистовъ, угрожалъ послѣднимъ отплатить, когда придутъ бѣлые...» № его 28.

Холодно, сыро. У насъ пока ни полѣна, только утромъ въ кухню.

*

Лiанозово-Маргулiевское правительство, «Сѣв. Западное», — полная загадка. Большевики издѣваются, ликуютъ. Къ чему эта жалкая ерунда?

Большевицкія деньги почти не ходятъ внѣ городской черты. Скоро и здѣсь превратятся въ грязную бумагу. Чистая стоитъ дороже.

Небывалый абсурдъ происходящаго. Такой, что никакая человѣчность съ нимъ не справляется. Никакое воображеніе.

11 Окт. (28 сент.) — Послѣ нашей недавней *личной* неудачи (объясню какъ нибудь потомъ) писать психологически невозможно; да и просто нечего. Исчезло ощущеніе связи событій среди этой трагической нелѣпости. Большевицкія деньги падаютъ съ головокружительной быстротой, ихъ отвергаютъ даже въ пригородахъ. Здѣсь — черный хлѣбъ съ соломой уже 180—200 р. фунтъ. Молоко давно 50 р. кружка (по случаю). Или больше? Не уловишь, цѣны ростутъ, *буквально* всякій часъ. Да и нѣтъ ничего.

Когда «ихъ» въ Москвѣ взорвало (очень ловкій былъ взрывъ, хотя по послѣдствіямъ незначительный, убило всего нѣсколько не главныхъ, да оглушило Нахамкиса) — мы думали, начнется кубическій терроръ; но они какъ-то струсили и сверхъ своихъ обычныхъ разстрѣловъ не забуйствовали. Мы такъ давно живемъ среди потока словъ (офиціальныхъ) — «раздавить», «додушить», «истребить», «разнести», «уничтожить», «залить кровью», «заколотить въ могилу» и т. д. и т. д., что

каждодневное печатное повтореніе непечатной ругани — уже не дѣйствуетъ, кажется старческимъ шамканьемъ. Теперь заклинанья «додавить» и «разгромить» направлены на Деникина, ибо онъ послѣ Курска взялъ Воронежъ (и Орелъ — по слухамъ).

Абсурдно-преступное поведеніе Антанты (Англіи?) продолжается. На свою-же голову, конечно, да намъ отъ этого не легче.

Понять попрежнему ничего нельзя. Уже будтобы цѣлыхъ три самостійныхъ пуговицы, Литва, Латвія и Эстляндія, объявили согласіе «мирно переговариваться» съ большевиками. Хотятъ, однако, не нормальнаго мира, а какого-то полубрестскаго, съ «нейтральными зонами» (опять абсурдъ). Тутъ-же путается германскій Гольцъ, и тутъ-же кучка какихъ-то «бѣлыхъ» (??) ведетъ безнадежную борьбу у Луги. Кошмаръ.

*

Все меньше у нихъ автомобилей. Иногда дни проходятъ — не прогремитъ ни одинъ.

Закрыли заводы, выкинули 10.000 рабочихъ. Льготы — мѣсяцъ. Рабочіе покорились, какъ всегда. Они не думаютъ *впередъ* (я примѣтила эту черту не-культурныхъ «массъ») льготный мѣсяцъ на то и дается. Уѣдутъ по деревнямъ. («Чего-тамъ, что еще будетъ черезъ мѣсяцъ, а пока — ѣзжай до дому».) — Здѣсь большевики организовали принудительную запись въ свою партію (не всегда закрываютъ принудительность даже легкимъ флеромъ). Снарядили, какъ они выражаются, «пару тысячъ коммунистовъ на южный фронтъ» чтобы, «черезъ какую нибудь пару недѣль» догромить Деники-

на. (Это не я сближаю эти «пары», это такъ точно пишутъ наши «совѣтскіе» журналисты.)

*

15 (2) Октября. — Ну вотъ, и въ четвертый разъ высѣкли, говоритъ Дмитрій въ 5 часовъ утра, послѣ вчерашняго, новаго обыска.

Я съ убѣжденіемъ возражаю, что это невѣрно; что это опять гоголевская унтеръ-офицерская вдова «сама себя высѣкла».

Очень хороша была плотная баба въ бѣлой кофтѣ, съ *засученными рукавами* и съ басомъ (несомнѣнная прачка) рывшаяся въ писменномъ столѣ Дмитрія. Она вынимала изъ конвертовъ какія-то письма, какія-то замѣтки.

— А мнѣ желательно іету тилиграмму прочесть...

Стала, приглядываясь и бормоча, разбирать старую телеграмму изъ — кинематографа, кажется.

Другая баба, понѣжнѣе, спрашивала у меня «стремянку».

— Что это? Какую?

— Ну лѣстницу, что-ли... На печку посмотрѣть.

Я тихо ее убѣдила, что на печку такой вышины очень трудно влѣзть, что никакой у насъ «стремянки» нѣтъ, и никто туда никогда и не лазилъ. Послушалась.

У меня въ кабинетѣ такъ постояли, даже столовъ не открыли. Со мной поздоровался испитой малый и «ручку поцѣловалъ». Глядь — это Гессерихъ, одинъ изъ «коренныхъ мерзавцевъ нашего дома», или по совѣтски, «комернадовъ». Въ прошлый обыскъ онъ еще скакалъ по лѣстницамъ, скрываясь, какъ дезертиръ и т. д., а нынче ужъ руководитъ обыскомъ, какъ членъ Чрезвычайки. Ихъ, корменадовъ, нѣсколько; глава,

конечно, Гржебинъ. Остальные простецкіе (двое-сидятъ), Гессерихъ одно время и жилъ у Гржебина.

Потолкались-ушли. Опять придутъ.

Сегодня — грозныя мѣры: выключаются *всѣ* телефоны, закрываются всѣ театры, *всѣ* лавченки (если уцѣлѣли), не выходить послѣ 8 ч. вечера и т. д. Дѣло въ томъ, что вотъ ужъ 4 дня идетъ наступленіе бѣлыхъ съ Ямбурга. Не хочу, не могу и не буду записывать всѣхъ слуховъ объ этомъ, а ровно ничего кромѣ слуховъ, самыхъ обрывочныхъ, у насъ *нѣтъ*. Вотъ, впрочемъ, одинъ, наиболѣе скромный и постоянный слухъ: какіе «бѣлые» и какой у нихъ планъ — неизвѣстно, но они хотѣли закрѣпиться въ Лугѣ и Гатчинѣ къ 20-му и ждать (чего? тоже неизвѣстно). Однако красноармейцы сразу такъ побѣжали, что бѣлые растерялись, идутъ, идутъ, и не могутъ ихъ догнать. Взявъ Лугу и Гатчину — взяли будто-бы уже и Ораніенбаумъ и взорвали мостъ на Ижорѣ.

Насчетъ Ораніенбаума слухъ нетвердый. Псковъ будто-бы взялъ фонъ-деръ-Гольцъ (это совсѣмъ нетвердо).

На югѣ Деникинъ взялъ Орелъ (признано большевиками) и Мценскъ (не признано).

Мы глядимъ съ тупымъ удивленіемъ на то, что происходитъ. Что изъ этого выйдетъ? Ощущеніемъ, всей омозолившейся душой, мы склоняемся къ тому, *что ничего не выйдетъ*. Одно развѣ только: въ буквальномъ смыслѣ будемъ издыхать отъ голода, да еще всѣхъ насъ пошлютъ копать рвы и строить баррикады.

Красноармейцы дѣйствительно подрали отъ Ямбурга, какъ зайцы, роя по пути картошку и пожирая ее сырую. Тутъ не слухи. Тутъ свидѣтельства самихъ дѣйствующихъ силъ. Отъ кого дерутъ — сказать не

могутъ, — не знаютъ. Прослышали о какихъ-то «танькахъ», лучше до грѣха домой.

Завтра пріѣзжаетъ «самъ» Бронштейнъ-Троцкій. Вдыхать доблесть въ бѣгушихъ.

Состояніе большевиковъ — неизвѣстно. *Будто-бы* не въ послѣдней паникѣ, считая это «налетомъ бандъ», а что «силъ нѣтъ».

Самое ужасное, что они, вѣроятно, правы, что силъ и нѣтъ, если не подтыкано хоть завалящими регулярными нерусскими войсками, хоть фонъ-деръ-Гольцемъ. Большевики уповаютъ на свихъ «красныхъ башкиръ» въ разсчетѣ, что имъ — все равно, лишь бы ихъ откармливали и все позволяли. Ихъ и откармливаютъ, и разчетъ опять вѣренъ.

Газеты — обычны, т. е. понять ничего нельзя абсолютно, а слова тѣ-же, — «додушить», «раздавить» и т. д.

(Черная книжка моя кончилась, но осталась еще корка, — въ концѣ и въ началѣ. Буду продолжать, какъ можно мельче, на коркѣ.)

НА КОРКѢ.

16 Окт. (3), Четв. — Неужели снизойду до повторенія здѣсь такихъ слуховъ: англичане вплотную бомбардируютъ Кронштадтъ. Взяли на Кр. Горкѣ фортъ «Сѣрая Лошадь». Взято Лигово.

Но вотъ почти навѣрно: взято Красное Село, Гатчина, кр.-армейцы продолжаютъ бѣжать.

Въ ночь сегодня мобилизуютъ всѣхъ рабочихъ, заводы (оставшіеся) закрываются. Зиновьевъ вопитъ не своимъ голосомъ, чтобъ «опомнились», не драли, и что «никакихъ танекъ нѣтъ». Все равно деруть.

Оптимисты наши боятся слово сказать (чтобъ не сглазить событій), но не выдерживаютъ, шепчутъ, за-

дыхаясь: Финляндія взяла Левашево... О, вздоръ, конечно. Т. е. вздоръ фактическій, какъ данное; — какъ должное — это истина. И еслибы выступила Финляндія...

Все равно, душа молчитъ, перетерпѣла, замозолилась, извѣрилась разъучилась надѣяться. Но надѣяться надо, надо, надо, — иначе смерть.

Голодъ полнѣйшій. Рынки расхвачены. Фунта хлѣба сегодня не могли достать. Масло, когда еще было, — 1000—1200 р. фунтъ.

*

26 (13) Октября, вторникъ. — Рука не подымалась писать. И теперь не подымается. Заставляю себя.

Вотъ двѣ недѣли неописуемаго кошмара. Троцкій далъ приказъ: «*Гнать*» впередъ красноармейцевъ (такъ и напечаталъ «гнать»), а въ Петербургѣ копать окопы и строить баррикады. Всѣ улицы перерыты, гланымъ образомъ центральныя. Караванная, напримѣръ. Роютъ обыватели, схваченные силой. Воистину ассирійское рабство. Ужъ какъ эти невольники роютъ — другое дѣло. Не думаю, чтобы особенно крѣпки были правительственныя баррикады, дойди дѣло до уличнаго боя.

Но въ него никто не вѣрилъ. Не могло до него дойти (вѣдь если бы освободители *могли* дойти до улицъ Петограда — на нихъ уже не было бы ни одного коммуниста).

Три дня, какъ большевики трубятъ о своихъ побѣдахъ. Изъ фактовъ знаемъ только: бѣлые оставили Царское, Павловскъ и Колпино. Почему оставили? Почему? Большевики ихъ не прогнали, это мы знаемъ. Почему они ушли — мы не знаемъ

Гатчина и Кр. Село еще заняты. Но если они уже начали уходить...

Большевики вывели свой крейсеръ «Севастополь» на Неву и стрѣляютъ съ него въ Лигово и вообще во всѣ стороны наудачу. Въ частяхъ города, близкихъ къ Невѣ, около площади Исаакія, напримѣръ, дома дрожали и стекла лопались отъ этой умной бомбардировки близкаго, но невидимаго непріятеля.

Впрочемъ, два дня ужъ нѣтъ стрѣльбы. Подъ нашими окнами, у входа въ Таврическій садъ, — окопъ, на углу, — пушка.

О томъ, что мы ѣдимъ и сколько это стоитъ — не пишу. Ложь, которая насъ окружаетъ... тоже не пишу.

ЕСЛИ ОНИ НЕ МОГУТЪ ВЗЯТЬ ПЕТЕРБУРГА, — НЕ МОГУТЪ, — ОНИ БЫ ДОЛЖНЫ ПОНИМАТЬ, ЧТО, ИДЯ БЕЗСИЛЬНО, ОНИ УБИВАЮТЪ НЕВИННЫХЪ.

*

(Сбоку на поляхъ.) И тутъ эта недѣля дифтеритнаго ужаса у Л. К. Нельзя добыть доктора (а вѣдь она сама — врачъ) — наконецъ добыли, все это пѣшкомъ, нельзя добыть сыворотки. Какъ она пережила эту ночь? Теперь — послѣдствія: начались нарывы въ горлѣ...

4 Ноября (22 окт.) вторникъ. — Дрожа, пишу при послѣднемъ свѣтѣ мутнаго дня. Холодъ въ комнатахъ туманитъ мысли. Въ ушахъ непрерывный шумъ. Трудно. Хлѣбъ — 300 р. фунтъ. Продавать больше нечего.

Близкія надежды всѣхъ — рухнули. (Мои, далекія, остались.) Большевики въ непрерывномъ ликованіи. Увѣряютъ, что разбили бѣлыхъ совершенно и наступаютъ во весь фронтъ. Вчера, будто-бы отобрали и Гатчину. Мы ничего не знаемъ о бояхъ, но знаемъ: и Царское, и Гатчина — красные. Однако большевики вступаютъ туда лишь черезъ 6—12 часовъ *послѣ* очищенія ихъ бѣлыми. Бѣлые просто уходятъ (??).

Какъ дрожали большевики, что выступитъ Финляндія. Но она недвижима.

Сумашествіе съ баррикадами продолжается. Центръ города еще разрываютъ. Укрѣпили... циркъ Чинизели. На стройку баррикадъ хватаютъ и гонятъ всѣхъ, безъ различія пола и возраста, устраивая облавы въ трамваяхъ и на квартирахъ. Да, этого еще никогда не было: казенныя баррикады. И, главное, ни къ чему.

Эрмитажъ и Публичную Библіотеку — замораживаютъ: топлива нѣтъ.

Большевики, испугавшись, потеряли голову въ эти дни: кое-что роздали, кое-что увезли — сами не знаютъ, что теперь будутъ дѣлать.

Увѣряютъ, что и на югѣ ихъ дѣла великолѣпны. Быть можетъ. Все можетъ быть. Вѣдь мы ничего не знаемъ абсолютно.

Перевертываю книгу, тамъ тоже есть, въ началѣ, мѣсто на переплетѣ, на коркѣ.

(Перевертъ.)

Ноябрь. — Надо кончить эту книжку и спрятать. Куда? Посмотримъ. Но хорошо, что она кончается. Кончился какой-то періодъ. Идетъ новый, — на этотъ разъ, дѣйствительно, послѣдній.

Наступленіе Юденича (что̀ это было на самомъ дѣлѣ, ка̀къ и почему — мы не знаемъ) для насъ завершилось слѣдующимъ: буквально «погнанные» впередъ красноармейцы покатились за уходящими бѣлыми, и даже, раскатившись, заняли Гдовъ, который не могли занять лѣтомъ. Армія-же Юденича совсѣмъ куда-то пропала, словно иголка. Что съ ней случилось, зачѣмъ она вдругъ стала уходить отъ Петербурга (отъ самаго города! Разъѣзды бѣлыхъ были даже на Забалканскомъ проспектѣ!), когда большевики изъ себя вышли отъ страха, когда ихъ автомобили ночами пыхтѣли, готовые для бѣгства (одинъ изъ нихъ, очень важный, пыхтѣлъ и сверкалъ подъ окнами моей столовой, у насъ во дворѣ его гаражъ) — не можемъ понять. Но фактъ на лицо: *они — ушли.*

Говорятъ, прибалтійцы закрыли границу, и армія Юденича должна была переправляться въ Финляндію. Ея особенно трусили большевики. Напрасно. Даже не шевельнулась.

Состояніе Петербурга въ данную минуту такое катастрофическое, какое, безъ этого преступнаго движенія Юденича, было бы еще мѣсяца черезъ три-четыре. Къ тому-же ударили ранніе морозы, выпалъ снѣгъ. Дровъ нѣтъ ни у кого, и никто ихъ достать не можетъ. Въ квартирахъ, безъ различія «классовъ» — отъ 4 тепла до 2 мороза. Мы закрыли мой кабинетъ. И Диминъ. Закрываемъ столовую. І. І. живетъ съ женой въ одной только —, ея, — комнатѣ. И безъ прислуги.

Въ корридорѣ прямо морозъ. Къ 1 декабря совсѣмъ не будетъ электричества. (Теперь мы во мракѣ полдня.) Закроютъ школы. И богадѣльни. Стариковъ куда? Топить ими, вѣрно. О томъ, чѣмъ мы питаемся со вре-

мени наступленія, — не пишу, не стоитъ, скучно. Просто почти ничего совсѣмъ *нѣтъ*. Есть еще кое-что (даже дрова) у Гржебина, primo speculanto нашего дома. А мелкую нашу сошку разстрѣляли: знаменитаго Гессериха, что сначала жилъ у Гржебина, потомъ прятался, какъ дезертиръ, а потомъ приходилъ съ обыскомъ, какъ членъ Чрезвычайки. Да кажется и Алябьева тоже.

А матерому пауку — Гржебину ужъ и Дима принуденъ продаться — брошюры писать какія-то (??).

(Электричество погасло. Оно постоянно гаснетъ, когда и горитъ. Зажгла лампу. Керосинъ на донышкѣ.)

Собственно, гораздо *благороднѣе* теперь не писать. Потому что общая мука жизни такова, что въ писаніе о ней можетъ войти... тщеславіе. Непонятно? Да, а вотъ мы понимаемъ. И Розановъ понялъ-бы. (Несчастный, удивительный Розановъ, умершій въ такой нищетѣ. О немъ вспомнятъ когда нибудь. Одна его исторія — цѣлая историческая книга.)

Люди такъ жалки и страшны. Человѣкъ человѣку-воронъ. Съ голодными и хищными глазами. Рвутъ падаль на улицѣ равно и одичавшія собаки, и воронье, и люди. Ѣдутъ непроницаемые (какіе-то нѣлюди) башкиры на махнатыхъ лошаденкахъ и заунывно воютъ, покачиваясь: средняя Азія...

Блестящи дѣла большевиковъ и на югѣ. Такъ ли блестящи, какъ они говорятъ — не знаю, но очевидно, что Деникинъ пошелъ уже не впередъ, а назадъ. Это не удивляетъ насъ. Разложились, вѣрно. Генеральско-южныя движенія обречены (какъ и генеральско-сѣверныя, оказывается).

Англичанъ здѣсь, конечно, и не было ни малѣй-

шихъ: съ моря слегка попалили французы (или кто?) и все успокоилось.

Большевики снова принялись за свою «всемірную революцію», — вплотную принялись. Да и не могутъ они отъ нея отстать, не могутъ ее не устраивать всѣми правдами и неправдами, пока они существуютъ. Это самый смыслъ и непремѣнное условіе ихъ бытія. Страна, которая договаривается съ ними о мирѣ и ставитъ условіемъ «отказъ отъ пропаганды» — просто *дура*.

Очень хотѣли бы мы всѣ, здѣсь живущіе, въ Россіи, чтобы Англія поняла на своей шкурѣ, что она продѣлываетъ. Германія уже поняла и несетъ свою кару. Ослѣпшая Европа (особенно Англія) на очереди. Вѣдь она зарывается не плоше Германіи. И тутъ же продолжаетъ послѣ мира, — подлаго, — подлую войну съ Германіей — на костяхъ Россіи.

Какъ ни мелко писала я, исписывая внутреннюю часть переплета моей «Черной Книжки» — книжка кончается. Не буду, вѣрно, писать больше. Да и о чемъ? Записывать каждый хрипъ нашей агоніи? Такъ однообразно. Такъ скучно.

Хочу завершить мою эту запись изумительнымъ отрывкомъ изъ «*Опавшихъ листьевъ*» В. В. Розанова. Неизвѣстно, о чемъ писалъ онъ это — въ 1912 году. Но это мы, мы — въ концѣ 1919-го!

«И увидѣлъ я вдали смертное ложе. И что умираютъ побѣдители, какъ побѣжденные, а побѣжденные, какъ побѣдители.

«И что идетъ снѣгъ и земля пуста.

«Тогда я сказалъ: Боже, отведи это, Боже, задержи.

«И побѣда поблѣднѣла въ душѣ моей. Потому

что поблѣднѣла душа. Потому что гдѣ умираютъ, тамъ не сражаются. Не побѣждаютъ, не бѣгутъ.

«Но остаются недвижимыми костями, и на нихъ идетъ снѣгъ.»

(Коробъ II стр. 25 I.)

На насъ идетъ снѣгъ. И мы — недвижимыя кости. Не задержалъ, не отвелъ. Значитъ такъ надо.

*

Смотрѣть въ глаза людскіе...

Этимъ кончилась «Черная Книжка». Но странное, порой непреодолимое, влеченіе отмѣтить наши минуты — осталось. Въ потайномъ карманѣ мѣховой шубки, которую я послѣднее время не спускала съ плечъ, лежалъ сѣренькій блокъ-нотъ. Его не нашли-бы при обыскѣ, его такъ, въ карманѣ, я и провезла сюда. Отмѣтки на этомъ блокъ-нотѣ — спутаны, порою кажутся полубредовыми, но онѣ характерны и доходятъ вплоть до дня отъѣзда — бѣгства — 24 декабря 1919 года. Онѣ писаны карандашемъ, очень мелко. Такъ какъ онѣ составляютъ прямое продолженіе «Черной книжки», то я ихъ здѣсь съ точностью переписываю.

Авт.

СѢРЫЙ БЛОКЪ-НОТЪ

(карандашемъ)

Октябрь... Ноябрь... Декабрь...

Какіе-то сны... О большевикахъ... Что ихъ свалили... Кто? Новые, странные люди. Когда? Сорокъ седьмого февраля...

*

Приготовленіе къ могилѣ: глубина холода; глубина тьмы; глубина тишины.

*

Все на ниточкѣ! На ниточкѣ!

*

Цѣлый день капуста. А Нева-то стала. А еще едва ноябрь (нов. стиля). А морозу 10^0.

*

«Дяденька, я боюсь!» пищитъ мальчишка въ Тургеневскомъ снѣ «Конецъ Свѣта». И вдругъ: «гляньте, земля провалилась!»

У насъ улица провалилась. Окна закрыты, затыканы чѣмъ можно. Да и нѣту тамъ, за окнами, ничего. Тьма, тишина, холодъ, пустота.

*

У Л. К. послѣ всего кошмара дифтеритнаго, нарывнаго, стрептококоваго, — плевритъ. На Т. страшно смотрѣть.

*

Не бывало въ исторіи. Всѣ аналогіи — пустое. Громадный городъ самоубійца. И это на глазахъ Европы, которая пальцемъ не шевелитъ, не то обидіотѣвъ, не то осатанѣвъ отъ кровей.

*

Одно полѣно стоитъ 40 рублей, но достать нельзя ни одного... «подъ угрозой разстрѣла».

*

Лѣтомъ дни катились одинъ за другимъ, кругло щелкая, словно черепа. Катились — катились, — вдругъ съежились, сморщились, черные, точно мороженыя яблочки, — и еще скорѣе защелкали, катясь. Неужели мнѣ кажется, что уже нѣтъ спасенія?

*

Прислали намъ, ввидѣ милостыни, немного дровъ. Надо было самимъ перетаскать ихъ въ квартиру. Сорокъ разъ по лѣстницѣ.

*

13 Ноября (31 окт.) Л. К. сегодня свезли въ больницу. Хотя она сама врачъ — едва устроили ее. Да все равно тамъ нельзя. Въ 3-хъ градусахъ тепла съ плевритомъ скорѣе умрешь, чѣмъ въ 6.

Сегодня-же декретъ о призывѣ въ красную армію всѣхъ оставшихся студентовъ, уже безъ малѣйшаго исключенія. Негодныхъ въ лагеря. Въ Петербургѣ оставляютъ только лежачихъ.

Этотъ призывъ — карательная мѣра. Студенты считаются скрытой оппозиціей. Такъ чтобы пресѣчь.

Экіе злые трусы. Студенты, дѣйствительно, всѣ сплошь противъ большевиковъ, но студенты вполнѣ безсильны: во первыхъ — ихъ полтора человѣка, и никакого университета въ сущности давно *нѣтъ*. Во вторыхъ эти полтора человѣка, несмотря на службу въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, качаются отъ голода и совершенно ни на что не способны. (Не говорю о приспособившихся и спекулянтахъ; эти, конечно, и отъ призыва открутятся, но это исключенія, и не ихъ же труситъ наша «власть»).

*

Т. вся тихая. Точно святая.

Лишь мы, лишь здѣсь, можемъ видѣть, понимать, навѣки въ сердцѣ хранить эту печать *святости* на нѣкоторыхъ лицахъ. Опять то, чего не бывало, то чего никто не увидитъ, не узнаетъ, и что въ высочайшей степени — есть. Истинное *бытіе* посреди пляски призраковъ, въ тѣни нашей фантасмагоріи.

*

Въ эти долгіе-долгіе часы тьмы все кажется, что ослѣпъ. Ходишь съ вытянутыми впередъ руками, ощупывая ледяныя стѣны корридора.

«Ваше время и власть тьмы».

Я поняла, что холодъ хуже голода, а тьма хуже и того и другого вмѣстѣ.

Но и голодъ, и холодъ, и тьма — вздоръ. Пустяки. Ничто — передъ однимъ, еще худшимъ, непереносимымъ, кажется въ самомъ дѣлѣ не-вы-но-симымъ... но нельзя, не могу, потомъ. Послѣ.

*

Трудно постигаемая честность у І. І. А тутъ еще его вѣра и оптимизмъ. Держалъ пари съ Гржебинымъ, что къ 1 ноября (ст. стиля) Петербургъ будетъ освобожденъ. Еще въ сентябрѣ держалъ, — на 10 тысячъ. И сегодня отнесъ Гржебину эти 10 тысячъ, гдѣ-то ихъ наскребъ (пальто ватное и галстуки продалъ, кажется).

Это изумительно; можетъ быть, кто нибудь изумится еще болѣе, узнавъ, что Гржебинъ такія 10 тысячъ *взялъ?*

Напрасно. Гржебинъ взялъ. Гржебинъ и не то беретъ.

*

Дома у І. І. полный развалъ. Они съ женой вдвоемъ, безъ прислуги въ громадной ледяной квартирѣ съ жестяной лампочкой, и стекло неподходящее, падаетъ. Кашляющая, близорукая, слабая жена І. І. моетъ посуду во тьмѣ, въ гигантской, нетопленной кухнѣ. Но она физически не можетъ ничего дѣлать, какъ и я. Самъ І. І. цѣлый день таскаетъ на плечахъ въ 5 этажъ дрова свои (запасъ еще съ лѣта остался, надо все въ комнаты перетаскать, вѣдь каждое полѣно — какъ золотое). Барышни Р—скія, надъ нами, во тьмѣ занимаются тѣмъ, что распиливаютъ на дрова свои шкафы и столы. Чѣмъ-же и заниматься вечерами.

*

Горькій очень доволенъ всѣмъ. Ждетъ мира со смирившейся Антантой.

Чтожъ, возможно. Европа склоняется.

*

Въ школахъ температура на О. Начальницу школы Ш. и ея мужа опять арестовали (?). Собственныя

ія дѣти ревутъ отъ страха, школьныя дѣти ревутъ отъ холода.

У Н. Ф. (центральное отопленіе) 1 морозу. Она уже не моется, не причесывается, не раздѣвается.

*

На всѣхъ фронтахъ «побѣды». Ждутъ мира. Только одинъ фронтъ: холодъ. Зима наступила на цѣлый мѣсяцъ раньше обычнаго.

*

Мы въ полусвѣтѣ. Работа «совѣтскихъ учрежденій» тормозится тѣмъ, что вездѣ замерзли чернила.

*

Англія — опять Принцевы Острова..? Что это? Несчастный народъ, бѣдные мои дикари...

*

Пользуюсь тѣмъ, что тускло загорѣлось (на сколько минутъ?) электричество. Что-то пишу. Продолжаются непрерывные морозы. Мило сказалъ Ллойдъ Джорджъ о Россіи: «пусть они тамъ поразмышляютъ въ теченіе зимы». Очень недурно сказать. Кажется, этотъ субъектъ самый безстыдный изъ безстыднѣйшихъ. Но логика исторіи безпощадна. И отомститъ ему — рано или поздно. Не мы — такъ она.

*

Надо помнить, что у комиссаровъ — есть все: и хлѣба, и свѣта, и ѣды. И всего много, такъ какъ ихъ самихъ — мало.

*

Горькій говорилъ по телефону съ самимъ Ильичемъ (какъ онъ зоветъ Ленина). Тотъ ему передалъ —

съ хохоткомъ; —: «ну что, васъ еще тамъ въ Петроградѣ не взяли?»

Между нами и другими людьми теперь навѣки стѣна и молчаніе. Разсказать ничего никому нельзя. Да еслибъ и можно — не хочется. Молчаніе. И странный взглядъ на нихъ — сбоку: *ничего не знаютъ.*

Отъединенность навсегда.

*

22 (9) Ноября. — Свѣтъ былъ третьяго дня впродолженіи сорока минутъ. Сегодня нѣтъ вовсе. Какъ и раньше. Катя (наша горничная) слегла. У нея печь разрушилась, Дима перевелъ ее въ свою спальню, самъ въ холодной столовой. Я все утро убираю комнаты, а вчера ночью до 4-хъ часовъ, задыхаясь въ холодной сажѣ, должна была мыть все, до стѣнъ (ужъ какъ могла!) ибо лампа неистово накоптила. Гржебинъ везетъ въ Москву прошеніе за подписью сотни «художниковъ и литераторовъ» — скромное прошеніе о нѣсколькихъ фунтахъ керосина.

Мы большею частью сидимъ при крошечныхъ ночникахъ, ибо керосинъ послѣдній. Дмитрію зажигается на полчаса лампа — лежитъ въ шубѣ на своемъ диванчикѣ, читаетъ о Вавилонѣ и Египтѣ.

Я пишу это, наклонившись къ ночнику, едва вижу свои кривыя строчки.

*

Большевики ликуютъ. Побѣды — и вдали миръ съ покоренной Антантой. — Все думаю надъ однимъ вопросомъ, но рѣшить его не могу. А вопросъ такой: правительство Англіи, что оно, — безчестно или без-

мозгло? Оно непремѣнно или то, или другое, тутъ сомнѣній нѣтъ.

*

Коробка спичекъ — 75 рублей. Дрова — 30 тысячъ. Масло — 3 тысячи фунтъ. Одна свѣча 400 до 500 р. Сахару нѣтъ уже ни за какія тысячи (равно и керосина).

На Николаевской улицѣ вчера оказалась рѣдкость: павшая лошадь. Люди, конечно, бросились къ ней. Одинъ изъ публики, наиболѣе энергичный, устроилъ очередь. И послѣднимъ достались ужъ кишки только.

*

А знаете, что такое, «китайское мясо?» Это вотъ что такое: трупы разстрѣлянныхъ, какъ извѣстно, «Чрезвычайка» отдаетъ звѣрямъ Зоологическаго сада. И у насъ, и въ Москвѣ. Разстрѣливаютъ-же китайцы. И у насъ, и въ Москвѣ. Но при убиваніи, какъ и при отправкѣ труповъ звѣрямъ, китайцы мародерничаютъ. Не всѣ трупы отдаютъ, а какой помоложе — утаиваютъ и продаютъ подъ видомъ телятины. У насъ — и въ Москвѣ. У насъ на Сѣнномъ рынкѣ. Докторъ Н. (имя знаю) купилъ «съ косточкой», — узналъ человѣчью. Понесъ въ Ч. К. Ему тамъ очень внушительно посовѣтовали не протестовать, чтобы самому не попасть на Сѣнную. (Все это у меня изъ первоисточниковъ.)

Въ Москвѣ отравилась цѣлая семья.

*

А на углу Морской и Невскаго, въ реквизированномъ домѣ, будетъ «Дворецъ Искусствъ». По примѣру Москвы. Устраиваютъ Максимъ Горькій и... прости имъ Богъ, не хочу именъ.

*

Трамваи иной день еще ползаютъ, но по окраинамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ перестали освѣщать дома — улицы совсѣмъ исчезли: тихая, черная яма, могильная.

*

Ходятъ по квартирамъ, стаскиваютъ съ постелей куда-то на работы.

*

Л. К. взяли изъ больницы домой, съ плевритомъ (въ больницахъ 2^0). На лѣстницѣ она упала отъ слабости.

Морозъ, морозъ непрерывный. Осени вовсе не было.

Диму таки взяли въ каторжныя («общественныя») работы. Завтра въ 6 утра — таскать бревна.

*

И вовсе, оказалось, не бревна. Несчастный Дима пришелъ сегодня домой только въ 4 ч. дня, мокрый буквально по колѣно. Онъ такъ истощенъ, слабъ, страшенъ, — что на него почти нельзя смотрѣть. (Онъ занимаетъ очень видный постъ въ Публичной Библіотекѣ, но болѣе занятъ дежурствомъ на каналѣ (сторожа дрова на баркѣ) чѣмъ работой съ книгами. Сторожить дрова — входитъ въ службу.

Сегодня его гоняли далеко за городъ, по Ириновской дорогѣ, съ партіей другихъ каторжанъ, — *рыть окопы*. Погода ужасная, оттепель, грязь, мокрый снѣгъ.

Пока я Диму разувала, терла ему ноги щеткой, онъ мнѣ разсказывалъ, какъ ихъ собирали, какъ гнали...

На мѣстѣ дали кирку. Потрясающе, ненужно и безплодно. И всякій зналъ, что это принудительная

безполезность (вспоминаю «Мертвый Домъ» Достоевскаго. Его отмѣтку, что самое тяжелое въ каторжныхъ работахъ — сознаніе ненужности твоей работы. А тутъ еще хуже: *отвратительность* этой ненужной работы).

Никто ничего не нарылъ, да никто и не смотрѣлъ, чтобъ рыли, чтобъ изъ этого вышли какіе нибудь окопы. Самое откровенное издѣвательство.

Послѣ долгихъ часовъ въ водѣ тающаго снѣга — толстый откормленный надсмотрщикъ (бабы его тутъже, въ глаза, осыпали безплодными ругательствами: «ишь, отъѣлся, морда лопнуть хочетъ») — сталъ выдавать «арестантамъ», съ долгими церемоніями, по 1 ф. хлѣба. Дима принесъ этотъ черный, съ иглами соломы, фунтъ хлѣба — съ собой.

Ассирійское рабство. Да нѣтъ, и не ассирійское, и не сибирская каторга, а что то совсѣмъ внѣ примѣровъ. Для тяжкой ненужной работы сгонять людей полураздѣтыхъ и шатающихся отъ голода — сгонять въ снѣгъ, дождь, холодъ, тьму... Бывало-ли?

*

Отмѣчаю *начало* [illegible]. Вчера [illegible]

[illegible]

*

[illegible]

опять скоро быть, подробно разсказать, какъ она со своимъ мальчикомъ пыталась уйти съ отступающими бѣлыми и — вернулась назадъ.

— Но отчего-же они..? спрашиваю.

— Ихъ было всего 1 корпусъ. Да красные и не дрались. Послали башкиръ. Ну, этимъ все равно. А потомъ нагнали столько «человѣчины»...

Боже мой, Боже мой. Вѣдь эта «человѣчина» — вѣдь это и есть опять все то же «китайское мясо»...

*

Д. С. видѣлъ у заколоченнаго Гостинаго Двора священника, протягивающаго руку за милостыней.

*

Если будетъ «миръ» съ ними... Я поняла, что этого нельзя перенести. И это не простится.

Неужели есть серьезно какая нибудь отрана, какое нибудь правительство (не большевицкое), думающее, что *можетъ* быть, *физически* можетъ, — миръ съ ними? Чортъ съ ней, съ моралью. Я сейчасъ говорю о конкретностяхъ. «Они» подпишутъ всякія бумажки. Примутъ всѣ условія, всѣ границы. Что имъ? Они безграничны. Что имъ условія съ «незаконнымъ» (не «совѣтскимъ») правительствомъ? Самый ихъ принципъ требуетъ неисполненія такихъ условій. Но фикція мира въ ихъ интересахъ. Одурманивъ ею народъ, приведя его къ разоруженію, — они тихими стопами внѣдрятся въ беззащитную страну... вѣдь это же, прежде всего, партія «подпольныхъ» дѣйствій. А въ карманѣ у нихъ уже готовые составы «національныхъ» большевицкихъ правительствъ любой страны. Только подточить и посадить. Выждавъ, сколько нужно. «Мирный переворотъ, по волѣ народа!»

Каждое правительство каждой страны, — какой угодно, хоть самой Америки, — подписывая «миръ» съ большевиками — подписываетъ прежде всего смертный приговоръ себѣ самому. Это $2 \times 2 = 4$.

Ну, а если послѣ войны Европа стала думать, что $2 \times 2 = 5$?

*

Англія, въ лицѣ Ллойдъ-Джорджа, вѣроятно и не очень честна, и не очень умна, а къ тому-же крайне невѣжественна.

Въ послѣднемъ она сама наивно признается.

*

Почти юродивое идіотство со стороны Европы посылать сюда «комиссіи» или отдѣльныхъ лицъ для «ознакомленія». Вѣдь ихъ посылаютъ — къ большевикамъ въ руки. Они ихъ и «ознакамливаютъ». Строятъ декораціи, кормятъ въ Асторіи и открыто сторожатъ денно и нощно, лишая всякаго контакта съ внѣшнимъ міромъ. Попробовалъ бы такой «комиссіонеръ» хотя бы на улицу одинъ выйти. У дверей каждаго часовой.

Отсюда и г. Форстъ (о немъ я своевременно писала), отсюда и этотъ махровый дуракъ мистеръ Гудъ, разъѣзжающій въ поѣздѣ Троцкаго и, купленный вниманіемъ добрыхъ большевиковъ къ его особѣ, — весь растекшійся отъ умиленія.

Нѣтъ! пришлите, голубчики, кого нибудь «инкогнито». Пришлите не къ нимъ, а къ намъ. Пусть поживутъ, какъ мы живемъ. Пусть увидятъ, что мы всѣ видимъ. Пусть полюбуются и какъ существуетъ «смыслъ» страны — ея интеллигенція. Вотъ будетъ дѣло.

А пріѣзжающіе къ большевикамъ... могли бы и не трудиться. Пусть читаютъ, не двигаясь съ мѣстъ, большевицкія прокламаціи. Совершенно такъ-же будутъ «освѣдомлены».

Неужели и добровольцевъ не найдется для «инкогнито»?

Кричу, никогда не кончу кричать объ этомъ.

*

Н. И говоритъ: «... они (бѣлые) не понимаютъ... они думаютъ, что тутъ еще остались *живые люди*»...

Живыхъ людей *не связанныхъ по рукамъ и ногамъ* — здѣсь нѣтъ. А связанныхъ, съ кляпомъ во рту, ждущихъ только первой помощи — о, этихъ довольно. Такіе «живые» люди почти всѣ, кто еще живъ физически.

Опять и опять вызываю добровольцевъ на «инкогнито». Но предупреждаю: рискъ громадный. Весьма возможно, что тѣхъ, кто не успѣетъ подохнуть (съ непривычки это — въ моментъ) — того свяжутъ или законопатятъ, какъ насъ. Доведутъ быстро до троглодитства и абсурда.

Мы недвижны и безгласны, мы (вмѣстѣ съ народомъ нашимъ) врядъ ли уже достойны называтся людьми — но мы еще живы, и — мы *знаемъ, знаемъ*...

*

Вотъ точная формула: если въ Европѣ можетъ, въ XX вѣкѣ, существовать страна съ такимъ феноменальнымъ, въ исторіи небывалымъ, всеобщимъ *рабствомъ*, и Европа этого не понимаетъ, — или это принимаетъ — Европа должна провалиться. И туда ей и дорога.

*

Да, рабство. Физическое убіеніе духа, мысли, всякой личности, всего, что отличаетъ человѣка отъ животнаго. Разрушеніе, обвалъ всей культуры. Безчисленныя тѣла бѣлыхъ негровъ.

Да что мнѣ, что я оборванная, голодная, дрожащая отъ холода? Что — мнѣ? Это-ли страданіе? Да я ужъ и не думаю объ этомъ. Такой вздоръ, легко переносимый, страшный для слабыхъ, избалованныхъ европейцевъ. Не для насъ. Есть ужасъ ужаснѣйшій. Тупой ужасъ потери лица человѣческаго. И моего лица, — и всѣхъ, всѣхъ кругомъ...

Мы лежимъ и бормочемъ, какъ мертвецъ у Достоевскаго, безсмысленный «бобокъ... бобокъ...»

*

Гробъ на салазкахъ. Везутъ родные. Надо же схоронить. Гробъ на прокатъ. Еще есть?

*

Баба, роя рвы въ грязи: «а зачѣмъ тутъ окопы то ефти?» Инструкторъ равнодушно: «да тутъ бѣлые въ 30 верстахъ».

*

Индія? Евреи въ Египтѣ? Негры въ Америкѣ? Сколько вѣковъ до Р. Хр.? Кто мы? Гдѣ — мы? Когда — мы?

*

При свѣтѣ ночника. Странно, такая слабость, что почти ничего не понимаю. Надо стряхнуть.

Послѣдніе дрова. Послѣдній керосинъ (въ ночникахъ). Есть еще дрова, большія чурки, но некому ихъ распилить и расколоть. Да и пилы нѣту.

Ш—скую выпустили. Держали въ трехъ тюрьмахъ, съ уголовными и проститутками. Оказалось по-

томъ, что за то, что у нея есть какой-то двоюродный братъ (а она съ нимъ не видится), который хотѣлъ перейти финляндскую границу. Мужа ея, арестованнаго за то-же, потеряли въ спискахъ.

Они оба — мужъ и жена, — очень интеллигентные люди, создатели одной изъ самыхъ популярныхъ въ Петербургѣ гимназій и дѣтскаго сада. Большевики, полуразрушивъ заведеніе, превративъ его въ «большевицкую школу», оставили чету Ш. завѣдующими. Кстати еще о большевицкихъ школахъ. Это, съ извѣстной точки зрѣнія, самое отвратительное изъ большевицкихъ дѣяній. Разрушеніе *впередъ*, уничтоженіе будущихъ поколѣній. Не говоря о дѣтскихъ тѣлахъ (что ужъ говорить, и такъ ясно!) — но происходитъ систематическое внутреннее разлагательство. Дѣтямъ внушается беззаконіе и принципъ «силы, какъ право». Фактически дѣти превращены въ толпу хулигановъ. Развратъ въ этихъ школахъ — такой, что самъ Горькій плюется и ужасается, я ужъ писала. Дѣвочки 12 до 13 лѣтъ оказываются беременными или сифилитичками. Вѣдь бывшіе институты и женскія гимназіи механически, сразу, сливаютъ съ мужскими школами и съ уличной толпой подростковъ, всего повидавшихъ юныхъ хулигановъ, — вотъ общій, первый, принципъ созданія «нормальной» большевицкой школы. Никакого ученія въ этихъ школахъ не происходитъ, кромѣ декоративнаго, для коммунистовъ-контролеровъ, которые налетаютъ и зорко слѣдятъ: ведется ли школа въ коммунистическомъ духѣ, поютъ ли дѣти «Интернаціоналъ» и не виситъ ли гдѣ въ угду забытая икона. Насчетъ ученія — большевики, кажется, и сами понимаютъ, что нельзя учиться 1) безъ книгъ, 2) безъ свѣта, 3) въ температурѣ, въ которой замерзаютъ чернила, 4) съ рас-

Этотъ призывъ — карательная мѣра. Студенты считаются скрытой оппозиціей. Такъ чтобы пресѣчь.

Экіе злые трусы. Студенты, дѣйствительно, всѣ сплошь противъ большевиковъ, но студенты вполнѣ безсильны: во первыхъ — ихъ полтора человѣка, и никакого университета въ сущности давно *нѣтъ*. Во вторыхъ эти полтора человѣка, несмотря на службу въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, качаются отъ голода и совершенно ни на что не способны. (Не говорю о приспособившихся и спекулянтахъ; эти, конечно, и отъ призыва открутятся, но это исключенія, и не ихъ же труситъ наша «власть»).

*

Т. вся тихая. Точно святая.

Лишь мы, лишь здѣсь, можемъ видѣть, понимать, навѣки въ сердцѣ хранить эту печать *святости* на нѣкоторыхъ лицахъ. Опять то, чего не бывало, то чего никто не увидитъ, не узнаетъ, и что въ высочайшей степени — есть. Истинное *бытіе* посреди пляски призраковъ, въ тѣни нашей фантасмагоріи.

*

Въ эти долгіе-долгіе часы тьмы все кажется, что ослѣпъ. Ходишь съ вытянутыми впередъ руками, ощупывая ледяныя стѣны корридора.

«Ваше время и власть тьмы».

Я поняла, что холодъ хуже голода, а тьма хуже и того и другого вмѣстѣ.

Но и голодъ, и холодъ, и тьма — вздоръ. Пустяки. Ничто — передъ однимъ, еще худшимъ, непереноснымъ, кажется въ самомъ дѣлѣ не-вы-но-симымъ... но нельзя, не могу, потомъ. Послѣ.

*

Трудно постигаемая честность у І. І. А тутъ еще его вѣра и оптимизмъ. Держалъ пари съ Гржебинымъ, что къ 1 ноября (ст. стиля) Петербургъ будетъ освобожденъ. Еще въ сентябрѣ держалъ, — на 10 тысячъ. И сегодня отнесъ Гржебину эти 10 тысячъ, гдѣ-то ихъ наскребъ (пальто ватное и галстуки продалъ, кажется).

Это изумительно; можетъ быть, кто нибудь изумится еще болѣе, узнавъ, что Гржебинъ такія 10 тысячъ *взялъ?*

Напрасно. Гржебинъ взялъ. Гржебинъ и не то беретъ.

*

Дома у І. І. полный развалъ. Они съ женой вдвоемъ, безъ прислуги въ громадной ледяной квартирѣ съ жестяной лампочкой, и стекло неподходящее, падаетъ. Кашляющая, близорукая, слабая жена І. І. моетъ посуду во тьмѣ, въ гигантской, нетопленной кухнѣ. Но она физически не можетъ ничего дѣлать, какъ и я. Самъ І. І. цѣлый день таскаетъ на плечахъ въ 5 этажъ дрова свои (запасъ еще съ лѣта остался, надо все въ комнаты перетаскать, вѣдь каждое полѣно — какъ золотое). Барышни Р—скія, надъ нами, во тьмѣ занимаются тѣмъ, что распиливаютъ на дрова свои шкафы и столы. Чѣмъ-же и заниматься вечерами.

*

Горькій очень доволенъ всѣмъ. Ждетъ мира со смирившейся Антантой.

Чтожъ, возможно. Европа склоняется.

*

Въ школахъ температура на О. Начальницу школы Ш. и ея мужа опять арестовали (?). Собственныя

ея дѣти ревутъ отъ страха, школьныя дѣти ревутъ отъ холода.

У В. Ф. (центральное отопленіе) 1 морозу. Она уже не моется, не причесывается, не раздѣвается.

*

На всѣхъ фронтахъ «победы». Ждутъ мира. Только одинъ фронтъ: холодъ. Зима наступила на цѣлый мѣсяцъ раньше обычнаго.

*

Я въ полуснѣ. Работа «совѣтскихъ учрежденій» тормозится тѣмъ, что вездѣ замерзли чернила.

*

Англія — опять Принцевы Острова..? Что это? Несчастный народъ, бѣдные мои дикари...

*

Пользуюсь тѣмъ, что тускло загорѣлось (на сколько минутъ?) электричество. Что-то пишу. Продолжаются непрерывные морозы. Мило сказалъ Ллойдъ Джоржъ о Россіи: «пусть они тамъ поразмышляютъ втеченіи зимы». Очень недурно сказалъ. Кажется, этотъ субъектъ самый безстыдный изъ безстыднѣйшихъ. Но логика исторіи безпощадна. И отомститъ ему — рано или поздно. Не мы — такъ она.

*

Надо помнить, что у комиссаровъ — есть все: и двора, и свѣтъ, и ѣда. И всего *много*, такъ какъ ихъ самыхъ — *мало*.

*

Горькій говорилъ по телефону со своимъ «Ильичемъ» (какъ онъ зоветъ Ленина). Тотъ ему первое —

съ хохоткомъ; —: «ну что, васъ еще тамъ въ Петроградѣ не взяли?»

Между нами и другими людьми теперь навѣки стѣна и молчаніе. Разсказать ничего никому нельзя. Да еслибъ и можно — не хочется. Молчаніе. И странный взглядъ на нихъ — сбоку: *ничего не знаютъ.*

Отъединенность навсегда.

*

22 (9) Ноября. — Свѣтъ былъ третьяго дня впродолженіи сорока минутъ. Сегодня нѣтъ вовсе. Какъ и раньше. Катя (наша горничная) слегла. У нея печь разрушилась, Дима перевелъ ее въ свою спальню, самъ въ холодной столовой. Я все утро убираю комнаты, а вчера ночью до 4-хъ часовъ, задыхаясь въ холодной сажѣ, должна была мыть все, до стѣнъ (ужъ какъ могла!) ибо лампа неистово накоптила. Гржебинъ везетъ въ Москву прошеніе за подписью сотни «художниковъ и литераторовъ» — скромное прошеніе о нѣсколькихъ фунтахъ керосина.

Мы большею частью сидимъ при крошечныхъ ночникахъ, ибо керосинъ послѣдній. Дмитрію зажигается на полчаса лампа — лежитъ въ шубѣ на своемъ диванчикѣ, читаетъ о Вавилонѣ и Египтѣ.

Я пишу это, наклонившись къ ночнику, едва вижу свои кривыя строчки.

*

Большевики ликуютъ. Побѣды — и вдали миръ съ покоренной Антантой. — Все думаю надъ однимъ вопросомъ, но рѣшить его не могу. А вопросъ такой: правительство Англіи, что оно, — безчестно или без-

мозгло? Оно непремѣнно или то, или другое, тутъ сомнѣній нѣтъ.

*

Коробка спичекъ — 75 рублей. Дрова — 30 тысячъ. Масло — 3 тысячи фунтъ. Одна свѣча 400 до 500 р. Сахару нѣтъ уже ни за какія тысячи (равно и керосина).

На Николаевской улицѣ вчера оказалась рѣдкость: павшая лошадь. Люди, конечно, бросились къ ней. Одинъ изъ публики, наиболѣе энергичный, устроилъ очередь. И послѣднимъ достались ужъ кишки только.

*

А знаете, что такое, «китайское мясо?» Это вотъ что такое: трупы разстрѣлянныхъ, какъ извѣстно, «Чрезвычайка» отдаетъ звѣрямъ Зоологическаго сада. И у насъ, и въ Москвѣ. Разстрѣливаютъ-же китайцы. И у насъ, и въ Москвѣ. Но при убиваніи, какъ и при отправкѣ труповъ звѣрямъ, китайцы мародерничаютъ. Не всѣ трупы отдаютъ, а какой помоложе — утаиваютъ и продаютъ подъ видомъ телятины. У насъ — и въ Москвѣ. У насъ на Сѣнномъ рынкѣ. Докторъ Н. (имя знаю) купилъ «съ косточкой», — узналъ человѣчью. Понесъ въ Ч. К. Ему тамъ очень внушительно посовѣтовали не протестовать, чтобы самому не попасть на Сѣнную. (Все это у меня изъ первоисточниковъ.)

Въ Москвѣ отравилась цѣлая семья.

*

А на углу Морской и Невскаго, въ реквизированномъ домѣ, будетъ «Дворецъ Искусствъ». По примѣру Москвы. Устраиваютъ Максимъ Горькій и... прости имъ Богъ, не хочу именъ.

*

Трамваи иной день еще ползаютъ, но по окраинамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ перестали освѣщать дома — улицы совсѣмъ исчезли: тихая, черная яма, могильная.

*

Ходятъ по квартирамъ, стаскиваютъ съ постелей куда-то на работы.

*

Л. К. взяли изъ больницы домой, съ плевритомъ (въ больницахъ 2^0). На лѣстницѣ она упала отъ слабости.

Морозъ, морозъ непрерывный. Осени вовсе не было.

Диму таки взяли въ каторжныя («общественныя») работы. Завтра въ 6 утра — таскать бревна.

*

И вовсе, оказалось, не бревна. Несчастный Дима пришелъ сегодня домой только въ 4 ч. дня, мокрый буквально по колѣно. Онъ такъ истощенъ, слабъ, страшенъ, — что на него почти нельзя смотрѣть. (Онъ занимаетъ очень видный постъ въ Публичной Библіотекѣ, но болѣе занятъ дежурствомъ на каналѣ (сторожа дрова на баркѣ) чѣмъ работой съ книгами. Сторожить дрова — входитъ въ службу.

Сегодня его гоняли далеко за городъ, по Ириновской дорогѣ, съ партіей другихъ каторжанъ, — *рыть окопы*. Погода ужасная, оттепель, грязь, мокрый снѣгъ.

Пока я Диму разувала, терла ему ноги щеткой, онъ мнѣ разсказывалъ, какъ ихъ собирали, какъ гнали...

На мѣстѣ дали кирку. Потрясающе, ненужно и безплодно. И всякій зналъ, что это принудительная

безполезность (вспоминаю «Мертвый Домъ» Достоевскаго. Его отмѣтку, что самое тяжелое въ каторжныхъ работахъ — сознаніе ненужности твоей работы. А тутъ еще хуже: *отвратительность* этой ненужной работы).

Никто ничего не нарылъ, да никто и не смотрѣлъ, чтобъ рыли, чтобъ изъ этого вышли какіе нибудь окопы. Самое откровенное издѣвательство.

Послѣ долгихъ часовъ въ водѣ тающаго снѣга — толстый откормленный надсмотрщикъ (бабы его тутъ же, въ глаза, осыпали безплодными ругательствами: «ишь, отъѣлся, морда лопнуть хочетъ») —сталъ выдавать «арестантамъ», съ долгими церемоніями, по 1 ф. хлѣба. Дима принесъ этотъ черный, съ иглами соломы, фунтъ хлѣба — съ собой.

Ассирійское рабство. Да нѣтъ, и не ассирійское, и не сибирская каторга, а что то совсѣмъ внѣ примѣровъ. Для тяжкой ненужной работы сгоняютъ людей полураздѣтыхъ и шатающихся отъ голода, — сгоняютъ въ снѣгъ, дождь, холодъ, тьму... Бывало-ли?

*

Отмѣчаю *засиліе безграмотныхъ*. Вчера явившійся властитель-красноармеецъ требовалъ на «работы» 95 рабовъ и неистово зашумѣлъ, когда ему сказали, что это невозможно, ибо у насъ всѣхъ жильцовъ, валовыхъ, съ грудными дѣтьми — 81.

Не понималъ, слушать не хотѣлъ, но скандалилъ даромъ, ибо противъ ариѳметики не пойдешь, изъ 81 не сдѣлаешь 95-ти. Обѣщалъ кары.

*

Видѣла Н. И. — изъ Царскаго. На минутку въ кухнѣ, всю обвязанную, какъ монашенка. Обѣщала

опять скоро быть, подробно разсказать, какъ она со своимъ мальчикомъ пыталась уйти съ отступающими бѣлыми и — вернулась назадъ.

— Но отчего-же они..? спрашиваю.

— Ихъ было всего 1 корпусъ. Да красные и не дрались. Послали башкиръ. Ну, этимъ все равно. А потомъ нагнали столько «человѣчины»...

Боже мой, Боже мой. Вѣдь эта «человѣчина» — вѣдь это и есть опять все то же «китайское мясо»...

*

Д. С. видѣлъ у заколоченнаго Гостинаго Двора священника, протягивающаго руку за милостыней.

*

Если будетъ «миръ» съ ними... Я поняла, что этого нельзя перенести. И это не простится.

Неужели есть серьезно какая нибудь отрана, какое нибудь правительство (не большевицкое), думающее, что *можетъ* быть, *физически* можетъ, — миръ съ ними? Чортъ съ ней, съ моралью. Я сейчасъ говорю о конкретностяхъ. «Они» подпишутъ всякія бумажки. Примутъ всѣ условія, всѣ границы. Что имъ? Они безграничны. Что имъ условія съ «незаконнымъ» (не «совѣтскимъ») правительствомъ? Самый ихъ принципъ требуетъ неисполненія такихъ условій. Но фикція мира въ ихъ интересахъ. Одурманивъ ею народъ, приведя его къ разоруженію, — они тихими стопами внѣдрятся въ беззащитную страну... вѣдь это же, прежде всего, партія «подпольныхъ» дѣйствій. А въ карманѣ у нихъ уже готовые составы «національныхъ» большевицкихъ правительствъ любой страны. Только подточить и посадить. Выждавъ, сколько нужно. «Мирный переворотъ, по волѣ народа!»

Каждое правительство каждой страны, — какой угодно, хоть самой Америки, — подписывая «миръ» съ большевиками — подписываетъ прежде всего смертный приговоръ себѣ самому. Это $2 \times 2 = 4$.

Ну, а если послѣ войны Европа стала думать, что $2 \times 2 = 5$?

*

Англія, въ лицѣ Ллойдъ-Джорджа, вѣроятно и не очень честна, и не очень умна, а къ тому-же крайне невѣжественна.

Въ послѣднемъ она сама наивно признается.

*

Почти юродивое идіотство со стороны Европы посылать сюда «комиссіи» или отдѣльныхъ лицъ для «ознакомленія». Вѣдь ихъ посылаютъ — къ большевикамъ въ руки. Они ихъ и «ознакамливаютъ». Строятъ декораціи, кормятъ въ Асторіи и открыто сторожатъ денно и нощно, лишая всякаго контакта съ внѣшнимъ міромъ. Попробовалъ бы такой «комиссіонеръ» хотя бы на улицу одинъ выйти. У дверей каждаго часовой.

Отсюда и г. Форстъ (о немъ я своевременно писала), отсюда и этотъ махровый дуракъ мистеръ Гудъ, разъѣзжающій въ поѣздѣ Троцкаго и, купленный вниманіемъ добрыхъ большевиковъ къ его особѣ, — весь растекшійся отъ умиленія.

Нѣтъ! пришлите, голубчики, кого нибудь «инкогнито». Пришлите не къ нимъ, а къ намъ. Пусть поживутъ, какъ мы живемъ. Пусть увидятъ, что мы всѣ видимъ. Пусть полюбуются и какъ существуетъ «смыслъ» страны — ея интеллигенція. Вотъ будетъ дѣло.

А пріѣзжающіе къ большевикамъ... могли бы и не трудиться. Пусть читаютъ, не двигаясь съ мѣстъ, большевицкія прокламаціи. Совершенно такъ-же будутъ «освѣдомлены».

Неужели и добровольцевъ не найдется для «инкогнито»?

Кричу, никогда не кончу кричать объ этомъ.

*

Н. И говоритъ: «... они (бѣлые) не понимаютъ... они думаютъ, что тутъ еще остались *живые люди*»...

Живыхъ людей *не связанныхъ по рукамъ и ногамъ* — здѣсь нѣтъ. А связанныхъ, съ кляпомъ во рту, ждущихъ только первой помощи — о, этихъ довольно. Такіе «живые» люди почти всѣ, кто еще живъ физически.

Опять и опять вызываю добровольцевъ на «инкогнито». Но предупреждаю: рискъ громадный. Весьма возможно, что тѣхъ, кто не успѣетъ подохнуть (съ непривычки это — въ моментъ) — того свяжутъ или законопатятъ, какъ насъ. Доведутъ быстро до троглодитства и абсурда.

Мы недвижны и безгласны, мы (вмѣстѣ съ народомъ нашимъ) врядъ ли уже достойны называтся людьми — но мы еще живы, и — мы *знаемъ, знаемъ*...

*

Вотъ точная формула: если въ Европѣ можетъ, въ XX вѣкѣ, существовать страна съ такимъ феноменальнымъ, въ исторіи небывалымъ, всеобщимъ *рабствомъ*, и Европа этого не понимаетъ, — или это принимаетъ — Европа должна провалиться. И туда ей и дорога.

*

Да, рабство. Физическое убіеніе духа, мысли, всякой личности, всего, что отличаетъ человѣка отъ животнаго. Разрушеніе, обвалъ всей культуры. Безчисленныя тѣла бѣлыхъ негровъ.

Да что мнѣ, что я оборванная, голодная, дрожащая отъ холода? Что — мнѣ? Это-ли страданіе? Да я ужъ и не думаю объ этомъ. Такой вздоръ, легко переносимый, страшный для слабыхъ, избалованныхъ европейцевъ. Не для насъ. Есть ужасъ ужаснѣйшій. Тупой ужасъ потери лица человѣческаго. И моего лица, — и всѣхъ, всѣхъ кругомъ...

Мы лежимъ и бормочемъ, какъ мертвецъ у Достоевскаго, безсмысленный «бобокъ... бобокъ...»

*

Гробъ на салазкахъ. Везутъ родные. Надо же схоронить. Гробъ на прокатъ. Еще есть?

*

Баба, роя рвы въ грязи: «а зачѣмъ тутъ окопы то ефти?» Инструкторъ равнодушно: «да тутъ бѣлые въ 30 верстахъ».

*

Индія? Евреи въ Египтѣ? Негры въ Америкѣ? Сколько вѣковъ до Р. Хр.? Кто мы? Гдѣ — мы? Когда — мы?

*

При свѣтѣ ночника. Странно, такая слабость, что почти ничего не понимаю. Надо стряхнуть.

Послѣдніе дрова. Послѣдній керосинъ (въ ночникахъ). Есть еще дрова, большія чурки, но некому ихъ распилить и расколоть. Да и пилы нѣту.

Ш—скую выпустили. Держали въ трехъ тюрьмахъ, съ уголовными и проститутками. Оказалось по-

томъ, что за то, что у нея есть какой-то двоюродный братъ (а она съ нимъ не видится), который хотѣлъ перейти финляндскую границу. Мужа ея, арестованнаго за то-же, потеряли въ спискахъ.

Они оба — мужъ и жена, — очень интеллигентные люди, создатели одной изъ самыхъ популярныхъ въ Петербургѣ гимназій и дѣтскаго сада. Большевики, полуразрушивъ заведеніе, превративъ его въ «большевицкую школу», оставили чету Ш. завѣдующими. Кстати еще о большевицкихъ школахъ. Это, съ извѣстной точки зрѣнія, самое отвратительное изъ большевицкихъ дѣяній. Разрушеніе *впередъ*, уничтоженіе будущихъ поколѣній. Не говоря о дѣтскихъ тѣлахъ (что ужъ говорить, и такъ ясно!) — но происходитъ систематическое внутреннее разлагательство. Дѣтямъ внушается беззаконіе и принципъ «силы, какъ право». Фактически дѣти превращены въ толпу хулигановъ. Развратъ въ этихъ школахъ — такой, что самъ Горькій плюется и ужасается, я ужъ писала. Дѣвочки 12 до 13 лѣтъ оказываются беременными или сифилитичками. Вѣдь бывшіе институты и женскія гимназіи механически, сразу, сливаютъ съ мужскими школами и съ уличной толпой подростковъ, всего повидавшихъ юныхъ хулигановъ, — вотъ общій, первый, принципъ созданія «нормальной» большевицкой школы. Никакого ученія въ этихъ школахъ не происходитъ, кромѣ декоративнаго, для коммунистовъ-контролеровъ, которые налетаютъ и зорко слѣдятъ: ведется ли школа въ коммунистическомъ духѣ, поютъ ли дѣти «Интернаціоналъ» и не виситъ ли гдѣ въ угду забытая икона. Насчетъ ученія — большевики, кажется, и сами понимаютъ, что нельзя учиться 1) безъ книгъ, 2) безъ свѣта, 3) въ температурѣ, въ которой замерзаютъ чернила, 4) съ рас-

пухшими руками и ногами, обернутыми тряпьемъ, 5) съ тѣми жалкими отбросами, которые посылаются разъ въ день въ школу (знаменитое большевицкое «питаніе дѣтей») и наконецъ съ малымъ количествомъ обалдѣлыхъ, безпомощныхъ, качающихся отъ голода учительницъ, понимающихъ одно: что ничего рѣшительно тутъ нельзя сдѣлать. Просто — служба; проклятая «совѣтская» служба — или немедленная гибель. Учителей нѣтъ совершенно естественно: старые умерли, всѣ болѣе молодые мобилизованы.

Американцевъ бы сюда, такъ заботящихся о дѣтяхъ, что даже протестовавшихъ противъ блокады: бѣднымъ большевичкамъ, молъ, самимъ кушать нечего, и то они у себя послѣдній кусокъ вырываютъ, чтобы дѣтокъ попитать; снимите, злые дяди, блокаду — и расцвѣтутъ бѣдныя «красныя» дѣтки бывшей Россіи... Кажется и мистеръ Гудъ, разъѣзжающій въ императорскомъ поѣздѣ Троцкаго и кушающій тамъ свѣжую икру, — лепеталъ что то въ этомъ родѣ.

Ну, да все равно. Богъ съ ней и съ Америкой. Какая тамъ Америка. Далеко Америка И довольно объ этомъ. Скажу еще только, что случай позволилъ мнѣ наблюдать внѣшнюю и внутреннюю жизнь «совѣтскихъ школъ» очень близко и что все, что я говорю отвѣтственно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Я имѣю точныя фактическія данныя и полное безпристрастіе, ибо *лично* тутъ никакъ не заинтересована. Всѣ дѣти для меня равны. И всякій *человѣкъ* долженъ притти въ такой же бездонный ужасъ, какъ и я, — если онъ только дѣйствительно увидитъ, своими глазами, то, что вижу я.

Начинаются «мирные» переговоры съ прибалтійскими пуговицами. Пожалуйста, пожалуйста. Знаю,

что будетъ — одного не знаю, — сроковъ, временъ. Сроки не подвластны логикѣ. Будетъ-же: большевики съ мѣста начнутъ вертѣть передъ бѣдными пуговицами «признаніемъ полной независимости». Противъ этой конфетки ни одна современная пуговица устоять не можетъ. Слѣпнетъ — и беретъ конфетку, хотя всѣ зрячіе видятъ, что въ рукахъ большевиковъ эта конфетка съ мышьякомъ. Развязанными руками большевики обработаютъ данную «независимую» пуговицу въ «совѣтскую», о, тоже самостоятельную и независимую! Мало-ли у нихъ такихъ «самостоятельныхъ», даже помимо несчастной Украины, куда они сотый разъ сажаютъ «независимаго» Раковскаго, перерѣзавъ очередную часть населенія.

Впрочемъ, еслибъ даже пуговицы и понимали, что лѣзутъ сами въ петлю, — они ничего бы не могли подѣлать: за ихъ спинками переговаривается Англія. Она идетъ по стопамъ Германіи во времена Бреста. Пока еще прячетъ лицо, дѣйствуетъ менѣе честно, нежели Германія, но дайте срокъ, откроется.

Германія получила свое возмездіе. Возмездіе Англіи — впереди.

*

Встряхиваю головой, протираю глаза и соображаю:

о нашей жизни нельзя никому разсказать потому, — что мы *забыли* сами (отъ привычки) основные абсурды, на которыхъ все покоится, а говоримъ лишь о слѣдствіяхъ, о фактахъ, *вытекающихъ* изъ этихъ абсурдовъ. Естественно, что это плодитъ недоразумѣнія.

Говоримъ? даже и о слѣдствіяхъ, объ этой цѣпи повседневныхъ фактовъ — говоримъ-ли мы? Вотъ, я,

— здѣсь, на этихъ тайныхъ страницахъ развѣ... Вѣдь мы *безгласны* въ самомъ прямомъ смыслѣ слова, всѣ мы со всѣмъ русскимъ народомъ. Я обвиняю Европу, но какъ ей видѣть, какъ понимать, что слышать? Будемъ объективны, будемъ справедливы. Россія гробово молчитъ; отсюда до Европы доходитъ лишь то, что угодно сказать большевикамъ.

А они говорятъ, и очень громко, и очень настойчиво, вотъ что:

у насъ — *революція;*

у насъ — *диктатура пролетаріата,* а коренной нашъ принципъ — правительство рабоче-крестьянское. Мы постепенно вводимъ въ жизнь, воплощаемъ всѣ идеи научнаго *соціализма,* мы уничтожимъ капиталъ, уничтожаемъ частную собственность, идемъ къ уничтоженію денегъ. Мы за полное равенство всѣхъ. У насъ система *Совѣтовъ* — совершеннѣйшій изъ всѣхъ выборныхъ институтовъ. Перевыборы строго совершаются каждые полъ года, — самъ народъ управляетъ страной. Мы за миръ всего міра, но такъ какъ враги наши не оставляютъ насъ въ покоѣ, то для защиты своего соціалистическаго строя, народъ создалъ могущественнѣйшую красную армію и борется за соціализмъ не жалѣя крови, терпитъ голодъ, нужду, лишенія, — только бы не отняли у него его «собственнаго» правительства. Съ внутренними врагами русскій народъ, — рабочіе и крестьяне, — борятся посредствомъ созданныхъ имъ правительственныхъ учрежденій, — Исполкомы, Че—Ка и друг. Всѣ враги Совѣтской власти, безъ исключенія, желаютъ отдать фабрики — капиталистамъ, отнявъ у рабочихъ, а землю — помѣщикамъ, отнявъ у крестьянъ.

Революція — это мы.

Соціализмъ и какъ совершеннѣйшая его точка, коммунизмъ — это мы.

Поэтому:

Кто противъ *насъ* — тотъ противъ революціи, (контрреволюціонеръ) противъ соціализма, (соціалъ-предатель) противъ рабочихъ и крестьянъ, (буржуй, — помѣщикъ, капиталистъ).

Вотъ, въ главной чертѣ, то, что говорятъ большевики Европѣ, — говорятъ упорно и громко. Еще бы не громокъ былъ ихъ голосъ, когда онъ не заглушается ничьимъ, когда это *единственный* голосъ, идущій изъ Россіи. Эту единственность они взяли силой, но главный ихъ принципъ, котораго они и не скрываютъ — «*сила есть право*».

Признаетъ-ли Европа, тайно и безсознательно, этотъ принципъ, противъ котораго явно она вела войну съ Германіей, или просто не думаетъ, не соображаетъ, не разбирается, — пока оставимъ. Я веду вотъ къ чему. Я веду къ указанію на главные, коренные абсурды, — основы нашей дѣйствительности. «Черезъ головы европейскихъ правительствъ», какъ все время говорятъ большевики, мнѣ хотѣлось бы обратиться къ рабочимъ всего міра, соціалистамъ всего міра, съ такими утвержденіями (отвѣтственными, ибо далѣе я предлагаю реальную провѣрку, — жизненную).

Я утверждаю, что ничего изъ того, о чемъ говорятъ большевики Европѣ — НѢТЪ.

Революціи — нѣтъ.

Диктатуры пролетаріата — нѣтъ.

Соціализма — нѣтъ.

Совѣтовъ, и тѣхъ — нѣтъ.

Я могла бы здѣсь послѣдовательно мотивировать каждое «нѣтъ», но это лишнее: развѣ въ листкахъ мо-

его дневника не достаточно доказательствъ? Да и нужны-ли словесныя доказательства тѣмъ, кто *хочетъ* вѣрить лжи?

Нѣтъ я предложила-бы иное... (Я знаю, знаю, что это мечты, это мои сказки, которыя я сама себѣ разсказываю, сидя въ холодной банкѣ съ пауками, сидя безгласно и слѣпо... Но пусть. Эти сказки все же трезвѣе дѣйствительности.)

Мнѣ хотѣлось бы предложить рабочимъ всѣхъ странъ слѣдующее. Пусть каждая страна выберетъ *двухъ* уполномоченныхъ, двухъ лицъ, честности которыхъ она бы вѣрила (или ни въ одной странѣ не найдется и двухъ абсолютно честныхъ людей?). И пусть они поѣдутъ *инкогнито* (даже полу-инкогнито) въ Россію. Кромѣ честности нужно, конечно, мужество и безстрашіе, ибо такое дѣло — подвигъ. Но не хочу я вѣрить, что на цѣлый народъ въ Европѣ не хватитъ двухъ подвижниковъ.

И пусть они, вернувшись (если вернутся) скажутъ «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ»: есть ли въ Россіи революція? Есть-ли диктатура *пролетаріата?* Есть-ли самъ пролетаріатъ? Есть-ли «рабоче-крестьянское» правительство? Есть-ли хоть что нибудь похожее на проведеніе въ жизнь принциповъ «соціализма»? Есть-ли Совѣты, т. е. существуетъ ли въ учрежденіяхъ, называемыхъ Совѣтами, хоть тѣнь выборнаго начала?

Въ громадномъ НѢТЪ, которымъ отвѣтятъ на всѣ эти вопросы *честные* люди, *честные* соціалисты, вскроется и коренной, основной абсурдъ происходящаго.

Пока онъ не вскрытъ, пока далекія рабочія массы и соціалистическія партіи вѣрятъ плакатамъ, которыми большевики завѣсили границу Россіи (я говорю о

вѣрящихъ наивно, а не о тѣхъ, кто ради собственнаго интереса, личнаго властолюбія и т. д. притворяется, что вѣритъ) — пока это такъ — до тѣхъ поръ безцѣльно освѣдомлять о тѣхъ фактахъ русской жизни, которыхъ большевики скрыть не могутъ. Они оправданы:

«Терроръ, — но вѣдь революція!

«Поголовный наборъ, принудительный, — но вѣдь на «Совѣтскую власть» нападаютъ, принуждаютъ воевать!

«Голодъ и разруха, — но вѣдь блокада! Вѣдь буржуазныя правительства не признаютъ «соціализма».

«Всѣ нищіе, — но вѣдь равенство!»

(Равенства тоже нѣтъ, ибо нигдѣ нѣтъ такихъ богачей, такихъ милліардеровъ, какъ сейчасъ въ Россіи. Только ихъ десятки — при милліонахъ нищихъ.)

«Уничтоженіе науки, искусства, техники, всей культуры вмѣстѣ съ ихъ представителями, интеллигенціи, — но вѣдь диктатура пролетаріата! Все это — наука, искусство, техника, — должно быть пролетарскимъ, а интеллигенція, кромѣ того, — контръ-революціонеры!

«Нѣтъ свободы ни слова, ни передвиженія, и вообще никакихъ свободъ, все, вплоть до земли, взято «на учетъ» и въ собственность правительства, — но вѣдь это-же «рабоче-крестьянское» правительство, и поддержанное всѣмъ народомъ, который даетъ своихъ собственныхъ представителей — въ Совѣты!»

Да, надо повалить основные абсурды. Разоблачить сплошную сумасшедшую, основную ЛОЖЬ.

Основа, устой, почва, а также главное, безпрерывно дѣйствующее оружіе большевистскаго правленія *ложь*.

*

И я утверждаю ... (слѣдующія двѣ строки не могу разобрать; кажется, о томъ, что внезапно погасъ всякій свѣтъ и не могу кончить записъ сегодняшняго дня).

*

26 Ноября (10 Декабря). — Дни оттепели, грязи, тьмы. По улицамъ не столько ходятъ, сколько лежатъ.

Господи! А какъ выдержать этотъ «миръ»? Стѣны тьмы окружили, — стѣны тьмы!

Говорятъ, что уже чума появилась. Больше ни о чемъ не говорятъ. Въ газетахъ все то-же. Разнузданная, непечатная ругань — всѣмъ правительствамъ на свѣтѣ. Особенно Англіи. И чѣмъ она-то имъ не угодила? Не говоритъ? Заговоритъ еще. Утрется отъ плевковъ, — и опять имъ заулыбается. Ничего, пусть, на свою голову.

О чемъ еще «говорятъ?» Ждутъ новыхъ обысковъ. Дровяныхъ. Больше ни о чемъ не говорятъ.

Русскіе заграницей — «паріи»? Вотъ какъ? Пожалуйста. Съ какимъ презрѣніемъ (праведнымъ) смотрѣла бы я на европейцевъ, попади я сейчасъ заграницу. Не боюсь я ихъ. Съ высоты моей горькой мудрости, моего опыта, смотрѣла бы я на нихъ.

Ни-че-го не понимаютъ.

*

22 Декабря. — Горькій вернулся изъ Москвы. Увѣряетъ, что ѣздилъ «смягчать» политику, но ничего не добился. Обѣщаютъ твердо стоять на прежней: непремѣнно разстрѣлы, непремѣнно заложники и «война до побѣднаго конца». Всякій «миръ», который имъ удастся выловить, они тоже считаютъ «побѣднымъ концемъ». Ибо тогда-то и начнется настоя-

щее внѣдреніе въ уловленную страну. Попалась птичка. Если въ мирныхъ условіяхъ придется подписать «отказъ отъ пропаганды» — что это мѣняетъ? «Исполненіе условій по отношенію къ незаконному правительству (буржуазному, демократическому) — мы не считаемъ для себя обязательнымъ».

Опять все то-же. И вѣчно будетъ то-же, всегда. И это насъ не удивляетъ. Удивило бы другое.

Горькій манилъ Антантой. Если, молъ, ослабить терроръ — Антанта признаетъ. На это «Ильичъ» безстрастно отвѣтилъ, что «и такъ признаетъ. Увидите. Очень скоро начнетъ съ нами раговаривать, Англія ужъ начала. Ее принудятъ ея массы, надъ которыми мы работаемъ. Европа уже вся въ рукахъ своихъ рабочихъ массъ. Держится лишь тонкая буржуазная скорлупа.»

Да, большевики не утруждаютъ себя дипломатіей. Откровенны до послѣднихъ предѣловъ относительно своихъ плановъ, — убѣдились, что Европа все равно ничего не пойметъ. Не стѣсняются.

«Миры» свои хотятъ какъ по нотамъ разыграть. Планъ этой «мирной» компаніи тоже объявляютъ во всеуслышаніе. Кратко онъ таковъ: и невинность сохранить, и капиталъ пріобрѣсти. Я слишкомъ много писала объ этихъ «мирахъ». Слишкомъ ясно.

Для новорожденныхъ пуговицъ, вродѣ Эстоніи, Латвіи и т. д., они держатъ въ одной рукѣ заманчивую конфетку «независимости», другой протягиваютъ петлю и зовутъ: «Эстоша, поди въ петельку. Латвійка ужъ протянула шейку.»

Передъ далекими великими и глупыми (оглупѣвшими) державами они будутъ бряцать краденымъ золо-

томъ и помавать мнѳическими «товарами» (?). Все это объявлено и расписано. Такъ и будетъ.

Порою изумляешься: и какъ это они воюютъ? Какъ это они, раздѣтые, наступаютъ? Вѣдь *лютая* зима. Вѣдь сегодня 26 мороза по Реомюру.

Но и не воевать, сидѣть дома, здѣсь, не легче. Даже когда топимъ печку, выше 7 не подымается. Мерзнутъ руки, все, за то ни возьмешься — ледяное. Спимъ почти одѣтые. Окна къ утру покрываются ледяной корой.

Я давно поняла, что холодъ тяжеле голода. И все таки, все таки, опять повторю, голодъ и холодъ вмѣстѣ — ничто передъ внутреннимъ, душевнымъ, духовнымъ смертнымъ страданіемъ нашимъ, — единственнымъ.

Запишу нѣсколько цѣнъ даннаго момента. Это — зима 19—20 г.

Могу съ точностью предсказать, насколько подымется цѣна всякой вещи черезъ полгода. Будетъ ровно втрое, — если эта вещь еще будетъ.

Вѣдь отчего сдѣлалось безсмысленнымъ писать дневникъ? Потому что ужъ съ давнихъ поръ (годъ, можетъ быть?) ничего *новаго* сдѣлаться здѣсь не можетъ; все сдѣлалось до конца, перевертъ на изнанку произошелъ. Никакого *качественнаго* измѣненія, пока сидятъ большевики, — сиди они хоть 10 лѣтъ; предстоятъ лишь количественныя перемѣны, а такъ какъ есть точная наука — геометрія, и такъ какъ мы имѣли время наблюдать способы ея приложенія, то нѣтъ уже никакой надобности и сидѣть тутъ въ 20, 21-мъ году, чтобы точно знать въ 20-мъ году положеніе въ Россіи. Высчитать, когда, во сколько разъ будетъ больше смертей, напримѣръ — ничего не стоитъ, зная цифры даннаго дня.

Ohé, Bergson! Мы вышли изъ твоей философіи. Кончена l'imprévisibilité. Остался «учетъ», — по Ленину.

Итакъ — вотъ сегодняшнія цѣны, зима 19—20 г. (черезъ полгода: втрое, кое-что вчетверо, большая часть — ни за какія деньги).

Фунтъ хлѣба — 400 р., масла — 2300 р. мяса — 640—650 р., соль — 380 р., коробка спичекъ — 80 р., одна свѣча — 500 р., мука — 600 р. (мука и хлѣбъ — черные, и почти суррагатъ). Остальное соотвѣтственно.

А въ «Домѣ Искусствъ» — открытіе. Былъ чай, пирожныя (всего по сту рублей), кончилось танцами: Оцупъ провальсировалъ съ m-me Ходасевичъ.

О спекулянтахъ нашего дома: жирный А., попавшійся на спирту (8 милліоновъ) былъ на краю смерти: спасся выдачей всѣхъ на мѣстѣ разстрѣла. Теперь собирается «поднимать» къ себѣ икону Скорбящей, молебенъ служить.

Другой, Я—ъ, пока расцвѣтаетъ: сидитъ уже въ барской квартирѣ, по нашей лѣстницѣ, обставилъ себя нашимъ піанино, часами I. I., чьимъ то грамофономъ, который непрерывно заводитъ, — и покровительственно «принимаетъ» Диму.

Третій, primo speculanto, ступенькой повыше, — Гржебинъ, — обставилъ себя награбленнымъ у писателей. Тоже принимаетъ «покровительственно», но старается изо всѣхъ силъ, хотя и безуспѣшно, сохранить «оттѣнокъ благородства».

Люди-ли это?

Я ужъ предпочитаю Г. изъ Смольнаго, изъ Военной Секціи. Онъ очень интересенъ. Когда нибудь напишу о немъ подробно. Важная шишка. Русскій. Выслужился изъ курьеровъ. Очень молодъ. Знаетъ

Достоевскаго наизусть. Любитъ Дмитрія. Почти обидѣлся, когда я спросила, знаетъ ли онъ меня... *Все понялъ*, подписывая намъ командировки, хотя «слово» между нами не было сказано...

Не коммунистъ, т. е. не записанъ въ партію, потому что — «я вѣрующій христіанинъ». При записи въ к. партію нужно, оказывается, какое-то отреченіе...

О Г. я напишу впослѣдствіи подробнѣе, и напишу съ удовольствіемъ... А теперь коснусь, кстати, того, чего я намѣренно здѣсь еще не касалась.

Церкви.

Очень много можно тутъ сказать. Но ограничусь самыми краткими словами и фактами. И эти-то факты упоминать тяжело.

Слѣдуетъ, говоря о данномъ моментѣ, раздѣлить такъ:

1. Православіе, Церковь, — іерархія.
2. Народъ.
3. Тактика большевиковъ.

Лѣтнее письмо патріарха, унизительное и заискивающее, къ «Совѣтской Власти», «всегда бережно относившейся» и т. д. Большевики съ упоеніемъ напечатали его во всѣхъ газетахъ, но не преминули снабдить своими побѣдно-ликующими комментаріями. На униженную просьбу «не разстрѣливать священниковъ» отвѣтили просто ляганьемъ. Съ другой стороны — здѣшній митрополитъ, при той-же, лишь болѣе скрытой политикѣ, ходитъ пѣшкомъ, одемократился, и благосклоненъ къ интеллигентскому кружку нѣкоторыхъ священниковъ вродѣ А. В. и Е., пустившихся въ новшества и дѣлающихся все популярнѣе. Св. А. В. (мы его знали еще студентомъ) склоняется въ кликушество

(говорю рѣзко) — имъ поработилась даже Анна Вырубова, знаменитая «дочь Гришки Распутина» когда-то. Измученная интеллигенція влечется туда-же.

Священники простецкіе, не мудрствующіе, — самые героичные. Ихъ то и разстрѣливаютъ. Это и будутъ настоящіе православные мученики.

Народъ? Церкви полны молящимися. Народъ дошелъ до предѣла отчаянія, отчаяніе это слѣпое и слѣпо гонитъ его въ церковъ. Народъ русскій никогда не былъ православнымъ. Никогда не былъ религіознымъ-сознательно. Онъ имѣлъ данную форму христіанства, но о христіанствѣ никогда *не думалъ*. Этимъ объясняется та легкость, съ которой каждый, если ему какъ бы предлагается выходъ изъ отчаяннаго положенія — записаться въ коммунисты — тотчасъ сбрасываетъ съ себя всякую «религіозность». Отрекается не почесавшись (Даже Г. удивлялся). Невинность ребенка или идіота. Женщины въ особенности. Внѣшнія традиціи у многихъ подъ шумокъ хранятся. Такъ — любятъ вѣнчаться въ церкви. Не жалѣютъ на это денегъ и очень хитрятъ. Ну, а кому все равно нѣтъ выбора, все равно отчаяніе и некуда итти — идутъ въ церковь. Кланяются, крестятся, — молятся, въ самомъ дѣлѣ молятся, ибо Кому-то, кого не знаютъ, несутъ душу, полную темнаго отчаянія.

Большевики сначала грубо наперли на церковь (исторіи съ мощами) но теперь, кажется, измѣнятъ тактику. Будутъ только презирать, чтобы ко времени, если понадобится, и церковь использовать. Нѣкоторые, поумнѣе, говорятъ, что потребность «церковности» будетъ и должна удовлетворяться «ихъ церковью» — коммунизмомъ. Это даже по чертовски глубоко.

Написала — и какъ-то мнѣ стало противно. Почти невыносимо говорить объ этомъ. Страшно[1]).

*

23 (10) Декабря.

Вотъ что надо не забыть. Вотъ чего не знаютъ тѣ, которые не сидятъ съ нами, гуляютъ на свободѣ. Русскіе ли они? Я склонна думать, что они перестали быть русскими. Русскіе только мы, только въ Россіи.

Надо не забывать этихъ глазъ, полныхъ горечи и негодованія, этихъ тихихъ словъ, которыми мы обмѣнивались здѣсь слишкомъ часто:

— Опять!

— Опять?

— Да. Все то-же. Опять объявили (бѣлые, тѣ или другіе, очередная надежда на освобожденіе Россіи, словомъ), — то-же самое. Не признаютъ «независимости» (чьей нибудь). Опять большевики ликуютъ. Чтожъ, правы. Побѣдили.

— Да можетъ неправда? Да не могутъ же «они» держаться за старое безуміе? Вѣдь это-же приговоръ собственному дѣлу?

— Вотъ подите. Сумасшедшіе. Слѣпые. Не только Россію глубже въ землю зарываютъ — и себя хоронятъ. Что дѣлать?

Но мы знаемъ, что намъ нечего дѣлать. Даже сказать мы ничего не могли. А если бъ и могли?

---

[1]) И это положеніе, какъ данное въ 19 году, было вѣрно. Къ счастью, Россія, изъ двухъ отъ него путей, избрала благой и вѣрный. Нынѣ религіозное движеніе, поддерживаемое сознательной частью духовенства и общества, захватываетъ всѣ слои населенія. Большевики уже безсильны бороться съ нимъ . . . вѣдь оно «а-политично» . . .

Сказать — не повѣрятъ.
Кричать — не поймутъ.
И близится чередъ,
Свершается Судъ . . .

Съ неумолимой, роковой однообразностью каждая русская сила, собиравшаяся на большевиковъ, начинала съ того, что кого нибудь «не признавала»: даже Финляндію (фатальная архи-глупость!) ужъ не говоря о Латвіяхъ, Эстоніяхъ и т. д. Мы содрогались, мы хохотали истерическимъ хохотомъ отчаянія, — а они, со всей преступной тупостью (честной, быть можетъ) объявляли, что не позволятъ «расчленять Россію... Россію, которой сейчасъ *нѣтъ*.

Это, во-первыхъ, косвенное признаніе большевиковъ и Россіи большевистской. Вѣдь это одни большевики хотятъ своей «недѣлимой» Россіи, они одни ею сейчасъ владѣютъ и дѣйственно эту недѣлимость поддерживаютъ. Всѣ *ими* провозглашенныя «независимости», ихнія, «совѣтскія», вродѣ Украйны съ Раковскимъ, — конечно вздоръ, куры смѣются. Они «упустили» какъ Финляндію, такъ и всѣ прибалтійскіе кусочки. И не взявъ силой, подходятъ съ «мирами»: имъ «хоть мытьемъ, хоть катаньемъ» — все равно. Увернувшіяся маленькія государства, влюбленныя въ «независимость», идутъ на «миръ» — что же имъ дѣлать? Хитрое «мирное» завоеваніе, когда-то еще будетъ, — они глаза закрываютъ. Можетъ и не сейчасъ, но пока — «независимость». Если-же, не дай Богъ, бѣлые свергнутъ большевиковъ, — каюкъ: вѣдь заранѣе объявляютъ, что никакой «независимости».

Всѣ сосѣди, большіе и маленькіе, при такомъ положеніи, *не могутъ* содѣйствовать бѣлымъ, *должны*, естественно, стоять за большевиковъ, сегодня.

Это практическій результатъ. Но самъ внутренній корень такихъ «непризнаній» старъ, глупъ, гнилъ. Не говоря даже о Польшѣ и Финляндіи (еще бы!) — но вотъ эти всѣ Литвы, Латвіи и т. д., эти «прибалтійскія пуговицы», какъ я ихъ называю безъ всякаго презрѣнія, — да почему имъ въ концѣ концовъ, не быть самостоятельными? Если они хотятъ и *могутъ*, — какое «патріотическое» русское чувство должно, смѣетъ, противъ этого протестовать? Царское чувство — пожалуй, чувство людей съ сѣдой и лысой душой, все равно близкой къ гробу.

Вотъ эти сѣдыя и лысыя души губятъ Россію, насъ и себя. Не разъ не два — все время.

А мы, отсюда, мы, *знающіе*, и ужъ конечно, не менѣе русскіе, чѣмъ все это, по своему честное, старье — мы не только не боимся никакого «расчлененія» царской Россіи: мы хотимъ этого расчлененія, мы вѣримъ, что будущая Россія, если станетъ «собираться», то на иныхъ принципахъ, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ позволитъ новый принципъ.

Это будущее. А сейчасъ, кромѣ того, какъ не радоваться каждому клочку земли, увернувшемуся изъ подъ власти большевиковъ? Да еслибъ Смоленская губернія объявила себя независимой, свергла комиссаровъ и пожелала самоопредѣляться — да пусть, съ Богомъ, самоопредѣляется, управляется, какъ можетъ, — только бы не большевиками. Почему «не патріотично» признавать ее? Требовать, чтобы не смѣла освобождаться отъ большевиковъ? Этотъ дикій «патріотизмъ» въ сущности ставитъ знакъ равенства между Большевизіей и Россіей (въ ихъ понятіи). «Не признаемъ частей, отдѣлившихся отъ Россіи». — читай: отъ Большевиковъ. Безуміе. Безчеловѣчность.

Не могу больше писать. Не знаю, когда буду писать.

Не знаю, что еще... Потомъ?

А сегодня опять съ «человѣчиной». Это яденіе человѣчины случается все чаще. Китайцы не дремлютъ. Притомъ выскакиваютъ наружу, да еще въ наше поле зрѣнія, только отдѣльные случаи. Сколько ихъ скрытыхъ...

Я стараюсь скрѣпить душу желѣзными полосами. Собрать въ одинъ комокъ. Не пишу больше ни о чемъ близкомъ, маленькомъ, страшномъ. Оттого только объ общемъ. Молчаніе. Молчаніе.

Это послѣдняя запись «Сѣраго Блокнота»... На другой день, въ среду, 24 Декабря 1919 г., совершился нашъ отъѣздъ изъ Петербурга съ командировками на Г., а затѣмъ, въ Январѣ 1920 г. — переходъ польской границы.

Мучительныя усилія и хлопоты, благодаря которымъ могъ осуществиться нашъ отъѣздъ изъ Петербурга, затѣмъ побѣгъ — не отражены въ записи послѣднихъ дней по причинѣ весьма понятной.

Хотя маленькій блокнотъ не выходилъ изъ кармана моей мѣховой шубки, а шубку я носила, почти не снимая, — писать даже и то, что я писала, было безуміемъ, при вѣчныхъ повальныхъ обыскахъ. У меня физически не подымалась рука упомянуть о нашей послѣдней надеждѣ — надеждѣ на освобожденіе.

Дневникъ въ Совдепіи, — не мемуары, не воспоминанія «послѣ», а именно «дневникъ», — вещь исключительная, не думаю, чтобы ихъ много нашлось въ

Россіи, послѣ освобожденія. Развѣ комиссарскіе. Знаю человѣка, который, для писанія дневника, прибѣгалъ къ неслыханнымъ ухищреніямъ, ихъ невозможно разсказать; и не увѣрена все таки, сохраняется-ли онъ до сихъ поръ.

Впрочемъ, — нужно-ли жалѣть? Не сдѣлалась ли жизнь такою, что «дневникъ», всякій, — дневникъ мертвеца, лежащаго въ могилѣ?

Я знаю: и теперь, за эти мѣсяцы, въ могилѣ Петербурга ничто не измѣнилось. Только процессъ разложенія идетъ дальше, своимъ опредѣленнымъ, естественнымъ, извѣстнымъ всѣмъ, путемъ.

Первая перемѣна произойдетъ лишь вслѣдъ за единственнымъ *событіемъ*, котораго ждетъ вся Россія, — сверженіемъ большевиковъ.

Когда?

Не знаю временъ и сроковъ. Боюсь словъ. Боюсь предсказаній. Но душа моя, все таки, на этотъ страшный вопросъ «когда?» — отвѣчаетъ: скоро.

3 Октября, 1920 г. Варшава.

Д. В. ФИЛОСОФОВЪ

НАШЪ ПОБѢГЪ

I

Черный морозъ. Среда, 24 Декабря (11) — западный сочельникъ. Преддверіе 20-го года. Вчера, 23-го, была оттепель. А за день — такой-же морозъ, какъ сегодня, жгучій и черный.

Отправляемся на Царскосельскій вокзалъ, — на двухъ, съ неимовѣрными трудами добытыхъ, извощикахъ, — 2 тысячи рублей каждый. Мы уже сразу едва живы отъ усталости. Сколько мукъ было, волненій, униженій! У каждаго изъ насъ, — насъ четверо, — командировки въ Х, кровью и потомъ добытыя. Командировки отличныя, — ѣдутъ такіе-то «товарищи» для чтенія лекцій по исторіи литературы и искусства среди красноармейскихъ частей. И еще всякія бумажки... Словомъ — мы архи-легальны. Но психологія уже нелегальная. Все время кажется, что на насъ косо смотрятъ, подозрѣваютъ о твоихъ преступныхъ планахъ.

На вокзалѣ носильщикъ (1000 р.) мрачно взялъ наши пакеты, всѣмъ своимъ видомъ предсказывая худое.

Вокзалъ — новый, просторный, — неузнаваемъ: заплеванъ, загаженъ, полонъ солдатьёмъ. Сѣли куда-то, пока нашъ молодой спутникъ пошелъ возиться съ комендатурой. До отхода поѣзда еще часа два. Ждемъ. Состояніе тупой рѣшимости и готовности на все...

Постепенно кучи солдатья ростутъ, и вотъ откуда-то слышатся рѣчи: «что дала совѣтская власть? Все дала совѣтская власть!» Оказывается — избирательное собраніе въ Совѣтъ. Каждые $^1/_2$ года, строго по конституціи, повторяется комедія «выборовъ».

Говорилъ, однако, всего одинъ «товарищъ». Ему жидко похлопали. Затѣмъ началось пѣнье. Въ этомъ холодномъ, вонючемъ, тускло освѣщенномъ вокзалѣ пѣли артисты изъ оперы (ничего не подѣлаешь, служба!) Пѣли аріи изъ Севильскаго Цырюльника, Мефистофеля и т. д. Затѣмъ оркестръ балалаечниковъ и наконецъ — общее, жидкое, офиціальное пѣніе Интернаціонала. Кстати: что они съ этимъ Интернаціоналомъ сдѣлали? По французски слова его полны огня, нельзя себѣ представить, чтобы и звуки его могли быть не бодрыми.

C'est la lutte finale,
Groupons nous, et demain . . . —

Когда же начинается у насъ большевистская тягучка:

Э-то по-слѣд-ній рѣ-ши-и--тельный- бой . . .

то рѣшительно кажется, что кого-то хоронятъ, кого-то отпѣваютъ . . . И не «бой» слышится, а «надгробное рыданіе . . .»

Да, молодцы — большевики. Знаютъ свое дѣло. Скрутили русскій народъ. Ужъ теперь и рѣчей не говорятъ. Выборное собраніе, — «выбирайте» скорѣе, кого велѣно, а за то вамъ будетъ музыка, позабавимъ. «Сатана тамъ правитъ балъ», рычалъ басо-баритонъ, и отъ этого рыка подымалась тошнота. Діаволовъ водевиль. Вонючій, заплеванный, прокуренный залъ, невидимое присутствіе сыпной вши, чрезвычайки, большевицкой мерзости, мужицко-солдатской глупости . . .

Я предпочитаю не описывать наше вхожденье въ

вагонъ: оно было воистину неописуемо. Имѣя всѣ возможныя бумаги, грамоты, подписи, билеты, номера, даже какія-то «литеры», и стоя, послѣ дикаго бѣга въ шубахъ по платформѣ, передъ вагономъ самаго «международнаго» вида, — (когда мы бѣжали по платформѣ, моя спутница бросила, — не потеряла — а бросила одинъ тюкъ) — мы все таки были убѣждены, что останемся. Войти въ вагонъ казалось невозможнымъ физически. Гдѣ были два остальные наши спутника — мы не знали. Тамъ-ли, въ вагонѣ, въ этой черной кишащей дырѣ, или гдѣ нибудь на рельсахъ, съ вещами?

Но уже и стоять было нельзя. Насъ подхватило и медленно стало нести, просовывать въ черную кашу. Не знаю, долго ли продолжалось это впиранье въ абсолютно темный корридоръ, въ тюки, подобные горамъ, въ мягкую толщу невидимыхъ солдатъ... Ощущенье конца жизни, чувство червяка, котораго сейчасъ раздавятъ.

Поѣздъ между тѣмъ тронулся. Моя спутница сидѣла уже гдѣ-то подъ потолкомъ, на какихъ-то ящикахъ и на чьемъ то плечѣ. Въ темнотѣ коридора теперь начали аукаться, перекликаться. Узнаемъ голосъ одного спутника, потомъ другого, — отзываемся. Одинъ далеко, на концѣ вагона, другой З, — ближе. Прошло, однако, съ полчаса, пока мы всѣ соединились.

На бумагѣ у насъ четверыхъ должно было быть отдѣльное купэ. Въ этомъ купэ, когда мы его нашли, уже сидѣло человѣкъ 11. Кое какъ М. втиснулся на верхнюю полку, спутница наша тоже, З. тоже полѣзъ наверхъ.

Внизу зажгли огарокъ. Онъ освѣтилъ кучи головъ, мѣшковъ и ящиковъ — вездѣ: и въ нашемъ купэ, и въ коридорѣ.

Въ первыя минуты не было сомнѣній: надо выйти на первой станціи и вернуться. Пробыть двое (хорошо двое!) сутокъ въ этомъ положеніи, въ этой атмосферѣ, — вагонъ бурно отапливался, — казалось невозможнымъ. Это было настоящее физическое страданіе. Наша спутница уже лежала въ полуобморокѣ.

Но мы не вышли. И хотя я до сихъ поръ не могу безъ ужаса и удивленья вспомнить эту ночь — я до сихъ поръ радуюсь, что мы рѣшили претерпѣть и это.

Длинная-длинная ночь удушья подъ гулъ голосовъ внизу. Иногда зажигаютъ огарокъ, вижу блѣдныя, вытянутыя лица сидящихъ внизу; рядомъ уже знакомую физіономію еврейчика, полу-инженера, и еврейки, ѣдущей въ Витебскъ. Въ углу плачетъ невидимый ребенокъ: онъ тоже задыхается. Часы идутъ...

А вотъ и поздній зимній разсвѣтъ. Посѣрѣло.

Утромъ въ купэ и въ прилегающей къ нему части коридора устанавливается мало-по-малу человѣческое общеніе.

II

Въ коридорѣ, противъ насъ, на грудѣ какихъ-то тюковъ, умостилось человѣкъ пять красноармейцевъ. Звенѣлъ, какъ колокольчикъ, голосъ одного изъ нихъ, говоруна-краснобая.

На видъ — обыкновенный русскій солдатъ изъ денщиковъ или писарей. Лицо, что называется, обыкновенное, маленькіе усики, широкія скулы. Одѣтъ скромно, безъ современнаго франтовства, не то что его молодой товарищъ. У того часы браслеткой, кольцо на мизинцѣ. Какой языкъ у краснобая! Сыплетъ поговорками, пословицами, остроумными замѣчаніями. Спутники гогочутъ.

Сразу не разберешь ихъ политической оріентаціи. Юморъ Разгуляева, — фамилію я узналъ лишь при прощаніи, — не щадитъ никого. Особенно же достается — евреямъ.

Поодаль, въ коридорѣ, сидѣлъ еврей, тоже изъ компаніи. Разгуляевъ иначе къ нему не обращался, какъ поддразнивая: «Мовшэ, Мовшэ! Ну и что ты тамъ изъ подъ себя думаешь?»

Начальство постоянно провѣряло документы, искало продуктовъ. Комендантъ поѣзда, увидавъ наши командировки и узнавъ, что ѣдутъ писатели, отнесся къ намъ очень почтительно. Вѣсть объ этомъ быстро разошлась по вагону; разгуляевская группа стала относиться къ М. даже съ ласкою и вниманіемъ.

По мѣрѣ того, какъ люди выходили, разгуляевцы перемѣщались въ наше купэ, но верхнихъ коекъ не трогали. Самъ Разгуляевъ сѣлъ на край лавки, гдѣ сидѣлъ я, и заставилъ меня растянуться, отдохнуть.

Но съ Витебска начался штурмъ вагона. Вваливались люди, въ полной темнотѣ начинали вопить, что-то требовать, ломились въ запертое купэ какихъ то комиссаровъ. Маленькій кривоногій еврей заявилъ, что везетъ полтора милліона казенныхъ денегъ («на пропаганду въ Польшѣ!») что ему необходимо отдѣльное купэ, а публику чтобы высадить.

Пошла невѣроятная свара и даже свалка. Затѣмъ появились красноармейцы съ ружьями и кто-то кого-то арестовалъ.

Ночи, вообще, мнѣ помнятся, какъ непрерывный скандалъ. Удушье и дикіе вопли во тьмѣ. Который это кругъ Дантовскаго ада?

Разгуляевцы грудью защищали наше купэ, выталкивая непрошенныхъ гостей. Но въ концѣ концовъ къ

намъ таки влѣзло не мало новыхъ красноармейцевъ. Около М. примостился какой-то обвязанный, несчастный. Внизу тоже былъ больной. Набилось опять не то 11, не до 15 человѣкъ.

Въ свѣтлые промежутки, когда, послѣ мучительныхъ остановокъ, поѣздъ ползъ со скоростью 12 верстъ въ часъ, — Разгуляевъ бесѣдовалъ. Особенно долго съ полу-инженеромъ, евреемъ. Объяснялъ, почему онъ коммунистъ, и почему онъ критикуетъ властъ. Обвинялъ интеллигенцію въ саботажѣ.

— Вотъ я казначей. Милліонные у меня обороты. Записываю своими каракулями. А бухгалтера изъ интеллигентовъ возьми — начнетъ тебѣ разговаривать, только тебя спутаетъ. Знаемъ мы этихъ саботажниковъ.

Спутница наша долго прислушивается къ Разгуляеву, къ его прибауткамъ, къ его разговорамъ съ другими товарищами — «коммунистами». Наконецъ я слышу, какъ она, пробираясь изъ корридора и остановившись въ дверяхъ, обращается къ нимъ.

— Слушаю я васъ, товарищи, и вижу — умные вы люди, умно разсуждаете, а что къ чему, и въ какомъ смыслѣ — понять не могу.

Товарищъ Разгуляева просто-просто, безъ всякаго жеманства, отвѣтилъ:

— Да у насъ это у самыхъ не выяснено. Не разобраться намъ никакъ. Не подъ силу, значитъ.

III

Еще ночь — уже совсѣмъ безъ сна. Нашествіе въ Оршѣ, новые вопли въ черной тьмѣ, драки, аресты. Мы уже покорились всему, какъ-то окаменѣли. Тревожила

мысль о насѣкомыхъ. Мы ихъ не видѣли, но чувствовалось ихъ присутствіе.

Въ Могилевѣ разгуляевцы дружески съ нами простились. Разгуляевъ, «на всякій случай», далъ мнѣ свой петербургскій адресъ. Мы чуть-ли не облобызались.

До послѣдней станціи уже недалеко, но нѣтъ паровоза, и мы стоимъ долгіе часы. Въ Р. новый наплывъ. Куча евреевъ и евреекъ стали таскать въ одно изъ купэ не то продукты, не то мануфактуру. Командовалъ ими молодой комиссаръ, очевидно занимающійся контрабандой.

Съ нимъ было еще нѣсколько красноармейцевъ. Всѣ охали, злились и ругались. Одинъ, приготовляясь выходить, обвязываясь, стоналъ:

— Состарѣла меня эта война. Жисти нѣтъ. Веземъ кое-какую мануфактуру, авось чего промыслимъ. Нѣтъ жисти, состарѣло меня.

Спутница наша, съ верхней лавки, возражаетъ:

— Чего вамъ старѣться, сами воюете, сами свою жизнь себѣ такую устроили, а еще жалуетесь.

— Да вѣдь то сказать: вѣдь народъ не то что сдурѣлъ, а прямо съума посходилъ. Толконуть бы насъ по загривку хорошенько...

Другой вступается:

— Мало тебя толкаютъ. Всего, кажись, истыкали...

— Да вѣдь то сказать: вѣдь кто тычетъ-то?.. Вѣдь...

Но товарищъ рѣшительно обрываетъ его:

— Еще чего? Вплоть до разстрѣла захотѣлъ? Поскули, поскули....

И въ самомъ дѣлѣ, разговоры въ вагонѣ — весьма

опасная вещь. На десятокъ мужиковъ русскихъ, одѣтыхъ въ красноармейское тряпье, «сдурѣвшихъ» — непремѣнно одинъ маленькій, болѣе франтоватый, нерусскаго обличья, зоркій, ко всѣмъ прислушивающійся: это шпіонъ, самая важная птица въ «совѣтской» республикѣ. Ни въ одной странѣ міра, никогда, не было такого количества шпіоновъ и еще — такого количества палачей. Эти двѣ должности — два кита, на которыхъ нынѣ покоится россійское государство.

А народъ... Онъ несчастенъ — и страшенъ. Здоровая, умная душа — внезапно охваченная безуміемъ, пляской св. Витта, собачьимъ бѣшенствомъ...

Передъ сумерками спутница наша, вышедшая вздохнуть въ конецъ корридора, къ замерзшей двери, ведущей на площадку, бесѣдуетъ съ грустнымъ евреемъ интеллигентнаго вида. Онъ ѣдетъ въ Р., на фронтъ, на какую-то важную военную должность. На груди у него пышный, уже помятый, красный бантъ, съ пятиугольной красной звѣздой.

— Да, война... говоритъ онъ задумчиво. Не люблю я войны. «Красный смѣхъ» Андреева... А правда, что Леонидъ Андреевъ умеръ?

— Вы знаете Андреева?

— Знаю... Я вообще литературу знаю. И Мережковскаго знаю. И знаю, что онъ здѣсь съ нами ѣдетъ...

Собесѣдница переводитъ разговоръ:

— Вы и раньше были на войнѣ?

— Да, но я 21 мѣсяцъ былъ въ германскомъ плѣну. Потомъ вернулся...

— И сразу въ коммунисты?

Особенно задумчиво и грустно красный генералъ (кто его знаетъ, можетъ онъ и генералъ) отвѣтилъ:

— И сразу въ коммунисты...

IV

Дотащились. Отсюда намъ надо-бы сразу пересаживаться въ теплушку, ѣхать дальше неизвѣстно сколько времени... Но кто-то невидимый о насъ заботится. Поѣздъ отмѣнили. Онъ идетъ только завтра.

Оттепель. Небо ясное. Какъ пріятно вырваться въ тишину, на чистый воздухъ. Оставили вещи на вокзалѣ, шагаемъ по темному мѣстечку, по вечернему мягкому снѣгу — на ночлегъ.

Къ евреямъ, конечно. Пришли въ самый шабашъ. Приличный домикъ, набитый дѣтьми. Хозяинъ заявилъ, что не можетъ насъ принять, что его комнаты реквизировали.

— Но мы васъ къ дядѣ, къ дядѣ пошлемъ. У него цѣлое «зало», вы тамъ отлично устроитесь.

Миловидная дочка хозяина повела насъ по сугробамъ къ дядѣ Янкелю.

Хибарка, занесенная снѣгомъ. «Зало» — небольшая, грязная комнатка въ 2 окна съ отмокшими углами. Громадная печь, — «рубка». Двѣ кровати, одна дѣтская. На дѣтской помѣщается нашъ молодой спутникъ, я на лавкѣ подъ окнами, для Г. приносятъ еще походную койку.

Жиденята послѣ шабаша играютъ на скрипкѣ. Юзикъ вноситъ гигантскій самоваръ. Мы въ полу-бреду сѣли чайничать.

Является молодой еврей, — племянникъ, живущій въ первомъ домѣ, полуинтеллигентный, бывшій метранпажъ. Слово-за-слово дѣло выясняется. Обѣщаетъ насъ переправить «на ту сторону» отсюда-же. Дальше ѣхать, къ мѣсту нашего назначенія —хуже.

Мы сразу воспряли, сразу повѣривъ въ безкорыст-

ное участье молодого метранпажа — Кр. Начался «дѣловой» разговоръ. Оказывается, какъ-разъ пріѣхалъ знакомый Кр. мужикъ съ возомъ контрабанды: «знаете-ли тамъ, ленты для пишущей машинки, краски, ну и всякое...». Завтра Кр. обѣщаетъ къ намъ его привести. Деревня его на самой границѣ, въ нейтральной полосѣ...

На другой день морозъ. Мы убѣждаемся, перемѣняя бѣлье, что общеніе съ красноармейцами не прошло даромъ: зловѣщія насѣкомыя тутъ какъ тутъ. Снимаемъ все до ниитки, просимъ еврейку Эльку бѣлье выкипятить, шубы вымороэить. Евреи согласны, они и сами боятся: тифъ въ мѣстечкѣ такъ и коситъ.

Приводитъ молодой Кр. и контрабандиста — бѣлорусса. Евстратъ этотъ производитъ самое «чарующее» впечатлѣніе. Говоритъ тихо, увѣренно, спокойно. Истово напился чаю, потомъ долго крестился. Доставитъ насъ на двухъ подводахъ, великолѣпно. Теперь ѣдетъ домой, но во вторникъ, въ ночь, вернется съ братомъ и въ 2 часа, среди бѣла дня, увезетъ насъ: только надо переодѣться въ крестьянское платье. Къ вечеру будемъ въ Бобруйскѣ, а тамъ можемъ ѣхать дальше. Кр. расписываетъ, что отъ Бобруйска до Минска всего 4 часа ѣзды, въ Минскѣ уже всѣ иностранныя миссіи, ежедневно поѣзда въ Варшаву, — Европа...

Евстратъ требуетъ съ насъ за доставку по 1000 р. царскими. Доволенъ, что мы «католики» (т. е. христіане) что не будетъ непріятностей съ поляками.

Можно себѣ представить, какъ мы возникли. Вечеръ провели радостно. Еврейская каша казалась намъ особенно вкусной, лица Янкеля и Ельки особенно добрыми. Въ сумерки, когда поголубѣли оконца нашей хибарки, затрещала печка, а въ сосѣдней комнатѣ за-

ныла меланхолическая скрипка одного изъ сыновей Янкеля, грустнаго еврейскаго юноши, — намъ сталъ милъ убогій «залъ» жидовской корчмы. Онъ былъ и въ самомъ дѣлѣ не лишенъ своеобразной поэзіи...

О житьѣ нашемъ у Янкеля, житьѣ болѣе долгомъ, чѣмъ мы думали — можно бы много написать. Своеобразный бытъ захолустной еврейской семьи никому изъ насъ не приходилось наблюдать такъ близко. Да и врядъ ли еще придется когда нибудь. Онъ очень интересенъ, но сейчасъ я не буду на немъ останавливаться. Это отвекло бы меня отъ моей темы.

Скажу только, что благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, забросившимъ насъ въ гнѣздо Янкелей, мы были для этой, по своему добродѣтельной, семьи нѣкоторымъ искушеніемъ. Они намъ искренно желали добра. Но желали не упустить случая и воспользоваться нами для себя. Въ нѣкоторомъ родѣ мы, вѣдь, были ихъ плѣнниками...

Они поняли, что мы не богачи, что для нихъ не выгодно взять у насъ *все:* они рѣшили взять у насъ какъ можно больше, и при этомъ взять «честно», такъ, чтобы мы сами имъ отдали. Они просто поставили намъ въ счетъ за конурку нашу по 1000 р. въ день, за каждый обѣдъ — тоже тысячу, за ужинъ изъ каши и картошки 600—700 р. и т. д. Словомъ, мы у нихъ отавили за недѣлю тысячъ 30, такъ, что должны были имъ-же продать серебрянные подсвѣчники, теплые чулки, какія-то нитки, вообще все, что нельзя и можно.

Но я забѣгаю впередъ.

Нашъ счастливый вечеръ, полный надеждъ, кончился. Утромъ оказалось, что наша спутница больна. Жаръ, головная болъ, сильный кашель. Мы перетревожились, но она успокаивала насъ: это только брон-

хитъ. На воздухѣ, если мы послѣзавтра поѣдемъ, онъ скорѣе пройдетъ.

На воздухѣ! Морозъ крѣпчалъ съ каждымъ днемъ, на воздухѣ теперь было по-крайней мѣрѣ 25°.

Назначенный срокъ для пріѣзда нашего бѣлорусса пришелъ — и прошелъ: онъ не пріѣхалъ. Посылаемъ за метранпажемъ. Приходитъ, тоже волнуется: «онъ долженъ пріѣхать! Его товаровъ ждутъ».

Покоряемся, вѣримъ. Только бы не поддаться чувству покинутости, беззащитности, безпомощности. У дѣтей бываетъ это горькое чувство. Мы понимаемъ дѣтей.

Въ ночь на среду, въ 2 часа, — стукъ въ окно. Голосъ Кр. — «Пріѣхалъ! Завтра утромъ придетъ».

Мы ожили. Рано встали, уложились, заплатили Янкелю десятки тысячъ.

Вотъ и Евстратъ. Мы радостно встрѣчаемъ его, какъ родного. Но... что съ нимъ?

Не глядя въ глаза, начинаетъ что-то путать. Былъ въ Бобруйскѣ... задержался... Но вотъ благополучно пріѣхалъ... Три подводы... Пошелъ обѣдать, а товарищъ и разсказываетъ, что красные идутъ въ наступленіе.

— Такъ что-же?

— Такъ вотъ, значитъ, нельзя ѣхать.

— Какъ нельзя?

— Да такъ, значитъ, васъ загублю, себя загублю, опасно, наша деревня, красные наступаютъ...

Пошелъ, пошелъ путать... Но все равно, ясно: дѣло сорвалось.

Мужикъ быстро простился, оставивъ насъ, — надо сказать правду, — въ полномъ унынiи. Одна наша

больная спутница держится крѣпко: увѣряетъ, что все равно уѣдемъ. И что все будетъ хорошо.

Молодой метранпажъ, за которымъ мы, немного оправившись, посылаемъ — сконфуженъ. Однако обѣщаетъ латыша. Дядя Янкель обѣщаетъ еврея.

V

Съ евреемъ ничего не вышло. Не то пятница — шабашъ, — не то вовсе нѣтъ никакого еврея. За то съ латышемъ, котораго привелъ Кр. — сговариваемся. Отъѣздъ въ субботу, затемно. Никакихъ переодѣваній. Довезетъ до мѣстечка Щ., а тамъ сдастъ «куджину». Тамъ ужъ до польскаго поста, верстъ, будто-бы, пятнадцать... Денегъ требуетъ вдвое, но мы уже ни на что не смотримъ. Опять думаемъ, что продать Янкелю (но уже почти нечего!) опять укладываемся.

Въ сумерки лежимъ на койкахъ. Пылаетъ печь, за стѣной сынъ Янкеля заунывно пиликаетъ на скрипкѣ. На сердцѣ ненадежно. А вдругъ и латышъ надуетъ?

На утро, въ 4 часа, — встаемъ. Глубокая ночь. На столѣ мерцаетъ свѣча. Янкели тоже поднялись. Послѣдняя торговля, уплата новыхъ чудовищныхъ счетовъ, — ждемъ. Шесть часовъ — нѣтъ латыша. Семь — нѣтъ. Начинаемъ думать: это ловушка. «Они» не отпустятъ насъ, пока «честно» не оберутъ до нитки.

Янкель, по поводу отсутствія латыша, только пожимаетъ плечами: не «его» человѣкъ. Кр. — отсутствуетъ.

Опять наша спутница увѣряетъ насъ, что нечего унывать, что все будетъ отлично, а что мы задержались — лучше: она поправилась, а морозъ полегчалъ.

Стукъ въ окно: пріѣхали. Въ темнотѣ выходимъ на дворъ. Молча, тихо, усаживаемся. Евреи страшно торопятъ: скоро будетъ свѣтать.

Скрипятъ тщательно запертыя ворота. Мы выѣзжаемъ. М. и Г. впереди, на однихъ розвальняхъ, со перепуганнымъ латышомъ, я и З. на другихъ, съ его братомъ.

Молчимъ. Безшумно ѣдемъ черезъ все спящее мѣстечко. На темномъ небѣ еще виситъ мѣсяцъ, желтый, какъ лимонъ. Вотъ, мелькали низенькіе, нахохленные, какъ сжавшіеся, домики. На встрѣчу, по дорогѣ, — много народу сразу. Жутко.

— Это железнодорожные рабочіе, — объясняетъ извозчикъ.

Вдали видится что-то странно-прекрасное. Высокая арка [illegible] на [illegible] небѣ. Это железнодорожный мостъ. Налѣво у кирпичной стѣны его [illegible] костеръ. Кирпичи рдѣютъ алые. Кажется, что сейчасъ увидишь [illegible] улицу.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Но выѣхали изъ лѣсу — опять бѣлое небо, бѣлая земля, точно бѣлое море, вѣтеръ, вѣтеръ... Кое-гдѣ изъ снѣга вдругъ выростаютъ черные колья забора. Это хуторъ. У одного хутора возницы остановились, пошушукались, нашъ исчезъ. Пошелъ на развѣдки. Надо было выяснить «дислокацію» большевиковъ.

— Красноармейцы — ничего, говоритъ латышъ. Рабочіе опасны. А тутъ въ деревняхъ стоятъ красные изъ петроградскихъ коммунистовъ, рабочихъ. Они — лютые.

Пришлось путаться «въ объѣздъ». Верстъ 40 лишку, все на одной слабой лошади. Послѣднія 10 верстъ особенно тяжелы. Неистовый бѣлый вѣтеръ. Жжетъ, оглушаетъ, ослѣпляетъ. Наконецъ, къ сумеркамъ, показалось мѣстечко Щ., — длинное, растянутое, на пригоркѣ.

Въѣзжаемъ во дворъ крошечнаго домика, на юру. Никого нѣтъ, одна старуха съ ребятами. Хозяева отлучились. Бабка зловѣще стонетъ:

— Ой, строго стало! Ой, строго! Трудно выѣхать, заставы вездѣ. Къ намъ приходили.

Вернулась хозяйка, противная баба съ подвязанными зубами, затопила въ чистой половинѣ избы печку, собрала скудный ужинъ. Тщательно закрыла ставни, вещи велѣла припрятать. Тоже стонетъ.

Хозяинъ оказался худымъ, полубритымъ «лядащимъ» мужиченкой. Бѣлоруссъ-католикъ. Нервный, глаза бѣгаютъ. Но видимо дѣловой и бывалый. Тоже о заставахъ; говоритъ, что надо три подводы. Опять «думскія» тысячи. Можетъ быть — онъ пугаетъ, чтобы содрать лишнее, а можетъ быть и вправду условія ухудшились.

О томъ, что дѣлается здѣсь, у границы, — мы слы-

шали многое, — но чему вѣрить? Пожалуй, дѣйствительность еще махровѣе. Контрабандой, въ концѣ концевъ, занимаются и сами большевики. Все это «государственная» контрабанда! Соли нѣтъ въ Россіи — за то есть въ Польшѣ, и есть сани съ двойнымъ дномъ, хорошо извѣстныя комиссарамъ. Соль, прибывъ въ Совдепію, разгружается, но тайникъ не пустъ, когда «контрабандистъ» ѣдетъ за новой партіей, а туго набитъ совѣтскими, для Польши, прокламаціями: соль солью, но и всемірную революцію не надо забывать.

— Товары — ничего, значитъ... хотя тоже кому попадешься. А вотъ если бѣглецовъ везешь — гибель и возчику, и пассажирамъ, кому бы ни попался.

Это и мы знаемъ, какъ мужики наши знаютъ.

Поздно вечеромъ хозяинъ пошелъ на развѣдки. Плохо. Вездѣ заставы. Говоритъ, что, можетъ, еще сутки придется выжидать. Но наши первые возчики — латыши (они тутъ-же) оптимистичны, и это насъ ободряетъ. Они, по своему, честны и добросовѣстны. Дорогой разсказывали намъ про вѣроломство нашего «благодѣтеля», молодого еврея Кр.: подбивалъ ихъ взять съ насъ по 10 тысячъ, чтобы половину ему.

Пока — устраиваемся въ жарко-натопленной избѣ на лавкахъ. Но какой тутъ сонъ! Хозяинъ всю ночь шмыгалъ. Въ пять часовъ опять является — нельзя ѣхать. Развѣ объѣздомъ, сначала назадъ, потомъ цѣлиной. Дорога тяжелая. Требуетъ вдвое.

Соглашаемся на все, соглашаемся и на хозяйкинъ счетъ въ 1000 думскихъ рублей «за квартиру», — и часовъ въ 6 выѣзжаемъ.

Ѣдемъ по старой дорогѣ, назадъ. Но скоро сворачиваемъ въ поле. Ѣдемъ цѣлинами, по глубокому, темносѣрому въ предутреннихъ сумеркахъ, снѣгу. Мужики

то и дѣло слѣзаютъ, сговариваются о чемъ то между собой.

Странно. Почему они насъ не высаживаютъ и не уѣзжаютъ, раздѣвъ и ограбивъ? Вѣдь мы совершенно беззащитны.

Но нѣтъ, почему-то они этого не дѣлаютъ, а везутъ насъ дальше. Движеніе по ровному, бѣлому океану, накрытому такимъ-же ровнымъ, бѣлымъ куполомъ неба — почти не кажется движеніемъ. Точно всегда это было — всегда будетъ, и все не страшно, и все все равно.

Мѣшается, сливается
Дѣйствительность и сонъ,
Все ниже опускается
Безцвѣтный небосклонъ...

Черезъ какое-то время (какъ потомъ оказалось — часа черезъ три) — деревушка. Объѣхавъ ее, мой возница вздохнулъ свободнѣе.

— Ну, выбрались. Верстъ сорокъ крюку сдѣлали. Да за то ужъ теперь заставъ не будетъ. И вѣдь они къ чему ставятъ? Пограбить охочи.

По цѣлинѣ мы уже не ѣхали, но тутъ пошла невѣроятная дичь. Полувырубленные лѣса, коряги — и живой души нѣтъ.

Давно разсвѣло. Морозъ упалъ, но колючая изморозь жгла лицо.

Старообрядческая деревня «Королевская Слобода» — стоитъ на другомъ, высокомъ, берегу рѣки Березины, или «Березы», какъ ее тутъ называютъ. Деревня самая грабительская. Не дай Богъ проѣзжать ее ночью.

Миновали рѣку. Проѣхали слободу. Осталось семь верстъ. Семь верстъ? Не вѣрится, что, вотъ, только семь верстъ — и мы, какъ никакъ, будемъ въ право-

вомъ государствѣ, гдѣ, что бы съ нами ни сдѣлали — насъ не убьютъ безъ суда, зря, походя, гдѣ народъ не «сдурѣлъ» и «съума не посходилъ», гдѣ есть право, законъ, защита, порядокъ... Семь верстъ!

Сна, прежней бѣлой мары, какъ не бывало. Рѣдкія молчаливыя встрѣчи особенно жутки, хотя разумомъ знаешь, что главная опасность — позади. Вѣдь это уже «нейтральная полоса».

Какой то мужичекъ окликаетъ моего возницу:

— Въ городъ?

— Въ городъ.

— Въ Боровой поляки. Не пущаютъ.

Мы ѣдемъ, ѣдемъ впередъ... Вотъ крошечная деревушка, съ виду такая же точно, какихъ мы видѣли десятки. Но у мостика — кто это? Неужели солдатъ? Слишкомъ много видѣли мы солдатъ, но этотъ совсѣмъ иного, непривычнаго вида. Прямой, тонкій, подтянутый, въ голубоватосѣрой одеждѣ, въ шапкѣ съ углами, Вонъ и другой такой-же, и третій... Поляки, познанцы! Тѣ, кого такъ трусятъ наши красноармейцы, называя «чертями рогатыми».

Мы на нихъ взглянули въ этотъ мигъ, какъ на ангеловъ. На стражей, стоящихъ у вратъ Европы.

— Мы желаемъ видѣть коменданта. Мы убѣжали отъ большевиковъ...

О томъ, какъ встрѣтила насъ Польша (мы въ ней и остались) о томъ что увидѣли мы въ Европѣ послѣ долголѣтняго, глухого пребыванія нашего въ большевистскомъ мѣшкѣ — я разскажу въ другой разъ. Краткій отчетъ мой о нашемъ, столь счастливомъ, спасеніи — конченъ.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

КРЕСТЪ И ПЕНТАГРАММА

Erwarte nicht
Das dreimal glühende Licht!
»Faust« Goethe

Пентаграмма или Крестъ? Былъ крестъ на челѣ Европы; пентаграмма будетъ ли? Вотъ вопросъ, возставшій нынѣ передъ всѣмъ человѣчествомъ. Вотъ чѣмъ всемірная война кончается, — войной Пентаграммы съ Крестомъ.

Солнечно-бѣлое знаменье: *Симъ побѣдиши* — потухаетъ во тьмѣ, и является на небѣ знаменье иное, звѣзда кроваво-красная. Льется кровь на землѣ, и звѣзда на небѣ кровью наливается. Небо красно, красна земля. Все въ крови и въ огнѣ: какъ будто наступилъ конецъ міра, шаръ земной столкнулся съ налетѣвшей кометой, звѣздой раскаленной до-красна.

Двѣ геометрическія фигуры, два числа таинственныхъ: Пентаграмма, звѣзда пятиугольная, и четырехконечный Крестъ. Пять и Четыре. Между Четырьмя и Пьятью судьбы міра колеблются, какъ страшно, какъ просто!

Что такое Крестъ?

«Древо проклятія». «Проклятъ висящій на древѣ», по Второзаконію Моисееву. Орудіе позорнѣйшей пытки, по римскому законодательству. На четырехъ деревянныхъ брусьяхъ тѣло человѣка, пригвожденное, растягивается, какъ бы раздирается, четвертуется. Число Креста — Четыре. Тетраграмма, четверица Пиѳаго-

рейская, знаменуетъ трансцендентную сущность міра. На крестѣ зиждется міръ: четыре конца свѣта, четыре стихіи природы. Четырехстихійный міръ — четырехконечный крестъ. На крестѣ міра Богъ распинается, четвертуется. Жизнь міра — смерть Бога, Богоубійство. Озирисъ египетскій, Таммузъ вавилонскій, Аттисъ малоазійскій, Адонисъ сиро-финикійскій, Діонисъ эллинскій, Митра персидскій — все тотъ же страдающій, растерзанный, распятый Богъ. Его религія — первая и послѣдняя, единственная религія человѣчества; иной не было, нѣтъ и не будетъ. Въ этомъ смыслѣ христіанство — только откровеніе, апокалипсисъ язычества.

«Раздѣленіе Діониса на воздухъ, воду, камни, растенія, животныхъ есть растерзаніе, распятіе Бога, diasposmos, diamelismos,» учитъ Плутархъ, жрецъ Аполлона Дельфійскаго, посвященный въ Діонисовы таинства. (Ei apud Delphos, c. 9.) «Растерзаніе Діониса есть распятіе Логоса,» — учитъ св. Климентъ Александрійскій. Это значитъ: весь міровой процессъ не что иное, какъ раздѣленіе божескаго Единства на космическую множественность; міръ есть растерзанный Богъ.

Послѣдняя блѣдная тѣнь этой религіи — въ современной наукѣ и въ современной метафизикѣ: основа міровой эволюціи — дифференціація, раздробленіе единаго Непознаваемаго, по Спенсеру; единая сущность міра — воля — осуществляемая въ явленіяхъ посредствомъ «начала различенія», principium individuationis, по Шопенгауэру.

Тетраграмма, четыре — число креста, число космоса. На четырехстихійномъ крестѣ космоса Логосъ, Единородный Сынъ Божій распинается. «Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что Сына Своего Единороднаго от-

далъ за міръ.» Тайна множественности — единство; тайна креста — любовь. Любовь на крестѣ умираетъ за міръ, «да будутъ всѣ едино».

Міръ есть множественность; міръ есть война, смертъ. А крестъ надъ міромъ — единство надъ множественностью, воскресеніе надъ смертью, миръ надъ войною. За космосомъ — Логосъ; за четырьмя — Три въ Одномъ, Одинъ въ Трехъ, единый свѣтъ, трижды свѣтящій, солнечно-бѣлое знаменье: Симъ побѣдиши, Пресвятая Троица.

Вотъ что такое Крестъ. А Пентаграмма что?

Въ средневѣковомъ оккультизмѣ Пентаграмма — изображеніе верхней полусферы звѣзднаго неба — магическій знакъ, *какъ будто* невинный и даже святой, оттоняющій Силу Нечистую.

На порогѣ двери у доктора Фауста пятиугольная звѣзда пентаграммы недочерчена: наружный уголъ открытъ. Вотъ почему діаволъ, въ образѣ чернаго пуделя, входитъ въ дверь, но выйти не можетъ: «попала лиса въ капканъ.»

Пудель растетъ, распухаетъ, становится огнеглазымъ страшилищемъ. Тогда Фаустъ понимаетъ, что дѣло неладно, и начинаетъ его заклинать, сперва четырьмя стихіями — огнемъ, водою, землей, воздухомъ — крестомъ космическимъ:

Erst zu begegnen dem Tiere,
Brauch ich den Spruch der Viere.
Сперва, чтобъ сразиться со Звѣремъ,
Мы силу четырехъ измѣримъ:

Саламандра, пылай,
Ундина, струись,
Сильфъ, исчезай,
Кобольдъ, трудись!

Заклинаніе не дѣйствуетъ: духъ сильнѣе матеріи. Песъ лежитъ спокойно и скалитъ зубы. Тогда Фаустъ приступаетъ къ заклинанію болѣе сильному: крестъ Логоса — за крестомъ космоса:

Если, товарищъ,
Ты — выходецъ изъ ада,
То взгляни на это знаменье,
Передъ коимъ склоняются
Черныя толпы!

Пудель растетъ, распухаетъ все больше и злобно щетинится. Фаустъ продолжаетъ:

Ты, существо
Богоотступное,
Знаешь ли имя Его,
Уму недоступное?
Имя во-вѣкъ Нерожденнаго
Несказаннаго,
Сквозь всѣ небеса Изліяннаго,
Злодѣйски Пронзеннаго?

Страшилище отступаетъ за печку, раздувается, какъ слонъ, наполняетъ всю комнату, хочетъ подняться туманомъ и разсѣяться. Но Фаустъ грозитъ ему заклятіемъ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ:

Къ ногамъ моимъ пади,
Не жди
Слова грозящаго,
Свѣта трижды свѣтящаго!
Erwarte nicht
Das dreimal glühende Licht!

Туманъ осѣдаетъ, и въ одеждѣ странствующаго схоласта, выходитъ изъ-за печки Мефистофель:

«Къ чему весь этотъ шумъ? Что, сударь, вамъ угодно?»

Не Пентаграммой, а Крестомъ побѣждаетъ діавола Фаустъ во времени, и побѣдитъ въ вѣчности, будетъ

спасенъ тайной Креста, «Свѣтомъ, трижды свѣтящимъ», Пресвятою Троицей. Но земная трагедія Фауста — трагедія современнаго человѣчества — все еще совершается между Крестомъ и Пентаграммой.

Пентаграмму заимствовалъ средневѣковый оккультизмъ изъ незапамятной вавилонской древности, колыбели современнаго точнаго знанія — математики, астрономіи, — такъ же какъ и знанія оккультнаго — магіи. Недаромъ у обоихъ — одна колыбель: несмотря на все различіе въ методахъ, современная точная наука и древняя магія ближе сходятся, чѣмъ думаютъ непосвященные. Для обоихъ: *знать — мочь;* совершенное знаніе — совершенное могущество, богоподобная власть человѣка надъ міромъ. Змій не солгалъ: «вкусите и будете, какъ боги.» Еще не вкусили, но вкусятъ и будутъ. «Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится Человѣкобогъ.» (Чортъ — Ивану Карамазову.) Въ современной точной наукѣ и въ древней магіи — одна-и-та же идея Человѣкобожества.

Въ вавилонской клинописи пятиугольная звѣзда значитъ «Богъ», а въ вавилонской магіи пентаграмма, изображая пять планетныхъ сферъ со всей небесной механикой, знаменуетъ совершенное знаніе — совершенное могущество, богоподобную власть человѣка надъ міромъ — Человѣкобожество.

Въ ассиро-вавилонскомъ зодчествѣ пентаграммѣ соотвѣтствуютъ исполинскія башни-обсерваторіи, *зиггураты* (Ziggurat), построенныя изъ обожженнаго кирпича съ горной смолой, съуженныя кверху, сначала пяти-, а потомъ семиярусныя, изображающія тѣ-же пять или семь планетныхъ сферъ (Геродотъ). Восходя на такую башню, человѣкъ какъ бы восходитъ на небо,

становится Богомъ. Выраженіе, употребляемое въ вавилонской клинописи: «строить въ небо ступени» и значитъ: «строить зиггуратъ».

«Построили башню, дабы взойти на небо — ut in coelum ascenderent» (Alexander Polyhistor). — «Первые люди, возгордясь могуществомъ своимъ, стали презирать боговъ; они построили высокую башню тамъ, гдѣ нынѣ Вавилонъ. Башня уже почти касалась вершиною неба, когда вдругъ вѣтры пришли на помощь богамъ и опрокинули зданіе на строителей. Развалины получили названіе Babel. Прежде люди говорили однимъ языкомъ, а съ той поры боги заставили ихъ говорить на разныхъ нарѣчіяхъ» (Бэрозъ, вавилонскій историкъ III-го вѣка до Р. Хр.).

Зиггуратъ — допотопная «башня языковъ», о которой повѣствуетъ Библія. «На всей землѣ былъ одинъ языкъ и одно нарѣчіе. — И сказали другъ другу: построимъ себѣ городъ и башню высотою до небесъ, и сдѣлаемъ себѣ имя, прежде нежели разсѣемся по лицу всей земли. — И сошелъ Господь посмотрѣть городъ и башню, которые строили сыны человѣческіе. И сказалъ Господь: вотъ, одинъ народъ, и одинъ у всѣхъ языкъ; и вотъ, что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что вздумали дѣлать. Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ что бы они не понимали другъ друга. — И разсѣялъ ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ и башню.» (*Бытіе*, 11.)

Ассиро-вавилонская монархія — первая въ исторіи попытка всемірнаго объединенія человѣчества силою меча, войною, «имперіализмомъ», есть новое строеніе вавилонской башни для новаго восхожденія на небо — человѣкобожества. «Взойду на небо, выше звѣздъ

Божіихъ вознесу престолъ мой. Буду подобенъ Всевышнему,» говоритъ Новуходоносоръ, царь вавилонскій. (*Исаія*, 14.)

«Предположено устроить въ Петроградѣ памятникъ въ честь III-го Интернаціонала, въ полтора раза выше Эйфелевой башни. Въ зданіи должны помѣщаться различныя учрежденія III-го Интернаціонала.» («Извѣстія Петроградской Коммуны», 1920 г., № 104.)

Достоевскій сравнивалъ всемірное объединеніе человѣчества въ Интернаціоналѣ съ вавилонской башнею. Какъ всѣ пророчества Достоевскаго, такъ и это нынѣ исполняется во-очію. Петроградская башня — продолженіе вавилонской, III-й Интернаціоналъ — продолженіе Интернаціонала допотопнаго. Одна звѣзда пятиугольная сверкаетъ надъ обоими.

Существуетъ ли вавилонскій или, какъ выражаются русскіе черносотенцы, «жидо-масонскій» всемірный заговоръ, я не знаю. Аврааму, пришедшему въ Ханаанъ изъ Ура Халдейскаго тайна вавилонскаго оккультнаго знанія могла быть вѣдома; но какъ проникли въ нее такіе религіозно-невѣжественные люди, какъ Ленины-Троцкіе, — я не знаю; знаю только, что пентаграмма ведетъ нынѣ на Западъ красныя полчища, такъ же какъ нѣкогда крестъ велъ на востокъ крестоносное воинство. Нѣтъ, кажется, это — не новый, «жидо-масонскій», а древній, болѣе страшный и таинственный, заговоръ; кажется, Ленины-Троцкіе сами не знаютъ, что дѣлаютъ: они — только слѣпыя орудія тайныхъ силъ.

Весь европейскій Западъ сейчасъ — въ самомъ дѣлѣ «западъ», закатъ христіанскаго солнца: «тихій свѣтъ вечерній», свѣтъ креста потухаетъ на Западѣ и «свѣтъ съ Востока» идетъ на него — звѣзда кроваво-

красная. Пентаграмма — противъ Креста, Человѣкобожество — противъ Богочеловѣчества, Интернаціоналъ — противъ Церкви Вселенской.

Что жъ это такое? Конецъ или только начало борьбы?

Судя по европейскому Западу, — конецъ. Крестъ уже потухъ въ сердцѣ Европы; и на челѣ ея потухаетъ; потухнетъ Крестъ и Пентаграмма вспыхнетъ. Всѣ народы отреклись отъ Креста и Пентаграммѣ поклонились.

Великій пророкъ Польши, Красинскій предрекъ эту войну въ «Небожественной Комедіи».

Графъ Генрикъ, послѣдній воинъ Креста, борется съ Панкраціемъ, вождемъ «всемірной революціи». Главный помощникъ Панкрація, «Жидъ-Выкрестъ», глава заговорщиковъ, произноситъ заклинаніе надъ открытой книгою Талмуда, книгою вавилонскаго оккультнаго знанія:

«Радуйтесь, братья мои: крестъ, нашъ врагъ, уже наполовину подрубленъ, истлѣлъ; нынѣ стоитъ онъ надъ лужею крови и, если падетъ, то уже не подымется.»

Палъ Крестъ. Графъ Генрикъ побѣжденъ. Послѣдняя твердыня Креста, крѣпость Св. Троицы взята приступомъ. Графъ Генрикъ кидается со скалы въ пропасть, и на ту же скалу всходитъ Панкрацій, побѣдитель торжествующій, съ ученикомъ своимъ Леонардомъ. Но страшное видѣніе поражаетъ ихъ.

Панкрацій. Какъ столбъ снѣгового блеска бѣлаго, стоитъ Онъ надъ пропастью, обѣими руками на крестъ опирается, какъ мститель на мечъ; терновый вѣнецъ Его сплетенъ изъ молній... Кто изъ живыхъ не умретъ подъ молніей глазъ Его?.. *(Леонарду.)* Положи мнѣ руки на глаза — прижми ладони къ глаз-

ницамъ — закрой меня отъ этихъ глазъ испепеляющихъ!

Леонардъ. Вотъ такъ?

Панкрацій. Слабы руки твои — какъ руки духа, безъ костей и безъ плоти — прозрачны, какъ вода — прозрачны, какъ стекло — прозрачны, какъ воздухъ. Я все еще вижу Его.

Леонардъ. Обопрись на меня.

Панкрацій. Дай мнѣ хоть капельку мрака!

Леонардъ. Учитель!

Панкрацій. Мракъ — мракъ!

Леонардъ. Эй, граждане! — Эй, братья! — Демократы, на помощь! Эй! Спасите, спасите, на помощь!

Панкрацій. Galilaee vicisti! *(Падаетъ на руки Леонарда и умираетъ.)*

Таковъ конецъ «Небожественной Комедіи» въ изображеніи поэта; не таковъ ли будетъ и въ дѣйствительности?

Чѣмъ заклясть одного Краснаго Діавола и красныхъ діаволовъ безчисленныхъ? Великій язычникъ, Гёте, и великій христіанинъ, Красинскій, въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ совпадаютъ изумительно: у Гёте Фаустъ заклинаетъ діавола сначала Крестомъ, Четырьмя, а потомъ — «трижды свѣтящимъ Свѣтомъ — das dreimal glühende Licht» — Пресвятою Троицей; у Красинскаго — сначала Крестъ побѣжденъ, а потомъ побѣждаетъ, вознесенный надъ твердыней Пресвятой Троицы.

Герой Красинскаго, графъ Генрикъ поднимаетъ крестъ на революцію. Въ этомъ ошибка героя или самого поэта. Вѣдь, въ революціи подлиной, по крайней мѣрѣ, въ исходной точкѣ Великой Революціи Француз-

ской, былъ «трижды свѣтящій свѣтъ» Креста — Свобода, Равенство, Братство, — Пресвятая троица въ человѣчествѣ. Въ этомъ смыслѣ правъ Гегель, утверждая что Французская Революція есть «величайшее откровеніе христіанства послѣ Христа». Но и здѣсь европейскій Западъ только «западъ», закатъ христіанства. «Тихій свѣтъ вечерній» потухъ — потухъ Крестъ въ революціи; наступила ночь Террора, безкрестнаго ужаса, длящаяся вплоть до нашихъ дней, и взошла звѣзда кровавокрасная: свобода — насиліе, равенство — рабство, братство — братоубійство; революція — реакція, какой еще міръ не видалъ: отъ вселенской церкви — къ вавилонской башнѣ, отъ Третьяго царства Духа — къ Интернаціоналу Третьему. Имя этой реакціи — русскій большевизмъ.

Построится ли въ Петроградѣ новая вавилонская башня Третьяго Интернаціонала? Если и построится, то рухнетъ, такъ же какъ древняя.

Первая церковь, воздвигнутая Петромъ при основаніи «Петербурга-городка» — соборъ Пресвятой Троицы. До нашихъ дней уцѣлѣла эта малая, ветхая деревянная церковка. Пентаграмму побѣдитъ крестъ, сверкающій на соборѣ Пресвятой Троицы.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

Л. ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМЪ

I

Съ кѣмъ Толстой? Оба стана, бѣлый и красный, хотѣли бы имѣть воду его на свою мельницу, и обоимъ кажется, что это легко. Нѣтъ, не легко.

Если мы желаемъ быть честнѣе нашихъ враговъ, то должны сказать прямо: во всѣхъ мѣрахъ — этикѣ, эстетикѣ, политикѣ, метафизикѣ — Толстой не съ нами. Въ лучшемъ случаѣ, онъ — между, или надъ обоими станами.

Толстой — не съ большевиками въ этикѣ, потому что у него — «непротивленіе злу», отрицаніе насилія абсолютное, а большевики — абсолютные насильники, — таково общее мнѣніе. Но отрицаніе насилія отдѣляетъ Толстого отъ большевиковъ и отъ насъ въ одинаковой степени: вѣдь, и мы насилія не отрицаемъ, злу насиліемъ противимся. Весь вопросъ въ мѣрѣ: у большевиковъ насилье безмѣрное, а мы его умѣряемъ.

«Не вари козленка въ молокѣ матери.» (Законодательство Моисея.) Никто никогда не ѣлъ съ такимъ вкусомъ, какъ большевики, этого проклятаго варева. Но, вѣдь, и мы козленка ѣдимъ, только варимъ иначе. Толстой вообще не ѣстъ «убоины»; ему безразлично, какъ она сварена. Вопросъ о мѣрѣ насилья для него не существененъ. Во всякомъ случаѣ, мѣрою нравственной мы не отдѣлимъ его отъ большевиковъ и не привлечемъ къ себѣ.

Соціально, политически Толстой — «капиталистъ и помѣщикъ»; вся плоть его — старая плоть Россіи. Но вѣдь, и онъ калѣчитъ ее, ломаетъ, убиваетъ ее съ такою же безоглядною яростью, какъ большевики. Ничего въ этой плоти не пощадили они; не щадитъ и онъ. Всю Россію кинули, какъ сухое полѣно, въ костеръ міровой революціи. А Толстой не кинулъ бы, ужаснулся бы, понялъ бы, что Россія — тѣло Матери? Въ его сознаніи соціально-политическомъ нѣтъ ничего, что позволило бы это сказать съ увѣренностью.

Но ближе всего къ большевикамъ Толстой въ эстетикѣ и метафизикѣ. Не въ казенныхъ пролеткультныхъ вывѣскахъ, не въ надувательскихъ выкрикахъ, а въ существѣ дѣла, въ той стихіи народной, которая подняла и несетъ большевизмъ, — что онъ такое? Отрицаніе всякой культуры, какъ болѣзненной и противоестественной сложности, воля къ упрощенію, «опрощенію», т. е., въ послѣднемъ счетѣ, метафизическая воля къ дикости. Но вѣдь, и весь толстовскій геній — та же воля.

«Въ васъ есть общая намъ толстовская дикость. Недаромъ Ѳедоръ Ивановичъ татуировался», пишетъ графъ Левъ Николаевичъ теткѣ своей, Александрѣ Андреевнѣ Толстой.

Ѳедоръ Ивановичъ Толстой — знаменитый «американецъ», «алеутъ» Грибоѣдова, исполнившій на дѣлѣ совѣтъ Ж.-Ж. Руссо, опростившійся до дикости.

То, что у предка было дурачествомъ, — у потомка сдѣлалось мудростью. Толстовская «дикая» мудрость есть отрицаніе или, по крайней мѣрѣ, обезцѣненіе всего условнаго, искуственнаго, созданнаго руками человѣка, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, культурнаго, и утвержденіе всего простого, естественнаго, стихійнаго, дикаго.

Вотъ камень на камнѣ лежитъ первозданно, дико, — это хорошо; но вотъ камень на камень положенъ, — это уже не такъ хорошо; а вотъ камень съ камнемъ скрѣпленъ желѣзомъ или цементомъ, — это совсѣмъ плохо: тутъ что-то строится: все равно что̀ — дворецъ, казарма, тюрьма, таможня, больница, бойня, церковь, публичный домъ, академія; все, что строится — зло, или, по крайней мѣрѣ, благо сомнительное. Первая толстовская «дикая» мысль, при видѣ какого бы то ни было строенія, осложненія, возвышенія, — упростить, снизить, сгладить, сломать, разрушить, такъ чтобы не осталось камня на камнѣ, и опять все было бы дико, просто, плоско, гладко, чисто. Природа — чистота, простота; культура — сложность, нечисть. Вернуться къ природѣ — смести нечисть, упростить сложность — уничтожить культуру.

Уничтожить старую культуру, чтобы создать новую, — говорятъ большевики. Но все, что они говорятъ, — вздоръ, надувательство или невѣжество, а то, что они дѣлаютъ, — подлинно. Надо имъ отдать справедливость: разрушать умѣютъ; міръ еще не видалъ такихъ разрушителей.

«Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust.» — «Восторгъ разрушенія есть восторгъ созиданія»: это — бакунинское, ленинское, толстовское, пугачевское, разинское — вѣчно-русское. Если разрушеніе и есть созиданіе, то нечего бояться разрушенія: только бы разрушить старое, а новое само создастся, выростетъ. Созиданіе невольно, а въ волѣ — разрушеніе безпредѣльное.

Мы думали Россія — домъ; нѣтъ, шатеръ; шатеръ кочевникъ раскинулъ и вновь сложилъ — пошелъ дальше въ степь. Голая, гладкая степь — родина скиѳовъ

кочевниковъ. Что ни зачернѣетъ, ни замаячитъ въ степи, хоть малою точкою ни возвысится, — все будетъ сглажено, снижено, выжжено, растоптано скиѳскимъ полчищемъ. Воля къ шири, глади, голи, къ физической равнинности, къ метафизическому равенству — эта древняя скиѳская воля — одинакова въ Аракчеевѣ, Бакунинѣ, Пугачевѣ, Разинѣ, Ленинѣ, Толстомъ. Уравняли, угладили Россію — угладятъ и Европу — угладятъ весь міръ.

Просвѣщеніе русское уничтожили — уничтожатъ и всемірное. «Плоды просвѣщенія», — усмѣхнулся Толстой вмѣстѣ съ Ленинымъ, — и плоды завяли, — не только всѣ «плоды просвѣщенія», но и всѣ плоды земли: земля не родитъ, и люди издыхаютъ отъ голода.

Можетъ ли русская «воля къ дикости» сдѣлаться волей всемірною? Можетъ. Въ Россіи — Толстой, въ Европѣ — Руссо. Руссо и Толстой — въ началѣ двухъ революцій. А можетъ быть, и одной, всемірной?

Возвращеніе отъ культуры къ дикости есть движеніе вспять — реакція. Метафизическая реакція — исходная точка политической и соціальной революціи: вотъ гдѣ срывъ въ дикій *Ужасъ* — Терроръ и въ реакцію.

Отъ Руссо къ Толстому — воля къ дикости — растетъ и ширится, какъ вулканическая трещина, бездонный провалъ. Сейчасъ вся Европа, весь міръ — на краю этой бездны.

Стихія безлична: противоположность культурнаго стихійному, «дикому», и есть противоположность личнаго безличному. Воля къ дикости — воля къ безличности. Вотъ почему Толстой уничтожаетъ Наполеона, затмеваетъ это солнце личности, какъ туча водъ потопныхъ затмеваетъ солнце въ небѣ. Вмѣсто одного

лучезарнаго Солнца — безчисленныя, малыя, темныя солнца — атомы, «круглые» Платоны Каратаевы, капли «водъ многихъ» — того соціальнаго потопа, который едва не поглотилъ однажды и снова хочетъ поглотить весь міръ. Наполеоново солнце разогнало первую тучу потопную; какое солнце разгонитъ вторую? Да сравняетъ потопъ всѣ верхи и низы — такова воля Толстого и Ленина.

Нѣкогда Руссо, а нынѣ Толстого впитала не только Россія, но и вся Европа, весь міръ, какъ сухая земля — воды ливня потопнаго.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался.
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ.

А троглодиты новые въ культурѣ скрываются. Большевизмъ — дикость; но въ культурѣ одичалые къ дикимъ тянутся: одичалая Европа — къ русской дикости.

Большевизмъ — варварство; но усталая культура жаждетъ варварства, какъ задыхающійся жаждетъ воздуха.

Большевизмъ — звѣрство; но «когда я читаю Руссо, мнѣ хочется стать на четверинки и убѣжать въ лѣсъ» (Вольтеръ). Глядя на большевиковъ, всей Европѣ захотѣлось въ лѣсъ.

Большевизмъ — нагота; но «обнажимся и заголимся», предлагаетъ Европа, какъ покойникъ въ «Бобкѣ», Достоевскаго.

Большевизмъ — чума; но вся Европа давно уже — «пиръ во время чумы».

Большевизмъ — конецъ міра; но міръ хочетъ конца.

Большевизмъ — самоубійство Европы. Началъ его Толстой, кончаетъ Ленинъ.

II

Итакъ, правы большевики? не съ нами, а съ ними Толстой, — таковъ послѣдній выводъ? Нѣтъ, не послѣдній.

Политика, этика, эстетика, метафизика, — всѣ эти мѣры для Толстого — не послѣднія, не высшія. Высшая мѣра для него — религія. Съ кѣмъ Толстой, — этотъ вопросъ рѣшается только здѣсь, въ религіи. Только потому, что мы сами ушли отъ религіи, ушелъ отъ насъ и онъ; и пока мы къ ней не вернемся, не вернется къ намъ и онъ.

«Непротивленіе злу насиліемъ» — сомнительная истина въ этикѣ, но несомнѣнная въ религіи. Отъ большаго насилья къ меньшему — таковъ этическій путь, а религіозная цѣль — отрицаніе насилья абсолютное. У большевиковъ — обратный путь и цѣль обратная: отъ меньшаго насилья къ большему — до абсолютнаго утвержденія насилья. Вотъ почему варятъ они «козленка въ молокѣ матери». Это не иная этика, а иная религія. Если мы это поймемъ, то Толстой будетъ съ нами.

Старая плоть Россіи для Толстого мертва въ политикѣ, но жива въ религіи. «Я себя не раздѣляю отъ бабы, вѣрующей въ «Пятницу»... Я признаю въ ней истинную вѣру, потому что знаю, что несообразность понятія «Пятницы», какъ Бога, для нея не существуетъ, и она смотритъ во всѣ свои глаза и больше видѣть не можетъ. Она смотритъ туда, куда надо, ищетъ Бога, и Богъ найдетъ ее. И какъ я чувствую себя въ полномъ согласіи съ искренно вѣрующими изъ народа, такъ точно я чувствую себя въ согласіи съ вѣрою по церкви». Если мы это поймемъ, то поймемъ и то, почему Толстой

не бросилъ бы, какъ полѣно, въ костеръ міровой революціи тѣло Россіи Матери. Если мы это поймемъ, то Толстой будетъ съ нами.

Въ метафизикѣ Толстого «воля къ дикости» — бездонный провалъ, конецъ всякой культуры, а въ религіи — конецъ культуры старой, начало новой.

Нѣтъ культуры безъ религіи, какъ нѣтъ залежей теплоты солнечной — каменноугольной руды — безъ солнца. Отъ культуры къ религіи — отъ каменноугольнаго жара къ теплотѣ солнечной. Это не отрицаніе, а утвержденіе культуры высшее.

На Яснополянскомъ курганѣ, гдѣ Толстой игралъ въ дѣтствѣ, онъ основалъ «орденъ для спасенія міра» и зарылъ «зеленую палочку», вѣря, что, когда ее отроютъ, — наступитъ на землѣ царство Божіе.

Если это — легенда, то глубочайшая сущность Толстого выражается въ ней: *дѣтство, какъ царство Божіе.* «Если не обратитесь и не станете, какъ дѣти, не можете войти въ царство небесное». Золотой вѣкъ, дѣтство міра — въ прошломъ? Нѣтъ, въ будущемъ. Когда обратимся, станемъ какъ дѣти, повѣримъ въ чудо, то отроемъ «зеленую палочку» и наступитъ на землѣ царство Божіе.

Это уже не метафизическая реакція, а религіозная революція, изъ всѣхъ революцій величайшая. Потому-то и срывались всѣ революціи въ бездонный Ужасъ, Терроръ, что за ними не было этой религіи.

Въ политикѣ Ленина — стальной рычагъ разрушенія безпредѣльнаго, а въ религіи Толстого — Зеленая Палочка, вѣточка съ Древа Жизни, магическій жезлъ безпредѣльнаго творчества. Вотъ почему не метафизическая ложь, а религіозное кощунство — соединять

Толстого съ Ленинымъ. И опять если мы это поймемъ, Толстой будетъ съ нами.

Въ метафизикѣ Толстого — явная воля къ безличности, а въ религіи — тайная воля къ Лику Единому. Что воистину вѣрилъ онъ въ Единый Ликъ, о томъ свидѣтельствуетъ гр. Александра Андреевна Толстая, которая знаетъ вѣру его, какъ никто. Вѣрилъ, но сказать не умѣлъ. «*Сказать свою вѣру нельзя*... Какъ только сказалъ, то вышло кощунство». Мало сказать — надо сказать и сдѣлать. А сейчасъ кто скажетъ и сдѣлаетъ? Но пусть не сказалъ, мы все-таки знаемъ, что онъ съ Тѣмъ, Чье имя сказать нельзя.

Онъ съ Нимъ, а мы съ кѣмъ? Только отвѣтъ на этотъ вопросъ и рѣшитъ, съ нами или не съ нами Толстой.

«Св. Левъ, моли Бога о насъ!» — гр. Александра Андреевна Толстая предсказывала, что обратится нѣкогда съ этими словами къ племяннику своему Льву Николаевичу.

Святъ ли онъ? Нѣтъ, несмотря на все величіе свое, онъ такъ же грѣшенъ, какъ мы. Не за это ли мы и любимъ его больше святыхъ?

Когда умираютъ святые, то прямо идутъ въ рай, а грѣшные проходятъ чистилище. Русскій большевизмъ — толстовское чистилище. Огнемъ его грѣховъ сейчасъ вся Россія горитъ, но не сгоритъ: спасетъ Зеленая Палочка. Только грѣхи сгорятъ въ огнѣ чистилища, и выйдетъ изъ него Святая Россія, Святой Левъ.

— *Св. Левъ, моли Бога о насъ!* — пока мы этого не скажемъ, мы не спасемъ Россіи.

В. А. ЗЛОВИНЪ

ТАЙНА БОЛЬШЕВИКОВЪ

I

«Когда я вижу проходящихъ по улицамъ красноармейцевъ, мнѣ все кажется, что это полчища какихъ то новыхъ чужеземцевъ завоевателей, поработившихъ Россію».

Такъ говорилъ мой грустно-покорный другъ, извѣстный русскій журналистъ, сидя со мной въ одномъ изъ нелегальныхъ, «подпольныхъ» ресторановъ подпольнаго Петербурга, гдѣ за 1000 рублей, еще можно было получить тарелку водянистаго супа и микроскопическую котлету.

Да, дѣйствительно, если кто-нибудь вмѣшался во внутреннія русскія дѣла, самыя внутреннія, самыя русскія, такъ это — большевики. Вѣдь мы жили точно въ завоеванномъ чужеземцами городѣ. Чужеземцами? Врядъ ли, завоюй насъ европейцы, могли бы они превратить насъ въ такихъ рабовъ. А что Россія въ рабствѣ, какое не снилось ни самодержавію, ни крѣпостному праву, ни татарскому игу — это фактъ. Это знаютъ, видятъ, подтверждаютъ всѣ. Даже посланная въ Россію делегація отъ англійскихъ рабочихъ, сочувствовавшихъ большевизму, должна была признать, что большевизмъ — злѣйшая тиранія, что рабочему въ капиталистической Англіи живется несравненно легче и свободнѣе, чѣмъ въ Россіи коммунистической. «Каждый рабочій въ Россіи сведенъ къ безвольному номеру, которымъ совѣтскіе надсмотрщики распоряжаются какъ

угодно» пишетъ одинъ изъ членовъ этой делегаціи. Если не сладко рабочему подъ «диктатурой пролетаріата», то каково же всѣмъ другимъ?

Помню, какъ меня арестовали въ Берлинѣ на слѣдующій день послѣ объявленія войны (я застрялъ тамъ проѣздомъ). Автомобиль, отвозившій насъ русскихъ въ Polizeipräsidium съ трудомъ продирался сквозь толпу на Фридрихштрасе, густо и бурно провожавшую первые эшелоны на русскій фронтъ. Невеселое было путешествіе! Но и тогда, во время войны, на вражеской землѣ, я чувствовалъ себя менѣе «заграницей», болѣе свободнымъ, чѣмъ втеченіи двухъ съ половиной лѣтъ въ «свободной» Россіи, въ родномъ своемъ городѣ, Петербургѣ.

Что же такое большевики?

«По дѣламъ ихъ судите ихъ». Каковы дѣла большевиковъ, знаютъ, кажется, всѣ. По крайней мѣрѣ, всѣ говорятъ одно и то же. Но говорятъ одно, а судятъ разно. Едва начинается споръ, какъ тотчасъ всѣ слѣпнутъ, теряютъ логику, перестаютъ понимать другъ друга.

Эта слѣпота — главная причина неудачи борьбы съ большевиками. Какъ бороться съ тѣмъ, какъ побѣдить того, кто силенъ слабостью противника, — его слѣпотой и непониманіемъ?

Сущность большевизма, его «душа», если такъ можно выразиться, — механичность. «Соціализмъ есть учетъ» говоритъ Ленинъ. Это значитъ: человѣкъ — автоматъ, государство — страшная машина, чудовищное «perpetuum mobile».

«Межъ зубьями машины
Моя скрежещетъ плоть» [1])

[1]) З. Гиппіусъ.

могъ бы сказать сейчасъ каждый, живущій въ коммунистическомъ раю, (или, вѣрнѣе, умирающій) ибо «тайна бытія человѣческаго не въ томъ, чтобы только жить, а въ томъ, для чего жить». Этотъ смыслъ, путь, цѣль жизни въ большевизмѣ утерянъ окончательно. Большевистское «perpetuum mobile» — неподвижность въ движеніи, колесо, вертящееся въ пустотѣ, — дурная безконечность.

Отсюда странная чуждость большевиковъ. Чуждость не классовая, или національная, а кожная; чуждость живого организма — машинѣ, чему-то какъ бы живому, — но мертвому, чуждость человѣка — автомату.

Въ романѣ Уэльса «Борьба міровъ», страшныя и загадочныя существа, полулюди, полуавтоматы, спускаются съ Марса на землю, чтобы, истребивъ людей, завладѣть міромъ.

Не сбывается ли нынѣ это вѣщее пророчество, не происходитъ ли на самомъ дѣлѣ «борьба міровъ», борьба человѣка съ автоматомъ — съ апокалиптическимъ «звѣремъ изъ бездны»?

По крайней мѣрѣ намъ, русскимъ, наши русскіе большевики не менѣе чужды и враждебны, не менѣе загадочны и страшны, чѣмъ таинственные «Марсіане». Это не парадоксъ, не бредъ больного. Это фактъ. Господство большевиковъ — воистину вмѣшательство въ наши русскія дѣла. И не только въ русскія — въ человѣческія. Вѣдь, къ какому бы классу, къ какой бы національности большевики ни принадлежали — они вездѣ и всюду остаются большевиками, — т. е. «Марсіанами», существами иного міра, иного порядка. Вездѣ и всюду они дѣйствуютъ одинаково; подъ какой бы

маской ни скрывались, — стремятся къ одному: *къ убійству человѣческой личности.*

«Тебя предупреждали, ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ»... можно бы сказать сейчасъ каждому изъ насъ.

Кто же предупреждалъ? Очень многіе, и первый — Достоевскій. То, что онъ назвалъ «шигалевщиной» — большевизмъ чистѣйшей воды. «Нѣтъ у насъ соціализма, совсѣмъ нѣтъ», пишетъ онъ въ предсмертномъ дневникѣ, чувствуя, зная, что соціализмъ, лишь вывѣска, обманъ «шигалевщины» — большевизма. «Я вѣдь мошенникъ, а не соціалистъ», говоритъ одинъ изъ героевъ «Бѣсовъ», Петръ Верховенскій.

Если читать теперь «Бѣсовъ» Достоевскаго, то кажется, что проникаешь въ самую суть обмана, присутствуешь при большевистскомъ заговорѣ, тогда состоявшемся, теперь приводимомъ въ исполненіе. Приводимомъ, но еще не приведенномъ. Кто знаетъ его конечную цѣль, его самую послѣднюю, сокровенную тайну? Знаютъ ли ее сами большевики?

«Шигалевъ — геніальный человѣкъ. Онъ выдумалъ «*равенство*»... У него хорошо въ тетради, у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ и всѣ каждому. *Всѣ рабы и въ рабствѣ равны.* Въ крайнемъ случаѣ — клевета и убійство, а главное, равенство». (Достоевскій «Бѣсы».)

На этомъ «равенствѣ» строится весь большевизмъ. «У насъ каждая кухарка обязана умѣть управлять государствомъ», говорятъ большевики. Равненіе по кухаркѣ — равненіе не по высшему, а по низшему. Такъ оно и должно быть по Шигалеву-Ленину: «Не надо высшихъ способностей... Цицерону отрѣзывается

языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается каменьями... мы уморимъ желаніе... мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю»... т. е. къ абсолютному нулю, ибо убить желаніе и значитъ убить человѣка, превратить его въ бездушный автоматъ.

Если считать, что культурная Россія родилась, жила и развивалась подъ знакомъ Петра, то провалъ Россіи современной, безславный конецъ «Петербурскаго періода» русской исторіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и провалъ Петровской идеи. Вѣдь Петръ — олицетвореніе именно личнаго, творческаго начала въ исторіи. Петербургъ — «созданіе революціонной воли», т .е. личной, ибо настоящая революція, не большевистская, — творчески-созидательна. Торжество большевизма, гибель Петербурга, — торжество безличнаго надъ личнымъ, стихійно-разрушительнаго надъ творчески-созидательнымъ.

Достоевскій не любилъ Петербурга, или, вѣрнѣе, онъ его боялся. «Окна, дырья, да монументы», отмѣчаетъ онъ въ записной книжкѣ. Но развѣ въ этомъ смыслъ Петровской реформы? Нѣтъ, ея истинный смыслъ — въ человѣкѣ. Страхъ Достоевскаго — «страхъ пустоты», — страхъ призрачности человѣческой личности.

«Вотъ они всѣ кидаются и мечутся, а почемъ знать, можетъ быть все это чей-нибудь сонъ, и ни одного-то человѣка здѣсь нѣтъ настоящаго, истиннаго, ни одного поступка дѣйствительнаго? Кто-нибудь проснется, кому это все снится, и все вдругъ исчезнетъ».

Петербургъ-сонъ, мечта Петрова, но мечта невоплощенная и, быть можетъ, невоплотимая. Какъ знать, во что она воплотится?

II

Достоевскій не только предчувствовалъ большевиковъ, но и отлично сознавалъ, что большевизмъ — катастрофа всемірная.

«Конецъ міра идетъ, — пишетъ онъ въ предсмертномъ дневникѣ. — Конецъ столѣтія обнаружится такимъ потрясеніемъ, какого еще никогда не бывало. Россіи надо быть готовой, не двигаться, взирать и ждать».

Если бы всѣ, а мы русскіе, въ особенности, съ такою же ясностью предвидѣли этотъ «конецъ» — и не «взирали и ждали», а дѣйствовали, то, быть можетъ не дошло бы до октябрьской катастрофы. Но русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ: пока глазами не увидитъ, — не повѣритъ; пока на собственной шкурѣ не испытаетъ, — не почувствуетъ.

Тѣ же, кто все это видѣлъ и зналъ, тотъ небольшой кругъ русской интеллигенціи, — истинные «птенцы гнѣзда Петрова», — были, какъ и Достоевскій, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Имъ или не вѣрили, не понимая о чемъ они говорятъ, чего хотятъ, или вовсе ихъ не слушали. Одни не слушали потому, что вообще не интересовались дѣйствительностью, были «аполитичны». Другіе относились къ такого рода пророчествамъ и указаніямъ, какъ къ явленію чисто-литературному, съ жизнью и дѣйствительностью ничѣмъ не связанному.

Проглядѣвъ Достоевскаго, русское общество проглядѣло и другое явленіе, тоже «литературное», но по смыслу и значенію своему выходящее далеко за предѣли литературныхъ рамокъ, связанное глубокими под-

земными корнями и съ «Бѣсами», и съ русскимъ большевизмомъ. Явленіе это — футуризмъ.

Футуризмъ надѣлалъ шуму и въ Россіи, и заграницей, о немъ спорили, однако въ истинную его суть проникли немногіе. «Конецъ міра идетъ», этихъ словъ Достоевскаго никто не вспомнилъ. Правда футуристы, — предтечи большевиковъ, — были жалкими и безпомощными щенками, но въ нихъ, какъ солнце въ каплѣ воды, отразился темный ликъ «страшнаго и умнаго духа, духа самоуничтоженія и небытія».

О связи футуризма съ большевизмомъ, съ «концомъ міра», писалъ Д. Мережковскій: «футуризмъ еще не конецъ, а только «проба» конца, — говоритъ онъ по поводу манифеста Маринетти, — одна изъ неудачныхъ пробъ».

Тогда никто не отнесся къ этому серьезно. «Апокалипсическій анекдотъ», смѣялись просвѣщенные люди. Но «анекдотъ» сталъ реальной дѣйствительностью. Манифестъ Маринетти вошелъ въ плоть и кровь, пріобрѣлъ неожиданную силу, которая въ лицѣ Ленина и Троцкаго три года уже грозитъ Европѣ «такимъ потрясеніемъ, какого еще никогда не бывало».

«Мы готовимъ созданіе механическаго человѣка», говоритъ Маринетти. Механическій человѣкъ — автоматъ. Превратитъ человѣка въ автомата, — не къ тому ли стремится и Ленинъ? Да, у обоихъ одна цѣль — человѣкоубійство; и одна воля, — воля къ разрушенію, къ уничтоженію, къ небытію.

Я уже говорилъ, что русское общество, за немногими исключеніями, осталось глухо къ предчувствіямъ Достоевскаго. Но менѣе всего считались съ опасностью тѣ, кого она касалась болѣе всего, — реальные политики, русскіе и европейскіе: для нихъ она про-

сто не существовала. Между тѣмъ опасность была не призрачная, а самая реальная, въ полномъ смыслѣ слова, — *государственная*.

Впервые съ этой опасностью Россія столкнулась не въ лицѣ большевиковъ; она столкнулась съ ней уже въ войнѣ съ императорской Германіей. Война была воистину началомъ «борьбы міровъ», человѣка съ автоматомъ, которую съ такимъ ясновидѣніемъ предсказалъ Уэльсъ. Принципъ стараго германскаго милитаризма — «сила есть право», цѣль — абсолютное государство. Къ этой же цѣли стремятся теперь большевики, достойные преемники императорской Германіи. Ничего новаго они не выдумали, кромѣ вывѣски, да и ту украли. «Все, что есть у васъ, есть и у насъ» по слову чорта Достоевскаго могли бы они сказать, — только наизнанку, искаженное, словно отраженіе въ кривомъ зеркалѣ: та же палка, но съ другого конца, тотъ же принципъ «сила есть право», только подъ флагомъ «свободы» и «революціи».

Кто не понималъ, за что велась первая война, тотъ не понимаетъ войны и съ большевиками. Не понимаетъ, что война эта — продолженіе войны всемірной. Ибо война велась не только за международный рынокъ, не только за африканскія колоніи. Главный смыслъ и оправданіе войны были — защита культуры и человѣчества отъ всемірнаго имперіализма.

Россія вступила въ войну неподготовленной ни технически, ни идейно. Технически она была слабѣе Германіи. Идейно — какую идею могла она противопоставить? Что война велась за спасеніе культуры и человѣчества, — это, пожалуй, знали. Но въ чемъ спасеніе, — не зналъ никто. Бороться съ автоматомъ можно лишь утвержденіемъ человѣческой личности.

Достоевскій зналъ, во что она *можетъ* воплотиться. Зналъ, что за взрывчатая смѣсь «шигалевщина». Потому и отшатнулся съ такимъ вѣщимъ ужасомъ отъ «революціи», проклялъ, отдулся, отплевался отъ нея, какъ отъ сатаны.

Какъ то въ ясный весенный день 18-го года, когда выходили еще «буржуазныя» газеты и журналы, я въ «Огонькѣ» прочелъ замѣчательный разсказъ, чей не помню, озаглавленный: «Гдѣ Онъ?»

...Однажды утромъ, уже послѣ большевистскаго переворота, на Сенатской площади было обнаружено исчезновеніе всадника съ памятника Петра Великаго. Собралась толпа, глазѣла, перешептывалась, тосталась. Пріѣхали комиссары. Долго думали и гадали, кто могъ совершить такую кражу. Вдругъ замѣтили въ снѣгу у памятника глубокіе слѣды тяжелыхъ чугунныхъ ногъ. «Ушелъ, самъ ушелъ», — пронеслось въ толпѣ.

Тутъ я вспомнилъ Достоевскаго.

«А что какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ кверху, не уйдетъ-ли съ нимъ вмѣстѣ этотъ гнилой, склизкій городъ, подымется съ туманомъ и исчезнетъ, какъ дымъ, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадникъ на жарко дышащемъ, загнанномъ конѣ»...

Не Петербургъ растаялъ — Петръ ушелъ. И все-таки Достоевскій не ошибся. «Новый» Петербургъ нисколько не реальнѣе Петербурга стараго, а лишь страшнѣе: не страшнѣе ли каменный призракъ безплотнаго духа, навожденія, марева?

Нѣтъ, ты утонешь въ тинѣ черной,
Проклятый городъ, Божій врагъ.
И червь болотный, червь упорный
Изъѣстъ твой каменный костякъ![1])

[1]) З. Н. Гиппіусъ «Петербургъ» 1908. г.

II

Достоевскій не только предчувствовалъ большевиковъ, но и отлично сознавалъ, что большевизмъ — катастрофа всемірная.

«Конецъ міра идетъ, — пишетъ онъ въ предсмертномъ дневникѣ. — Конецъ столѣтія обнаружится такимъ потрясеніемъ, какого еще никогда не бывало. Россіи надо быть готовой, не двигаться, взирать и ждать».

Если бы всѣ, а мы русскіе, въ особенности, съ такою же ясностью предвидѣли этотъ «конецъ» — и не «взирали и ждали», а дѣйствовали, то, быть можетъ не дошло бы до октябрьской катастрофы. Но русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ: пока глазами не увидитъ, — не повѣритъ; пока на собственной шкурѣ не испытаетъ, — не почувствуетъ.

Тѣ же, кто все это видѣлъ и зналъ, тотъ небольшой кругъ русской интеллигенціи, — истинные «птенцы гнѣзда Петрова», — были, какъ и Достоевскій, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Имъ или не вѣрили, не понимая о чемъ они говорятъ, чего хотятъ, или вовсе ихъ не слушали. Одни не слушали потому, что вообще не интересовались дѣйствительностью, были «аполитичны». Другіе относились къ такого рода пророчествамъ и указаніямъ, какъ къ явленію чисто-литературному, съ жизнью и дѣйствительностью ничѣмъ не связанному.

Проглядѣвъ Достоевскаго, русское общество проглядѣло и другое явленіе, тоже «литературное», но по смыслу и значенію своему выходящее далеко за предѣли литературныхъ рамокъ, связанное глубокими под-

земными корнями и съ «Бѣсами», и съ русскимъ большевизмомъ. Явленіе это — футуризмъ.

Футуризмъ надѣлалъ шуму и въ Россіи, и заграницей, о немъ спорили, однако въ истинную его суть проникли немногіе. «Конецъ міра идетъ», этихъ словъ Достоевскаго никто не вспомнилъ. Правда футуристы, — предтечи большевиковъ, — были жалкими и безпомощными щенками, но въ нихъ, какъ солнце въ каплѣ воды, отразился темный ликъ «страшнаго и умнаго духа, духа самоуничтоженія и небытія».

О связи футуризма съ большевизмомъ, съ «концомъ міра», писалъ Д. Мережковскій: «футуризмъ еще не конецъ, а только «проба» конца, — говоритъ онъ по поводу манифеста Маринетти, — одна изъ неудачныхъ пробъ».

Тогда никто не отнесся къ этому серьезно. «Апокалипсическій анекдотъ», смѣялись просвѣщенные люди. Но «анекдотъ» сталъ реальной дѣйствительностью. Манифестъ Маринетти вошелъ въ плоть и кровь, пріобрѣлъ неожиданную силу, которая въ лицѣ Ленина и Троцкаго три года уже грозитъ Европѣ «такимъ потрясеніемъ, какого еще никогда не бывало».

«Мы готовимъ созданіе механическаго человѣка», говоритъ Маринетти. Механическій человѣкъ — автоматъ. Превратитъ человѣка въ автомата, — не къ тому ли стремится и Ленинъ? Да, у обоихъ одна цѣль — человѣкоубійство; и одна воля, — воля къ разрушенію, къ уничтоженію, къ небытію.

Я уже говорилъ, что русское общество, за немногими исключеніями, осталось глухо къ предчувствіямъ Достоевскаго. Но менѣе всего считались съ опасностью тѣ, кого она касалась болѣе всего, — реальные политики, русскіе и европейскіе: для нихъ она про-

сто не существовала. Между тѣмъ опасность была не призрачная, а самая реальная, въ полномъ смыслѣ слова, — *государственная*.

Впервые съ этой опасностью Россія столкнулась не въ лицѣ большевиковъ; она столкнулась съ ней уже въ войнѣ съ императорской Германіей. Война была воистину началомъ «борьбы міровъ», человѣка съ автоматомъ, которую съ такимъ ясновидѣніемъ предсказалъ Уэльсъ. Принципъ стараго германскаго милитаризма — «сила есть право», цѣль — абсолютное государство. Къ этой же цѣли стремятся теперь большевики, достойные преемники императорской Германіи. Ничего новаго они не выдумали, кромѣ вывѣски, да и ту украли. «Все, что есть у васъ, есть и у насъ» по слову чорта Достоевскаго могли бы они сказать, — только наизнанку, искаженное, словно отраженіе въ кривомъ зеркалѣ: та же палка, но съ другого конца, тотъ же принципъ «сила есть право», только подъ флагомъ «свободы» и «революціи».

Кто не понималъ, за что велась первая война, тотъ не понимаетъ войны и съ большевиками. Не понимаетъ, что война эта — продолженіе войны всемірной. Ибо война велась не только за международный рынокъ, не только за африканскія колоніи. Главный смыслъ и оправданіе войны были — защита культуры и человѣчества отъ всемірнаго имперіализма.

Россія вступила въ войну неподготовленной ни технически, ни идейно. Технически она была слабѣе Германіи. Идейно — какую идею могла она противопоставить? Что война велась за спасеніе культуры и человѣчества, — это, пожалуй, знали. Но въ чемъ спасеніе, — не зналъ никто. Бороться съ автоматомъ можно лишь утвержденіемъ человѣческой личности.

Утверждалась-ли у насъ личность, зналъ ли кто-нибудь, какія для этого необходимы условія? Да, «птенцы гнѣзда Петрова» знали; они говорили и повторяли, что безъ свободы человѣческая личность существовать не можетъ, что свобода нужна ей, какъ воздухъ. Но, повторяю, съ ними не считались, ихъ не слушали, ихъ не понимали. Да и трудно было при царѣ говорить о свободѣ. Но главная причина непониманія крылась почти въ полномъ отсутствіи среди русской интелигенціи настоящихъ идеологовъ культуры. Были спеціалисты по «культурнымъ вопросамъ» — и только, равнодушные рѣшительно ко всему, что не вмѣщалось въ узкія рамки ихъ спеціальности. Эти безъидейные люди, въ большинствѣ случаевъ а-политичные, сами ничѣмъ не отличались отъ автоматовъ. А на что автомату свобода? Она ему не нужна, онъ ее не понимаетъ, онъ ею не пользуется. Онъ можетъ одинаково работать и на войну и на миръ, и на революцію и на реакцію, — въ зависимости отъ того, въ чьихъ онъ рукахъ.

Только февральская революція дала Россіи настоящее оружіе противъ Германіи — *свободу*. Она же опредѣлила и смыслъ міровой войны. Съ одной стороны войну рѣшено было продолжать до конца, до побѣды надъ Германіей, съ другой, побѣдивъ Германію, заключить миръ «безъ анексій и контрибуцій». Этимъ подчеркивалось, что смыслъ войны не въ борьбѣ съ Германіей, а въ борьбѣ съ принципомъ: «сила есть право.» То же самое высказалъ и президентъ Вильсонъ: «война должна кончиться безъ побѣдителей и побѣжденныхъ»... Увы, его мудрое слово не было услышано...

Большевики вырвали изъ рукъ Россіи ея един-

ственное оружіе — свободу. И вотъ, произошла катастрофа. Февральская революція кончилась большевистскимъ переворотомъ, свободоубійствомъ, т. е. торжествомъ принципа — «сила есть право».

Завоевавъ Россію, большевики, конечно, не могли допустить учредительнаго собранія. И учредительное собраніе было разогнано. Послѣ Брестскаго мира, закрѣпившаго на бумагѣ германо-большевистскій союзъ, стало ясно, что Германія не только побѣдила Россію, но и пріобрѣла въ лицѣ большевиковъ, правда опасныхъ, но вѣрныхъ союзниковъ.

Однако, какъ ни печаленъ былъ конецъ февральской революціи, ея начало, первые дни русской свободы, доказали съ несомнѣнной ясностью, что Достоевскій ошибся, что настоящая революція не стихійно-разрушительна, а творчески-созидательна, не уничтожаетъ, а освобождаетъ и утверждаетъ человѣческую личность. Если тѣмъ не менѣе пророчеству Достоевскаго суждено было исполниться, то виноватъ въ этомъ и русскій народъ, оказавшійся недостойнымъ свободы, убившій ее:

«Народъ, безумствуя, убилъ свою свободу,
И даже не убилъ, — засѣкъ кнутомъ!»

Виновата и русская интеллигенція, «трость вѣтромъ колеблемая», не сумѣвшая воспользоваться тѣмъ даромъ, тѣмъ оружіемъ, которое ей было послано. И оружіе обратилось противъ нея. Февральская революція не захватила, а лишь удивила большинство русскихъ «культурныхъ» людей. Они по прежнему остались созерцательными и пассивными. Но тутъ, «на свободѣ» вскрылась во всей обнаженности ихъ настоящая сущность, — сущность автомата, — аполитизмъ.

Не ясно ли почему на сторону большевиковъ «перешли» тѣ «культурныя силы», присутствіемъ которыхъ они столь гордятся? Для насъ, конечно, не тайна, что эти «спецы» коммунистами не сдѣлались, а, какими были, такими и остались, т. е. автоматами, способными работать на кого угодно. Мы это знаемъ, но другіе, Европа, знаетъ ли, видитъ ли, что́ кроется за большевистской вывѣской?

Примѣръ такого «перехода», автоматическаго поворота по кругу отъ «самодержавія» къ «коммунизму», — поэтъ Александръ Блокъ. Въ этомъ смыслѣ его фигура крайне символична.

Ученикъ Владимира Соловьева, рыцарь Прекрасной Дамы, онъ былъ у черты того новаго религіознаго теченія, которое зародилось и вышло изъ «декадентскаго подполья». Казалось бы, что̀ можетъ онъ имѣть общаго съ большевиками? Не онъ ли первый долженъ былъ на нихъ возстать? А если не возсталъ, то какъ могъ онъ примирить мечту о царствіи Божіемъ на землѣ съ дѣйствительностью русской совѣтской республики? Вопросъ этотъ рѣшается съ механической простотой, достойной автомата, которая намъ кажется величайшимъ кощунствомъ. Отвѣтъ на него въ книгѣ Блока «Двѣнадцать»:

«Гуляетъ вѣтеръ, порхаетъ снѣгъ,
Идутъ двѣнадцать человѣкъ.
Винтовокъ черные ремни,
Кругомъ огни, огни, огни.
Въ зубахъ цыгарка, примятъ картузъ,
На спину бъ надо бубновый тузъ.»

12 апостоловъ Христовыхъ. 12 большевиковъ красноармейцевъ. Вотъ откуда число «12».

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь!
. . . . . .

Мы на горе всѣмъ буржуямъ
Міровой пожаръ раздуемъ:
Міровой пожаръ въ крови,
Господи благослови!

Кто же ведетъ этихъ двѣнадцать опьянѣвшихъ, озвѣрѣвшихъ, обезумѣвшихъ красноармейцевъ «раздувать міровой пожаръ», — или попросту убивать и грабить, — Ленинъ, Троцкій, Карлъ Марксъ? Нѣтъ, ни Ленинъ, ни Троцкій, ни Карлъ Марксъ, а вотъ кто:

«Впереди съ кровавымъ флагомъ,
И за вьюгой невидимъ,
И отъ пули невредимъ,
Нѣжной поступью надвьюжной,
Снѣжной розсыпью жемчужной,
Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ, —
Впереди — Іисусъ Христосъ.»

Вотъ какъ просто, какъ ясно: воистину автоматично.

Былъ царь, — «помазанникъ Божій», — поклонялись царю. Свергли царя, — поклонились народу «Богоносцу». «Нѣсть власти аще не отъ Бога.» Но покрывать именемъ Христовымъ самодержавіе русскаго народа такое же кощунство, какъ покрывать Его именемъ самодержавіе русскаго царя. Нельзя именемъ Христовымъ покрыть свободоубійство.

«Блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ.»

III

Да, нигдѣ не было столь благопріятныхъ условій для большевистскихъ опытовъ, какъ въ Россіи. Но какъ можно думать, что большевизмъ явленіе «чисто русское?» Никогда въ Россіи, безъ западно-европей-

скаго соціализма — марксизма, не было бы большевиковъ, точно такъ же какъ не было бы ихъ безъ русскаго анархизма. Безъ Маркса большевистская революція вспыхнула бы и погасла, какъ вспыхивали и гасли до нея многочисленные бунты и возстанія Безъ русскаго анархизма, Марксъ остался бы научной утопіей, совершеннѣйшимъ механизмомъ подъ стекляннымъ колпакомъ исторіи. Лишь соединеніе Маркса съ Бакунинымъ, русскаго анархизма съ западнымъ соціализмомъ, привело къ «русскому» большевизму, къ взрыву «адской машины».

Но пора увидѣть, однако, что большевизмъ силенъ вовсе не однимъ разрушеніемъ, какъ думаютъ нѣкоторые, — хотя и разрушеніе соблазнительно для широкихъ народныхъ массъ. Главная сила большевизма, его оружіе, — это идея всемірности, — *интернаціоналъ* — въ который искреннiе большевики пламенно вѣруютъ, за который борятся и умираютъ.

Идея всемірности, устройства человѣческой общности на землѣ, сама по себѣ идея праведная и святая, и сейчасъ человѣчеству какъ нельзя болѣе нужная. «Всегда человѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроится непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуры и Чингисханы, пролетѣли, какъ вихрь, по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую великую потребность человѣчества ко всемірному и всеобщему единенію.» (Достоевскій.)

Въ Россіи этого хотѣли, къ этому стремились, такіе люди, какъ Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ,

Чаадаевъ; въ Польшѣ — польскіе мессіанисты Мицкевичъ, Словацкій, Красинскій. Вся европейская культура, поскольку она оставалась вѣрна завѣтамъ христіанства, таила въ себѣ сѣмена этой возможности.

Съ этой же «великой потребностью», но въ искаженномъ видѣ, Европа столкнулась нынѣ въ лицѣ большевиковъ.

— Что вы дѣлаете? Вѣдь вы Россію губите! сказалъ кто-то Ленину.

— Наплевать намъ на Россію! Россія для насъ база. Намъ не Россія нужна, а всемірная революція.

О всемірной революціи, т. е. о всемірномъ большевизмѣ, большевики говорятъ совершенно открыто и совершенно искренно. Они знаютъ, что нѣтъ двухъ путей для нихъ: или побѣда интернаціонала, или гибель. И тутъ они правы: всемірную идею нельзя локализировать. Не можетъ интернаціоналъ быть не интернаціональнымъ. Европа, утѣшающая себя тѣмъ, что русскія дѣла — мѣстное явленіе и большевики — «московиты», которые удовольствуются властью надъ огромной опустошенной страной, — поступаетъ ребячески-наивно, если не преступно. Европѣ надо понять, что большевизмъ или будетъ вездѣ, или его не будетъ нигдѣ.

Что Европа не понимала большевизма, мы видѣли уже по тому, какъ она вела съ нимъ войну. Но окончательно ея непониманіе вскрылось тогда, когда она рѣшила не вмѣшиваться во «внутреннія русскія дѣла», а слѣдовательно, рано или поздно, заключитъ миръ съ совѣтскимъ правительствомъ, признать его.

Вмѣшательство во «внутреннія русскія дѣла», какой абсурдъ!

Никакихъ «внутренныхъ русскихъ дѣлъ» сейчасъ

нѣтъ. Нѣтъ фактически. Вся Россія — только фронтъ, обращенный штыками къ Европѣ. У этого фронта есть, конечно, тылъ; организаціей тыла исчерпываются всѣ «внутреннія» русскія дѣла. «Товарообмѣнъ» съ Россіей — есть укрѣпленіе тыла, а, слѣдовательно, и большевистскаго европейскаго фронта. Внутренняя же политика, въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее старые дипломаты, ведется большевиками не въ Россіи, а заграницей. Ведутъ ее одинаково и русскіе, и мѣстные большевики. И развѣ это не все равно? Надо же когда нибудь понять: большевизмъ явленіе экстерриторіальное, база его (потенціально) — весь міръ, непремѣнная и неотложная цѣль его — всемірная революція.

Не понимая экстерриторіальности большевизма, нельзя понять и его, отсюда вытекающей, политики. Политика эта дѣлима во времени, но недѣлима въ пространствѣ; поэтому она вся исключительно-внѣшняя, разрушительная; и какъ стрѣла ядовитая, она направлена въ самое сердце Европы.

Если же Россія — не только Россія, но и часть Европы, то можно сказать, что европейская революція уже началась. И каждое даное европейское правительство должно твердо помнить: заключая съ большевиками даже самый выгодный, по внѣшности, миръ, оно открываетъ лишнюю дверь всемірной революціи, а себѣ самому подписываетъ смертный приговоръ.

Вотъ примитивная истина, которая до сихъ поръ, однако, не всѣмъ ясна: невозможенъ никакой *честный* миръ съ большевиками. Невозможенъ уже потому, что самое понятіе *честности* у большевиковъ — одно, у любого небольшевистскаго правительства — другое. Самый принципъ обуславливающій raison d'être

большевиковъ, — одинъ, а у любого небольшевистскаго государства — другой, и эти принципы взаимоисключающи. Сторонники 3-го Интернаціонала, вѣрующіе въ «единый и недѣлимый» коммунистическій міръ, не могутъ признавать существованіе какого-бы то ни было отдѣльнаго государства, да еще не отказавшагося отъ національнаго принципа. Не могутъ, сколько бы ни говорили о «самоопредѣленіи» народовъ; эти слова для нихъ лишь политическій пріемъ. Если бы они признали право на существованіе какого-нибудь отдѣльнаго государства, — признали не на словахъ, а на дѣлѣ, «честно», — они поступили бы «нечестно» по отношенію къ своему собственному принципу, измѣнили бы своей идеѣ. И отъ пропаганды они, по той же причинѣ, отказаться не могутъ, какія бы ни подписывали бумажки.

Въ самомъ дѣлѣ, безъ вѣрности интернаціоналу, безъ пропаганды, большевики теряютъ не только смыслъ своего существованія, но и самое существованіе, политическое и даже фактическое.

Нужна воистину бездонная наивность старыхъ дипломатовъ, чтобы вѣрить бумажнымъ отказамъ большевиковъ отъ пропаганды. Подпольная партія, по капризу исторіи попавшая «въ случай», получившая такую базу, такія огромнѣйшія средства, — цѣлую Россію! — да ради чего, ради чьихъ «прекрасныхъ глазъ», пойдетъ она на самоубійство? А вожаки прекрасно понимаютъ, что всякая, даже мелкая, измѣна принципу будетъ убійственной. И остаются вѣрны ему.

Со времени Брестскаго мира большевики такъ увѣрились въ глухотѣ европейской дипломатіи и европейскихъ политическихъ дѣятелей, что, нисколько не стѣсняясь, громогласно заявляютъ: ни на какія уступ-

ки мы не пойдемъ: впрочемъ, всѣ бумажки подпишемъ. Это нашъ секретъ побѣды.

И секретъ, несмотря на всю откровенность, остается секретомъ. Даже примѣръ Германіи, — (вѣдь она первая приняла бумажку большевиковъ объ отказѣ отъ пропаганды, о демобилизаціи красной гвардіи и т. д.) — никому не открылъ глазъ и ушей. Но, видно, большевики лучше знаютъ мѣру (или безмѣрность) всеевропейской глухоты, спокойны за свой секретъ и не церемонятся.

Не говоря о томъ, что всякій бумажный миръ со всякой державой — прямая выгода для большевиковъ (не удобнѣе-ли вести пропаганду въ мирной обстановкѣ?), но даже сами изобильныя и навязчивыя предложенія мира есть одинъ изъ методовъ пропаганды. Этими предложеніями большевики вербуютъ себѣ помощниковъ внутри каждаго государства. Въ каждой странѣ (опасно забывать это) есть «массы», — главная добыча большевиковъ, — болѣе или менѣе похожія на тѣ сѣрыя русскія массы, которыя повалили въ Россію съ германскаго фронта въ объятія большевиковъ ради обѣщанныхъ: «мира, хлѣба и свободы». Пусть они получили вмѣсто мира злѣйшую и безысходную войну, вмѣсто хлѣба — голодную смерть, вмѣсто свободы — не абсолютизмъ даже, а какое-то ассирійское рабство. Но ранѣе имъ дана была свобода пограбить, побить винные погреба; а протрезвившись, онѣ забыли, что имъ было обѣщано, и покорились существующей власти. Россійская «масса» не въ примѣръ сѣра, она особенно благодарный матеріалъ для большевиковъ, но я повторяю и подчеркиваю, что «массы» всѣхъ странъ имѣютъ общія свойства; по свидѣтельству извѣстнаго французскаго психолога Ле-

бона, онѣ: *довѣрчивы, безпамятны, склонны къ заразѣ разрушенія и совершенно равнодушны къ свободѣ:* она имъ не нужна. На этихъ свойствахъ массъ большевики и строятся, на нихъ разсчитываютъ, ихъ и развиваютъ. У большевиковъ есть выраженіе: «использовать массы». Это и значитъ использовать довѣрчивость, безпамятство, стихійную волю къ разрушенію и безсознательное отношеніе народовъ къ свободѣ.

Въ Европѣ «массы» болѣе культурны, чѣмъ у насъ? Англійскіе и французскіе большевики не похожи на русскихъ? Но для Англіи и Франціи они такіе же большевики, какъ русскіе для Россіи. Большевизмъ нигдѣ не теряетъ своего духа, своего интернаціональнаго принципа, и прежде всего хочетъ, опираясь на «массы», «используя» ихъ, — уничтожить всякій народъ, какъ отдѣльную единицу.

Пусть Европа пойметъ это. И пусть не забываетъ, пусть, твердо держитъ въ памяти, что эта возможная всемірная революція, возможный всемірный большевизмъ — есть ничто мное, какъ всемірное разрушеніе, тотъ «конецъ міра», о которомъ писалъ Достоевскій.

IV

Но почему же великая идея всемірности, вѣчная мечта человѣчества, идея всѣхъ пророковъ и мыслителей, «золотой вѣкъ», «всеобщее счастье, «Царство Божіе на землѣ», — почему эта идея, въ рукахъ большевиковъ — коммунистовъ, марксистовъ — воплощается въ абсолютное разрушеніе, только разрушеніе?

Почва, на которой строится большевизмъ, его предпосылка — экономическій матеріализмъ, атеизмъ. Отъ него къ механическому автоматизму, и далѣе — къ озвѣренію, къ потерѣ *лица* человѣческаго — вотъ естественный путь большевизма. Вся европейская культура исходитъ изъ христіанскаго корня и основана на *личности;* держится на ней, какъ на стержнѣ. Убивается личность — вынимается стержень, и не только культура, но самое бытіе человѣческое разлагается, приближается къ небытію, механизируется.

«Страшный и умный духъ небытія», по Достоевскому, уже дѣйствуетъ въ большевикахъ, но они лишь его первые — и какіе безсознательные! — служители. Они покорно «учли» всѣ человѣческія нужды и потребности, то-есть, вѣрнѣе, нужды и потребности человѣка-машины, человѣка-автомата, и можетъ быть, искренно думаютъ, что въ концѣ концовъ стремленіе ихъ превратить все живое въ часть сложнаго государственнаго механизма, чудовищнаго perpetuum mobile, уже не встрѣтитъ препятствій. Они не смущаются грознымъ фактомъ попутнаго всеразрушенія, считая, что это еще заканчивается разрушеніе «стараго» міра, «старыхъ предразсудковъ». Не признавая личности, не признавая ничего пребывающаго, вѣчнаго, абсолютнаго въ исторіи человѣчества, они ничего не имѣютъ противъ коренного разрушенія всей европейской культуры.

Все съизнова начнемъ! Остановись,
Жужжащая уныло прялка!
Нить, перетлѣвшая давно, порвись!
Намъ въ прошломъ ничего не жалко.[1])

[1]) З. Н. Гиппіусъ.

Большевики въ сущности повторяютъ еще разъ древнюю-древнюю исторію вавилонской башни, библейскаго интернаціонала. И даже нельзя сказать, чтобы сознаніе новыхъ строителей было острѣе и шире сознанія строителей вавилонскихъ. Это какъ бы возвращеніе по кругу: новая попытка «устроиться на землѣ безъ Бога».

«... воздвигнется новое зданіе, — пророчески говоритъ Великій Инквизиторъ у Достоевскаго, — воздвигнется вновь страшная вавилонская башня...» И добавляетъ: «но и эта останется недостроенной, какъ и прежняя».

Большевистская сегодняшняя башня останется недостроенной и строители ея «разсѣются», конечно, — но значитъ-ли это, что погибнетъ дѣло «страшнаго и умнаго духа небытія» — діавола? Нѣтъ, ибо, повторяю, большевики — первые, еще слѣпые, служители, посланные приготовить пути ему, Великому Инквизитору, — Великому Большевику. Имъ завершается, заканчивается большевистская линія.

На первый взглядъ кажется, что единства линіи нѣтъ, что большевиковъ и Великаго Инквизитора раздѣляетъ пропасть. Но эта пропасть — лишь въ исторіи, во времени, или, говоря кантовскимъ языкомъ, въ сознаніи. На самомъ же дѣлѣ Онъ и они — *одно*. Они начало, Онъ — конецъ. Они слѣпы, стихійны, — безсознательны. Онъ — высшая точка ихъ сознанія. Вотъ почему по немъ мы окончательно можемъ судить о нихъ.

Современные большевики, «учтя» все, — не учли, что личность человѣческая можетъ быть задавлена, но не разрушена. Рано или поздно, она возстанетъ противъ своихъ палачей, хотя бы потому, что люди,

доведенные до отчаянія перманентнымъ разрушеніемъ, разувѣрятся въ возможности «устроить жизнь безъ Бога». Человѣчество надо еще умѣть «обмануть» *до конца*.

Это знаетъ мудрый Великій Инквизиторъ.

«Люди отыщутъ насъ тогда подъ землею, въ катакомбахъ», — говоритъ Онъ о моментѣ, въ который возьметъ дѣло большевиковъ въ свои руки, какъ ихъ продолжатель, — «къ намъ придутъ они, промучавшись тысячу лѣтъ со своей башней. Найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ огонь съ небеси, его не дали намъ. . .»

«И тогда уже мы (Я) и достроимъ ихъ башню, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, и накормимъ лишь мы во Имя Твое (Христа) и *солжемъ*, что во Имя Твое.»

«Мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во Имя Твое. Мы ихъ обманемъ, ибо Тебя мы уже не пустимъ къ себѣ.»

И кончаетъ, обращаясь ко Христу, котораго онъ, Великій Инквизиторъ «Легенды» Достоевскаго, заточилъ въ тюрьму: «Я-ли скрою отъ Тебя тайну нашу? ... Мы не съ Тобой, а съ *Нимъ*, вотъ наша тайна. Мы взяли отъ Него то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными...»

Эта послѣдняя мудрость скрыта отъ большевиковъ. Разрушая, они слѣпо исполняютъ волю пославшаго ихъ. Они не знаютъ «тайны» Великаго Инквизитора. Но знаютъ, или не знаютъ, — у нихъ съ Вели-

комъ Инквизиторомъ тайна одна, ибо — одна линія. Они не видятъ Христа, поэтому только и не могутъ сказать «мы не съ Тобою, а съ Нимъ» (съ Діаволомъ). Они вѣдь за тысячу верстъ — (за тысячу лѣтъ) — отъ самой мысли о Христѣ.

Блокъ, въ своей поэмѣ «12», увидѣлъ «Христа», ведущаго новыхъ апостоловъ, красноармейцевъ. Онъ только не увидѣлъ — (и не могъ увидѣть), — что это не Христосъ — а «умный и страшный и страшный духъ небытія», и за *Нимъ*, съ *Нимъ*, идутъ новые красные апостолы уже не по знойной мало-азійской пустынѣ, — а по снѣжной, вьюжной, русской.

«Мы солжемъ, что это Ты. Мы обманемъ, ибо мы не съ Тобой, — а съ *Нимъ*».

И когда большевики пишутъ на своихъ знаменахъ «Царству нашему не будетъ конца», — они наивно, не понимая, выдаютъ свою тайну, свою связь съ ихъ завершителемъ, Великимъ Инквизиторомъ: «... Мы объявили себя царями земными, царями едиными»...

V

Одна тайна, одна линія, одна мечта... Какими бы далекими предтечами, мелкими, безсознательными подготовителями грандіозныхъ воплощеній Діавола ни были большевики, — борьба съ ними должна вестись въ той же плоскости, въ какой можетъ вестись и съ Нимъ. Борьба съ ними есть уже въ сущности борьба съ Нимъ.

Міръ, человѣчество, изначала вело эту борьбу, но каждое время требуетъ своихъ, все болѣе и болѣе опредѣленныхъ формъ.

Благодаря множеству обстоятельствъ, главнымъ образомъ, благодаря всемірной войнѣ, кучка подполь-

ныхъ дѣятелей-фанатиковъ получила возможность самымъ осязательнымъ образомъ воплощать идею «всемірнаго устроенія». Воплощать ее въ обратномъ, искаженномъ видѣ, изъ идеи созидательной претворивъ въ идею разрушительную, но все-таки воплощать въ жизнь. Третій Интернаціоналъ не мечта, онъ уже реаленъ, хотя бы человѣческой кровью, на которой воздвигается.

Какое же оружіе въ рукахъ у борющихся съ кровавымъ Интернаціоналомъ? Какое *воплощеніе* какихъ идей противопоставляетъ ему западъ? Идею національную? Самоопредѣленіе народностей? Это праведныя и, можетъ быть, вѣчныя идеи, — но онѣ не равноцѣнны по объему идеѣ большевизма. *Всемірное* счастье, *всеобщее* равенство — обѣщанія болѣе плѣнительныя, болѣе соблазнительныя, даже болѣе возвышающія, чѣмъ національныя, частныя, надежды на удовлетвореніе. И мы видимъ, какъ разрозненно ведется борьба противъ единаго большевистскаго фронта. Западъ еще не понялъ «тайны» третьяго Интернаціонала — этого третьяго Рима. Мы можемъ только надѣяться, что Европа наканунѣ этого пониманія...

Достоевскій, наиболѣе ярко и живо предчувствовавшій большевиковъ, уже намѣчалъ силу, которая должна и можетъ быть противопоставлена строителямъ новой вавилонской башни.

Эта сила — начало новаго воплощенія идеи *Вселенскости*, воплощенія творческаго, созидательнаго.

Всемірный союзъ народовъ въ свѣтѣ одной Истины.

Достоевскій называлъ такой союзъ грядущей Вселенской Церковью. Грядущей, — ибо о вселенскости воздыхала каждая историческая Церковь, но ни одна ея не достигла.

Какъ бы мы ни называли настоятельно-необходи-

мое, всеобщее соединеніе людей на основѣ всемірной идеи, — мы знаемъ, что одно только такое соединеніе, только такой новый союзъ можетъ дѣйствительно бороться и въ корнѣ побѣдить безсознательныхъ слугъ діавола, взявшихъ въ руки божественную идею Свободы — Равенства — Братства и воплощающихъ ее въ насиліи, ненависти, рабствѣ.

Коллективъ истинный — противъ коллектива ложнаго. *Новый, Вселенскій Союзъ Христовъ* — противъ Интернаціонала.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1919—1920

Изъ книги «Царь и Революція». («Le Tsar et la Révolution», D. Méréjkowsky, Z. Hippius, D. Filosofoff. 1907. Paris.)

«Съ русской революціей, рано или поздно, придется столкнуться Европѣ, не тому или другому европейскому народу, а именно Европѣ, какъ цѣлому, — съ русской революціей или русской анархіей, ибо что такое въ настоящее время совершается въ Россіи, переходъ ли отъ одной государственной формы къ другой, или выходъ изъ всѣхъ государственныхъ формъ въ неизвѣстное, это сейчасъ рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ, уже и теперь ясно, что это игра опасная не только для насъ, русскихъ, но и для васъ, европейцевъ. Съ пристальнымъ и тревожнымъ вниманіемъ слѣдите вы за русской революціей — недостаточно все-таки тревожнымъ, недостаточно пристальнымъ: то, что у насъ происходитъ, страшнѣе, чѣмъ кажется вамъ. Мы горимъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но что мы одни будемъ горѣть и васъ не подожжемъ, такъ же ли это несомнѣнно?

«Всѣ внѣшнія событія нашего переворота до мельчайшихъ подробностей извѣстны Европѣ; но внутренній смыслъ ихъ отъ нея ускользаетъ. Движущееся тѣло видитъ она, а не движущую душу русской революціи. Душа ея, душа Россіи, остается для Европы вѣчною загадкою»...

... «Русская революція — не только политика, но и религія, вотъ что всего труднѣе понять Европѣ, для которой и сама религія давно уже политика. Вы судите по себѣ: вамъ кажется, что мы переживаемъ естественную болѣзнь политическаго роста, которую переживали въ свое время всѣ европейскіе народы; пусть же перебѣсимся — все равно, выше головы своей не прыгнемъ, кончимъ тѣмъ же, чѣмъ вы: остепенимся, взнуздаемся парламентскимъ намордникомъ, откажемся отъ соціалистическихъ и анархическихъ крайностей и удовольствуемся буржуазно-демократической лавочкою, вмѣсто града Божьяго: такъ было вездѣ, такъ будетъ и у насъ.

«Пожалуй, и дѣйствительно, было бы такъ, если бы мы не были вы «на-изнанку», если бы не наша «трансцендентность», заставляющая насъ разбивать голову объ стѣну, летѣть «пятами вверхъ». Во всякомъ случаѣ, на конституціонной монархіи мы не остановимся. Да и не могла бы, если бы даже хотѣла, русская монархія дать конституцію. Для царя православнаго отречься отъ самодержавія значитъ отречься отъ православія...

... «Но когда всѣ историческія формы нашей государственности и церковности будутъ низвергнуты, тогда въ политическомъ и религіозномъ сознаніи народа зазіяетъ такая пустота, которую не наполнятъ никакія существующія формы европейской государственности, не только конституціонная монархія, но и буржуазно-демократическая республика. Для того чтобы тысячелѣтнія громады окончательно рухнули, нужно такое землетрясеніе, что всѣ старыя парламентскія лавочки попадаютъ, какъ карточные домики. Ни на одной изъ нихъ русская революція не остановится. Но

тогда на чемъ же, и что же далѣе? Прыжекъ въ неизвѣстное, въ «трансцендентное», полетъ пятами вверхъ. Русская революція такъ же абсолютна, какъ отрицаемое ею самодержавіе. Сознательный, эмпирическій предѣлъ ея — соціализмъ; безсознательный, мистическій — анархія. Еще Бакунинъ предчувствовалъ, что окончательная революція будетъ не народною, а всемірною. Русская революція — всемірная.

«Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожаръ. Но берегитесь: не вы насъ потушите, а мы зажжемъ васъ»...

Это было написано въ 1907 году. Вы тогда не повѣрили — и сейчасъ не вѣрите.

*

Чѣмъ вы спокойнѣе, тѣмъ страшнѣе намъ.

*

Когда мы съ вами говоримъ, то всѣ слова какъ въ подушку.

*

Большевизмъ — трупъ войны. Всемірною была война, и трупъ ея всемірenъ.

*

Какъ ни страшно то, что съ нами было, мы не хотимъ, чтобы этого не было. Нашъ опытъ — наша взрослость. А вы все еще дѣти: глядя на смерть, думаете: умрутъ всѣ, только не я.

*

Не своею силою сильны большевики, а вашею слабостью. Они знаютъ, чего хотятъ, а вы не знаете; они хотятъ всѣ одного, а вы хотите каждый разнаго.

*

Положительную силу большевиковъ вы преувеличиваете, отрицательную — преуменьшаете: ничего не могутъ они создать, но все могутъ разрушить, растлить.

*

Въ Россіи «немедленный соціализмъ» — бракъ пятилѣтней дѣвочки — растленіе.

*

«Я думаю, — говоритъ Достоевскій, — самая коренная потребность русскаго народа есть потребность страданія, всегдашняго и неутолимаго. Этою жаждою страданія онъ, кажется, зараженъ искони вѣковъ... Страданіемъ своимъ русскій народъ какъ бы наслаждается».

*

Въ мірѣ и въ человѣкѣ два полюса: страдательный и дѣйственный, жертвенный и героическій, вѣчно-женственный и вѣчно мужественный. Въ совершенномъ человѣкѣ — Богочеловѣкѣ — эти два полюса соединяются. Когда Сынъ обращенъ къ Отцу, Онъ страдателенъ, жертвенъ, женственъ: «Не моя, а Твоя да будетъ воля». Когда обращенъ къ міру, — Онъ дѣйственъ, героиченъ, мужественъ: «Я побѣдилъ міръ».

*

Въ русскомъ народѣ только одинъ изъ двухъ полюсовъ — религіозная женственность.

*

Въ противоположность западному католическому христіанству — мужественному — восточное, византійское — женственно. Православіе на русскій народъ — женственность на женственность.

*

Съ византійскимъ христіанствомъ принялъ русскій народъ и византійское язычество — самодержавіе. Въ самодержавіи — начало римской власти, римскаго мужества. Но какъ преломляется оно въ женственной русской стихіи? По Конст. Аксакову, сущность русской исторіи — «отреченіе, открещиваніе отъ власти», религіозная анархія, осуществляемая въ политической монархіи. «Государство, — говоритъ Аксаковъ, — никогда у насъ не обольщало собою народа; не хотѣлъ народъ нашъ облечься въ государственную власть, а отдавая эту власть избранному имъ и на то назначенному государю, самъ желалъ держаться своихъ внутреннихъ жизненныхъ началъ», то-есть, женственныхъ, жертвенныхъ.

*

Въ самодержавіи русскій народъ какъ бы выдѣляетъ изъ себя всю свою мужественность и отдаетъ ее одному — самодержцу.

*

Вся русская мужественность сосредоточилась въ царѣ. Палъ царь — пала мужественность — осталась абсолютная женственность.

*

Абсолютная животственность — безсознательность. Вмѣсто сознанія — инстинктъ. Религіозный инстинктъ русскаго народа обманутъ православіемъ и самодержавіемъ. Царь отъ Бога; былъ царь, былъ Богъ; не стало царя, и Бога не стало. Вотъ почему «переходъ въ полный атеизмъ совершился до того легко, точно въ баню сходили и окатились новой водой». (В. Розановъ, «Апокалипсисъ нашего времени.») Раскрестились мгновенно.

*

Народъ поклонился царю, какъ Богу; интеллигенція поклонилась народу, тоже какъ Богу. Безличный народъ обожествилъ царя; одинокая личность обожествила безличный народъ. Идолопоклонство, обожествленіе взимное. Два разныхъ кощунства — человѣкобожество и народобожество.

*

Иванъ Карамазовъ сказалъ: «человѣкъ есть Богъ». А Смердяковъ сдѣлалъ себя Богомъ.

Когда народъ сталъ Богомъ, то совершилось надъ нимъ то, что сказано о всякомъ человѣкѣ и соединеніи человѣческомъ, которые становятся на мѣсто Божье: «отнимется у него сердце человѣческое, и дастся ему сердце звѣриное».

*

Страшенъ Царь-Звѣрь, но еще страшнѣе Звѣрь-Народъ.

Русская революція опрокинула самодержавіе, но не разрушила. Самодержавіе царя — пирамида остріемъ вверхъ: одинъ порабощаетъ всѣхъ. Самодержавіе

народа — также пирамида, остріемъ внизъ: одинъ порабощается всѣми. Но сила гнета, тяжесть рабства въ обоихъ случаяхъ одинакова.

*

Религіозная идея самодержавія, та ось, на которой оно вертится — православіе — осталась революціей нетронутой, непонятой. На этой оси пирамида самодержавія съ легкостью опрокинулась, повернулась остріемъ внизъ; и возстановится, повернется остріемъ вверхъ съ такою же легкостью.

*

У царя Николая былъ Распутинъ, у царя-народа — Ленинъ. Тотъ — мужикъ; этотъ — интеллигентъ; тотъ блудникъ и пьяница; этотъ — скопецъ и трезвенникъ; тотъ — изувѣръ съ Богомъ; этотъ — безъ Бога. Какъ различны и подобны! Не въ глазахъ, а во взорѣ, или только въ возможности взора — одинъ и тотъ же русскій хмѣль, русскій бѣсъ, черный Діонисъ; одно и то же безуміе хлыстовскихъ радѣній, все равно какихъ, монархическихъ или анархическихъ.

*

Въ послѣдніе дни царя Николая, стоило вглядѣться въ лицо Распутина, чтобы понять: это бредъ, навожденіе; это не можетъ длиться долго. И теперь, стоитъ вглядѣться въ лицо Ленина, чтобы понять: это долго длиться не можетъ: второй Распутинъ падетъ, и начнется вторая революція, — нѣтъ, не вторая, а первая — все та же единственная, не оконченная, а только задержанная, заваленная нерастаявшей ледяной глыбой

опрокинутаго самодержавія — Октябрской контрреволюціей.

*

Грядущій Хамъ узнается по дурному запаху. Это шутка? Нѣтъ, эстетика не шутка, а проникновеніе въ сердце вещей. Некрасота, антиэстетика русской «соціалистической революціи» — зловѣщій знакъ. Жизнь прекрасна; все живое цвѣтетъ и благоухаетъ; только мертвое тлѣетъ и смердитъ.

*

Какъ благоуханны наши Февраль и Мартъ, солнечно-снѣжные, вьюжные, голубые, какъ бы неземные, горніе! Въ эти первые дни или только часы, миги, какая красота въ лицахъ человѣческихъ! Гдѣ она сейчасъ? Вглядитесь въ толпы Октябрскія: на нихъ лица нѣтъ. Да, не уродство, а отсутствіе лица, вотъ что въ нихъ всего ужаснѣе.

*

Малые-малые, сѣрые-сѣрые, неразличимые, неисчислимые, насѣкомо-подобные. Не люди, а тли.

*

По-славянски, «тля», а по-русски, то насѣкомое, отъ котораго — сыпной тифъ, природная болѣзнь нашего «соціалистическаго отечества». Петроградская Коммуна собирается мыть народъ въ банѣ насильно, какъ моютъ маленькихъ дѣтей. Тысячу лѣтъ народъ самъ шелъ въ баню, а теперь и палкой не загонишь. Полюбилъ нечисть. Въ «Войнѣ и Мирѣ», Пьеръ Безуховъ, послѣ пожара Москвы, во французскомъ плѣнѣ, до того опростился, что полюбилъ вшей: «вши, ѣвшіе его, согрѣвали его тѣло», говоритъ Толстой. Вотъ от-

куда эта соціалистическая тля. Не врагъ опустошаетъ, не чужой звѣрь жретъ, а своя родная тля тлитъ Россію.

*

Въ гербѣ самодержавія царскаго св. Георгій Побѣдоносецъ, пронзающій копьемъ крылатую тлю. А въ гербѣ самодержавія народнаго — безкрылая Побѣдоносная Тля.

*

Самое страшное въ страшномъ снѣ нельзя разсказать, почти вспомнить нельзя. Такъ мы не можемъ разсказать того, что сейчасъ происходитъ въ Россіи: уже почти не помнимъ.

*

Идучи по петербургскимъ улицамъ и вглядываясь въ лица, сразу узнаешь: вотъ коммунистъ. Не хищная сытость, не звѣрская тупость — главное въ этомъ лицѣ, а скука, трансцендентная скука «рая земного», «царства Антихриста».

*

Въ Петербургѣ давно уже всѣ фабрики стали, трубы не дымятъ. Небо надъ умирающимъ городомъ — ясное, блѣдное-зеленое, какъ надъ горными вершинами. На улицахъ снѣгъ — дѣвственно-бѣлый, какъ въ полѣ. Всѣ лавки закрыты; прохожихъ мало; ѣзды почти никакой — только рѣдкія автомобили съ комиссарами, да грузовики съ красноармейцами. По серединѣ улицы — лошадиная падаль съ обнаженными рёбрами; собаки рвутъ клочья кроваваго мяса. На мохнатыхъ лошаденкахъ ѣдутъ башкиры, желтолицые, косоглазые; поютъ

заунывную, дикую пѣснь, ту же что пѣли въ солончаковыхъ степяхъ Средней Азіи.

*

Къ голоду легче привыкнуть, чѣмъ думаютъ. Мы питались полгода мерзлымъ картофелемъ, кислой капустой да чернымъ хлѣбомъ съ соломой, — и ничего, привыкли. Даже чувствовали ту легкость, окрыленность духа, о которой говорятъ христіанскіе подвижники. Никогда такъ вкусно не ѣли: два кусочка сахара съ коркою чернаго хлѣба — цѣлое пиршество.

*

Страхъ голода страшнѣе самого голода. Мы продали все, что могли — платья, мебель, посуду, книги — и предвидѣли, что скоро продавать будетъ нечего. Когда фунтъ хлѣба — 300 рублей, а фунтъ масла — 3000, — никакихъ денегъ не хватитъ, и голодная смерть глядитъ въ глаза.

*

Великій русскій писатель, Василій Васильевичъ Розановъ умеръ отъ страха голода. Передъ смертью подбиралъ окурки папиросъ на улицахъ.

*

Холодъ мучительнѣе голода. Добрый чиновникъ изъ комиссаріата Внутренныхъ дѣлъ прислалъ намъ немного дровъ изъ крематорія; обѣщалъ также прислать изъ кладбищенскихъ рощъ, которыя будутъ рубить на дрова. Но этихъ мертвецкихъ дровъ намъ не хватало. Кое-какъ отапливали двѣ-три комнаты; остальныя заперли. Сидѣли въ шубахъ. Глядя на библіотеку, утѣшался мыслью, что можно будетъ топить сначала полками, а потомъ книгами.

*

Въ Москвѣ водопроводы стали. Уборныя заперты, и запрещено ходить въ нихъ, подъ страхомъ «разстрѣла». Больные ходятъ на чердакъ, а здоровые — на дворъ. На дворахъ — горы нечистотъ замерзшихъ. Вывозить некому и некуда. Къ веснѣ растаютъ.

*

Замерзшія водопроводныя трубы лопаются; стѣны домовъ разрушаются. Еще двѣ-три такихъ зимы, — и отъ русскихъ городовъ останутся однѣ развалины.

*

Можетъ ли Россія прожить безъ городовъ? Отчего же нѣтъ? Россія — деревня; деревня не любитъ города: «довольно кровушки нашей попили, проживемъ и безъ васъ!» И проживутъ. Одичаютъ, озвѣрѣютъ, обовшивѣютъ, но проживутъ и будутъ сыты. Когда мозгъ пораженъ, человѣкъ впадаетъ въ идіотизмъ. Но идіоты живутъ иногда очень долго и здоровѣютъ, жирѣютъ. Что, если русскій народъ превратится въ такого идіота, жирнаго, «бѣлоглазаго», чей зловѣщій образъ такъ пугалъ знатока русской деревни, Ив. Бунина? Не утвердится ли коммунистическій рай на плечахъ этого идіота, какъ небо на плечахъ Атласа?

*

«Что такое Россія? Ледяная пустыня, по которой ходитъ лихой человѣкъ». Слова, сказанныя К. П. Побѣдоносцевымъ.

*

По двадцатиградусному морозу, за пятнадцать верстъ гоняютъ на окопныя работы семнадцатилѣтнихъ куристокъ и старыхъ профессоровъ-академиковъ. Горь-

кій возмутился, написалъ Ленину; проситъ, чтобъ этого не дѣлали. Какъ будто не самъ Горкій съ Ленинымъ это сдѣлали.

*

Ленинъ — самодержецъ, Горькій — первосвященникъ. Онъ — въ такой же ласковой оппозиціи къ Ленину, какъ Суворинъ — къ Николаю II. У Горькаго и Суворина — одно и то же лицо, на все готовое: «чего изволите?» У обоихъ въ душѣ — одинъ и тотъ же провалъ въ пустоту, въ нигилизмъ, въ «босячество». Оба — великіе блудники или вѣрнѣе, блудницы. Абсолютная русская женственность, абсолютная проституція.

*

Горькій основалъ многомилліонное издательство русскихъ переводовъ европейскихъ классиковъ, «Всемірную Литературу» — богадѣльню для умирающихъ отъ голода русскихъ писателей. Плата за печатный листъ въ 40.000 буквъ — 300 ленинокъ, 3 царскихъ копейки — фунтъ хлѣба. Достаточно для медленной смерти отъ голода.

*

Спекулянтъ Гржебинъ, стоящій за спиною Горькаго, скупаетъ за гроши всю русскую литературу. Въ паутинѣ этого паука всѣ русскіе писатели бьются, какъ мухи.

*

Въ Москвѣ изобрѣли новую смертную казнь: сажаютъ человѣка въ мѣшокъ, наполненный вшами, и вши заѣдаютъ его до смерти. Въ такой мѣшокъ посадилъ Горькій душу Россіи. А Европа гадаетъ: возмож-

на или невозможна постепенная эволюція отъ вшиваго мѣшка къ правовому порядку?

*

Палачи-китайцы продаютъ на рынкахъ вмѣсто телятины мясо разстрѣленныхъ. Можетъ быть, это легенда. Но несомнѣнный фактъ, разсказанный мнѣ очевидцемъ, что въ петербургскомъ Институтѣ Экспериментальной Медицины бульонъ для разводки бациллъ изготовляютъ изъ пропускаемой сквозь мясорубку человѣческой печени. А Европа гадаетъ, возможна или невозможна постепенная эволюція отъ человѣческой мясорубки къ свободѣ, равенству и братству?

*

Среди русскихъ коммунистовъ — не только злодѣи, но и добрые, честные, чистые люди, почти «святые». Они-то — самые страшные. Больше, чѣмъ отъ злодѣевъ, пахнетъ отъ нихъ «китайскимъ мясомъ».

*

Все лѣто 1919 года прошло въ «пыткѣ надеждою». Освобожденія ждали мы со дня на день, съ часу на часъ. Когда при наступленіи Юденича, приближались глухіе звуки пушечныхъ выстрѣловъ, мы прислушивались къ нимъ, какъ погребенные заживо — къ стуку въ крышку гроба. Люди обезумѣли: видѣли разъѣзды бѣлыхъ на Забалканскомъ проспектѣ; когда раздавалась военная музыка, вскакивали утромъ съ постелей и кидались къ окнамъ, думая, что это первые отряды освободителей. Глядя на аэропланы бѣлыхъ, смѣялись и плакали.

*

Но выстрѣлы, постепенно удаляясь, наконецъ, умолкли. И мы перестали ждать: поняли, что въ гробовую крышку стучали, потому что заколачивали гробъ.

*

Тогда же поняли мы, что миръ будетъ заключенъ, и мнимое «невмѣшательство» Европы въ русскія дѣла окажется дѣйствительнымъ вмѣшательствомъ въ пользу большевиковъ. То, что тогда Европа сдѣлала съ Россіей, никогда не простится. Не мы — вамъ, а вы сами себѣ не простите.

*

Въ чемъ смыслъ міровой войны? Въ торжествѣ права надъ силой. Но, заключивъ миръ съ большевиками, Европа признаетъ такое торжество силы надъ правомъ, какого еще никогда на землѣ не бывало, и тѣмъ уничтожитъ смыслъ міровой войны.

*

Передъ нашими окнами, по-серединѣ улицѣ, выросла густая зеленая трава. Въ тихіе лѣтніе дни вѣтеръ шелеститъ въ травѣ и уноситъ прозрачный пухъ одуванчиковъ...

*

Смотрю на голубое небо, какъ сквозь рѣшотку тюремную. Вся Россія — тюрьма: чувство это не покидало меня въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ ни на одну минуту.

*

Противъ нашихъ оконъ — «домъ инвалидовъ». Днемъ и ночью доносятся оттуда однообразно-унылые звуки гармоники. Когда я долго прислушиваюсь къ

Въ русскомъ народѣ только одинъ изъ двухъ полюсовъ — религіозная женственность.

*

Въ противоположность западному католическому христіанству — мужественному — восточное, византійское — женственно. Православіе на русскій народъ — женственность на женственность.

*

Съ византійскимъ христіанствомъ принялъ русскій народъ и византійское язычество — самодержавіе. Въ самодержавіи — начало римской власти, римскаго мужества. Но какъ преломляется оно въ женственной русской стихіи? По Конст. Аксакову, сущность русской исторіи — «отреченіе, открещиваніе отъ власти», религіозная анархія, осуществляемая въ политической монархіи. «Государство, — говоритъ Аксаковъ, — никогда у насъ не обольщало собою народа; не хотѣлъ народъ нашъ облечься въ государственную власть, а отдавая эту власть избранному имъ и на то назначенному государю, самъ желалъ держаться своихъ внутреннихъ жизненныхъ началъ», то-есть, женственныхъ, жертвенныхъ.

*

Въ самодержавіи русскій народъ какъ бы выдѣляетъ изъ себя всю свою мужественность и отдаетъ ее одному — самодержцу.

*

Вся русская мужественность сосредоточилась въ царѣ. Палъ царь — пала мужественность — осталась абсолютная женственность.

*

— Никто отъ васъ коммунизма не требуетъ. Общей культурной работы въ Россіи много.

Я вспомнилъ «Всемірную Литературу» Горькаго — «вшивый мѣшокъ» — и ничего не отвѣтилъ.

*

Мнѣ предложили произнести рѣчь въ день годовщины 14 Декабря 1825 года, на торжественномъ праздникѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ Бѣломъ Залѣ съ колоннами. Я долженъ былъ прославлять мучениковъ русской свободы предъ лицомъ свободоубійцъ. Если бы тѣ пять повѣшенныхъ воскресли, — ихъ повѣсили бы снова, при Ленинѣ, такъ же какъ при Николаѣ Первомъ.

О, петля Николая чище,
Чѣмъ пальцы сѣрыхъ обезьянъ!

вотъ что я долженъ былъ сказать, а отказа говорить мнѣ никогда не простили бы. Я это зналъ, и они знали.

*

Въ тишинѣ безсонныхъ ночей я взвѣшивалъ двѣ одинаково страшныхъ возможности-невозможности. Жизнь въ Россіи — умираніе тѣлесное или духовное, — растленіе, оподленіе; а побѣгъ — почти самоубійство — спускъ изъ тюремнаго окна съ головокружительной высоты на полотенцахъ связанныхъ. И какъ бѣжать, оставивъ близкихъ? Что́ лучше, погибать со всѣми или спастись одному? Сдѣлать выборъ, взвѣсить его на вѣсахъ внутреннихъ, рѣшить побѣгъ, — можетъ быть, было труднѣе, чѣмъ бѣжать.

*

Для древнихъ изгнаніе было почти то же, что смерть. Мы уже тогда предвкушали ту горечь смерт-

ную, которую нынѣ пьемъ полною чашею. Вы, оставшіеся, не завидуйте намъ!

*

Старушка няня, когда я сказалъ ей о побѣгѣ, молча заплакала; и собачка Афикъ, нашъ многолѣтній другъ, глядя умными глазами на нее и на меня, завыла жалобно: какъ будто обѣ провожали меня на смерть.

*

Полтора года готовились мы къ побѣгу. Три раза все уже было готово и только въ послѣднюю минуту срывалось. Сначала хотѣли бѣжать черезъ Финляндскій фронтъ, потомъ черезъ Латышскій и, наконецъ, черезъ Польскій. Въ послѣднее время многіе знали о нашемъ намѣреніи, слухи ходили по городу, и мы жили подъ вѣчнымъ страхомъ доноса. Какихъ трудовъ, униженій, обмановъ, хитростей стоила бумажка на выѣздъ изъ Петербурга — мандатъ на чтеніе просвѣтительныхъ лекцій въ красноармейскихъ частяхъ!

*

Мы знали, что за-границей ленинки превратятся въ пыль, и мы будемъ нищіе, голые на голой землѣ. Но бѣлья и платья нельзя было взять больше, чѣмъ каждый могъ снести въ ручномъ тюкѣ или чемоданѣ. Какъ мучительно мы втискивали вещи; какъ сомнѣвались, что̀ предпочесть — лишнюю пару сапогъ или драгоцѣнную рукопись; съ какою воровскою ловкостью зашивали деньги въ подкладку платій и чемодановъ!

*

Дня за три до отъѣзда, сдѣлался морозъ въ 27 градусовъ, а мы не знали, топятъ ли вагоны. И невозможно было откладывать.

*

Мглисто-розовымъ декабрскимъ вечеромъ, по вымершимъ улицамъ со снѣжными сугробами, на двухъ извощичьихъ саняхъ, нанятыхъ за 2.000 рублей, мы поѣхали на Царскосельскій вокзалъ. На вокзалѣ — послѣдній митингъ съ рѣчами коммунистовъ, съ концертомъ оперныхъ пѣвичекъ и заунывнымъ пѣніемъ Интернаціонала. Передъ третьимъ звонкомъ носильщикъ, нанятый за 1.000 рублей, покинулъ насъ въ озвѣрѣлой толпѣ ломившихся въ поѣздъ красноармейцевъ и мѣшечниковъ. Мы не могли снести вещей: надо было или бросить ихъ, или самимъ остаться. Двое спутниковъ нашихъ уже влѣзли въ вагонъ, и толпа отрѣзала ихъ отъ насъ. Наконецъ, кто-то помогъ. Мы тоже втиснулись. Корридоръ былъ набитъ красноармейцами, заваленъ сундуками и мѣшками. Въ купэ для четырехъ было четырнадцать человѣкъ и такой воздухъ, что одному изъ насъ сдѣлалось дурно.

*

Трое сутокъ отъ Петербурга до Х. — сплошной бредъ. Налеты чрезвычайки, допросы, обыски, аресты, пьянство, пѣсни, ругань, споры, почти драки изъ-за мѣстъ, духота, тьма, вонь, ощущеніе ползающихъ по тѣлу насѣкомыхъ... Лучше не вспоминать.

*

Х — прифронтовый городокъ — большая деревня. Половина жителей — въ сыпномъ тифу. Мы остано-

вились въ еврейской корчмѣ — четверо въ одной комнатѣ, за 1.000 рублей въ сутки. Нашъ хозяинъ, контрабандистъ, грабилъ насъ безсовѣстно, потому что зналъ, для чего мы пріѣхали. Въ Х. — цѣлое общество контрабандистовъ, которое переправляетъ за фронтъ не только товары, но и буржуевъ. Мы имѣли хорошія рекомендаціи изъ Петербурга, и намъ легко было уговориться. Обѣщали переправить на г. N за 20.000 рублей. Мы наняли извощиковъ, но тѣ обманули, не пріѣхали. Страшно было, какъ бы не донесли.

*

Вывѣсили шубы на морозъ, прокипятили бѣлье, чтобы избавиться отъ вшей. У З. Н. сдѣлался жаръ. Я боялся, что будетъ сыпной тифъ. Ночью больная бредила, что влѣзаетъ на головокружительную лѣстницу со ступенями такими высокими, что никакъ не влѣзешь, а лѣзть надо — иначе сорвешься и упадешь назадъ, въ пропасть; а на самомъ верху лѣстницы — исполинская, бѣлая вошь.

*

— Какая покинутость! Какая покинутость! — шептала больная.

Никогда не забуду я этого шопота. Вся тоска изгнанія — въ двухъ словахъ.

*

Русскій извощикъ обманулъ, латышъ оказался честнѣе — пріѣхалъ. Подулъ юго-западный вѣтеръ, морозъ полегчалъ. Мы закутались, легли въ низкія розвальни и раннимъ, еще темнымъ утромъ, поѣхали съ осторожностью, чтобы не наткнуться на красноармей-

скій разъѣздъ, по широкимъ и пустыннымъ улицамъ, мимо спящихъ домиковъ. Когда благополучно миновали заставу и въ необозримомъ снѣжномъ полѣ вольный вѣтеръ повѣялъ въ лицо, и потомъ въ сосновомъ бору, когда запахло смолою въ оттепельномъ воздухѣ, — я почувствовалъ такую радость, что казалось, стоило отдать за нее жизнь. Тогда только понялъ я, что не ошибся въ выборѣ — сдѣлалъ то, что надо: умереть, но быть свободнымъ.

*

Глухими лѣсными дорогами, а иногда и совсѣмъ безъ дорогъ, цѣлиною по снѣжному насту пробирались мы въ деревню — крайній пунктъ, ближайшій къ польскому фронту. Въ Z. латышъ передалъ насъ полякуконтрабандисту, который тоже переправлялъ бѣглецовъ черезъ фронтъ. У поляка остановились мы на ночлегъ. Этотъ придурковатый малый, съ испуганно-растерянным лицомъ, казался намъ не очень надежнымъ. Вечеромъ отправился онъ на развѣдки и, вернувшись поздно ночью, объявилъ, что ѣхать опасно: по дорогамъ — заставы; но и ждать опасно: по всему мѣстечку — облавы и обыски. Мы рѣшили ѣхать.

*

Когда минуя послѣднюю хату на выѣздѣ, гдѣ могла быть застава, извощикъ боязливо повернулъ къ ней голову, — мы тоже на нее взглянули: не затеплится ли въ темныхъ окнахъ огонекъ, не выскочутъ ли изъ воротъ люди съ винтовками? Мы знали, что, если попадемся, лучше мгновенный разстрѣлъ, чѣмъ медленная пытка съ издѣвательствомъ. Слава Богу, проѣхали! При слабомъ свѣтѣ звѣздъ, въ темномъ снѣжномъ полѣ, опять закружили цѣлиною, безъ до-

рогъ, иногда проваливаясь въ снѣгъ, объѣзжая двѣ послѣднія заставы на N-скомъ шляхѣ. Наконецъ, и ихъ миновали. Поѣхали по лѣсу, такою узкою тропою, что оснѣженныя сосны и ели задѣвали насъ по лицу пушистыми, бѣлыми лапами.

*

Еще одна послѣдняя деревня. Когда толпа крестьянъ окружила насъ у околицы, сердце у меня упало. Что если крикнутъ: «Стой!» Но посмотрѣли молча, съ любопытствомъ, и пропустили. Мы узнали потомъ, что недавно, въ этой самой деревнѣ, крестьяне убили и ограбили нѣсколько бѣженцевъ.

*

Голая снѣжная степь. N-скій шляхъ. Телеграфные столбы съ уныло гудящей проволокой. Ледяной вѣтеръ, какъ ножами рѣжущій. Чтобы не замерзнуть, мы легли на дно саней и съ головой закутались. Вдругъ, на самомъ краю бѣлой равнины, замелькали черныя точки: польскій фронтъ.

— Кто вы?
— Русскіе бѣженцы.
— Откуда?
— Изъ Петрограда.
— Куда?
— Въ Варшаву, Парижъ, Лондонъ.

Познанскій легіонеръ подалъ знакъ, ворота открылись, и мы переѣхали черту заповѣдную, отдѣляющую тотъ міръ отъ этого.

*

Здѣсь въ изгнаніи, — тотъ же крестъ, какъ тамъ, въ Россіи: мы только переложили его съ плеча на плечо.

*

Россія — наша земля, наше тѣло. Безъ земли — безъ тѣла. Наша любовь къ Россіи неутолимая — неутолимая жажда облечься въ новое тѣло, въ новую землю.

*

На ниву Божью, вспаханную плугомъ войны народовъ братоубійственной, мы русскіе изгнанники, безтѣлесные духи всемірности, падемъ, какъ сѣмена сѣва Божьяго, грядущаго братства народовъ.

*

Наша любовь къ Россіи — не только любовь, но и влюбленность. Россія — Мать и Невѣста, Мать и Возлюбленная вмѣстѣ.

*

Для насъ не простая случайность, а благословенный даръ судьбы, даръ Промысла Божьяго — то, что мы сейчасъ въ Польшѣ, землѣ мессіанизма, землѣ всемірности.

*

Не помню, гдѣ я читалъ или слышалъ легенду.

Наканунѣ раздѣла, распятія Польши, Матерь Божія Остробрамская, темнымъ утромъ, до зари, ходила по Литовскимъ полямъ и скорбѣла, и плакала. Слезы Ея падали росою на землю, и цвѣтокъ выросъ изъ этой росы божественной. Имя цвѣтка — «Сердце Польши» — мессіанизмъ польскій.

И наканунѣ гибели Россіи, русская Матерь Божья, Всѣхъ Скорбящихъ Матерь ходила по русскимъ полямъ и скорбѣла, и плакала. И такъ же изъ слезъ Ея выросъ цвѣтокъ. Имя цвѣтка — «Сердце Россіи» — мессіанизмъ русскій. Оба цвѣтка одинаковы: въ нихъ — золотое сердце единое.

Міръ гибнетъ сейчасъ отъ вражды народовъ братоубійственной. Такой вражды, какъ между двумя народами-братьями, русскимъ и польскимъ, никогда еще не бывало. Но когда эта вражда утолится, эти два народа соединятся, то золотое сердце ихъ, какъ цвѣтокъ откроется и озаритъ, какъ солнце, все человѣчество.

*

Что означаетъ міровая катастрофа, переживаемая нынѣ человѣчествомъ, — разрушеніе Европы, политическое, экономическое, соціальное, культурное? Почему въ міровой войнѣ нѣтъ побѣжденныхъ, нѣтъ побѣдителей? Почему побѣда злѣе пораженія?

Русскій большевизмъ и польскій мессіанизмъ отвѣчаютъ на эти вопросы какъ будто одинаково: изъ категоріи бытія національнаго человѣчество должно неизбѣжно, подъ угрозой гибели, перейти въ иную категорію, высшую, бытія всемірнаго. Нѣкогда, въ національныхъ формахъ бытія своего, народы жили и росли свободно; теперь умираютъ въ нихъ, задыхаются. Нѣкогда пелены колыбельныя, формы эти становятся нынѣ пеленами смертными. Человѣчество или сойдетъ въ нихъ могилу, чтобы истлѣть, или сброситъ ихъ, какъ Лазарь воскресающій.

*

Требованіе бытія всемірнаго въ русскомъ большевизмѣ и польскомъ мессіанизмѣ сходно по внѣшности. Но, при внѣшнемъ сходствѣ, тутъ внутренняя противоположность глубочайшая.

Русскій большевизмъ утверждаетъ равенство безъ свободы, потому что не можетъ разрѣшить антиномію свободы и равенства. Въ самомъ дѣлѣ, антиномія эта неразрѣшима въ порядкѣ мышленія раціональнаго. Здѣсь личность (точнѣе, «особь») поглощается обществомъ (точнѣе, «государствомъ»), Одинъ — Всѣми, Свобода — Равенствомъ — до истребленія, уничтоженія абсолютнаго.

Антиномія эта разрѣшается только въ порядкѣ мышленія религіознаго: тезисъ — Я, Личность, Свобода — и антитезисъ — Не я, Общество, Равенство — соединяются въ синтезѣ — въ Братствѣ, Любви.

*

Всемірное соединеніе большевизмъ утверждаетъ на ненависти. Что попытки такихъ соединеній возможны, доказываетъ всемірная война международная и еще болѣе всемірная, гражданская война — «борьба классовъ». Чѣмъ кончилась первая, мы уже знаемъ; можетъ быть, скоро узнаемъ, чѣмъ вторая кончится.

Мессіанизмъ утверждаетъ всемірное соединеніе на любви. Попытка такого соединенія никогда еще не дѣлалась, потому что у человѣчества не было иной всемірности, кромѣ христіанства, но и въ христіанствѣ любовь — начало только личное.

Въ мессіанизмѣ любовь есть начало личное и общественное вмѣстѣ, царство Божіе на землѣ, какъ на небѣ. Это новая заповѣдь любви — «заповѣдь новую

даю вамъ», — соединеніе Свободы и Равенства въ Братствѣ, Отца и Сына въ Духѣ — Третій Завѣтъ.

*

Самое ужасное въ гибели — безсмысленность. Ни за что погибла Россія? Нѣтъ, за вѣчную душу свою — за всемірность.

*

«Апокалипсисъ» — конецъ всемірной исторіи. Продолженія все еще хочетъ Европа: въ этомъ слабость ея. Большевизмъ хочетъ конца: въ этомъ сила его. Въ «Апокалипсисъ» не вѣритъ, но самъ «апокалипсиченъ» насквозь.

*

Можно надѣяться, что это еще не конецъ, и человѣчество выживетъ; но именно можно *только* надѣяться.

*

Настоящій конецъ не совершится ли такъ же, какъ это подобіе конца, — изнутри — сначала изнутри, а уже потомъ извнѣ? И сейчасъ не повторяется ли на нашихъ глазахъ исполинское видѣніе Патмоса? Не издыхаемъ ли мы отъ страха бѣдствій, грядущихъ на вселенную? Не свивается ли наше внутреннее небо, какъ свитокъ? Не становится ли наше солнце, какъ кровь, и наша вода, какъ полынь? Не рушится ли нашъ Вавилонъ великій? И Багряный Звѣрь не выходитъ ли изъ бездны — изъ бездны нашихъ сердецъ?

*

Центръ міровой тяжести сейчасъ — въ Россіи. Европа погибнетъ или спасется не безъ Россіи. Это и значитъ: мы потеряли все, кромѣ нашей всемірности.

*

Люди забыли Бога, — вотъ причина всего. Но кажется иногда, что и Богъ забылъ людей.

*

Если то, что сейчасъ происходитъ, зависитъ только отъ людей, то людямъ нѣтъ прощенія. Но это *не только* отъ людей зависитъ. Люди должны что-то сдѣлать, чтобы спастись; но *не только* люди.

*

Никогда? Нѣтъ, дважды было то, что сейчасъ: въ началѣ, когда Богъ извлекъ міръ изъ хаоса; и въ серединѣ, когда Слово стало Плотью. И вотъ, сейчасъ то же, въ концѣ — въ томъ, чему еще нѣтъ имени.

*

Чашу Хаоса наполнилъ Космосъ. Чашу Космоса наполнилъ Логосъ. Чашу Логоса наполнитъ Духъ.

*

Мы еще не знаемъ, чѣмъ будетъ явленіе Духа; но знаемъ, что будетъ, или снова міръ погибнетъ въ хаосѣ.

*

Спасеніе міра другіе народы кончатъ, — Россія начнетъ.

Оглавленіе

Д. С. Мережковскій
Царство Антихриста. (Большевизмъ, Европа и Россія.) 5
Предисловіе 7
З. Н. Гиппіусъ
Петербургскій Дневникъ 35
Исторія моего дневника 37
Черная книжка 66
Сѣрый блокъ--нотъ (карандашемъ) 126
Д. В. Философовъ
Нашъ побѣгъ 157
Д. С. Мережковскій
Крестъ и Пентаграмма 177
Л. Толстой и большевизмъ 189
В. А. Злобинъ
Тайна большевиковъ 199
Д. С. Мережковскій
Записная книжка 227

26 42ST
81/82 52-1

DK 565 .M44 1922 C.1
TSarstvo Antikhrista /
Stanford University Libraries
3 6105 041 113 965

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D DEC 14 1994

MAY 17 1999

F/S JUN 30 1998

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004